

Олег МАТВЕЙЧЕВ

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ВОЙНЫ XXI ВЕКА**

**«МЯГКАЯ СИЛА»
ПРОТИВ АТОМНОЙ БОМБЫ**

Москва • Книжный мир • 2016

Матвейчев Олег

Информационные войны XXI века. «Мягкая сила» против атомной бомбы. – М.: Книжный мир, 2016. – 352 с.

ISBN 978-5-8041-0865-7

Каковы теория, стратегия и тактика информационных войн XXI века? Как с помощью «мягкой силы» можно покорить планету? Кто такая элита, чем она отличается от остальных слоёв общества и какую роль играет в государстве? Что такое геополитика, в чем заключаются основные геополитические концепции прошлого и настоящего? Почему выход СССР в космос стал наилучшим шагом в мировой геополитике? Что такое консерватизм и почему он столь важен для современного общества? В основу этой книги лёг цикл лекций известного российского политолога Олега Матвейчева. Простым разговорным языком она рассказывает о сложнейших и интереснейших явлениях, которые формируют наш мир.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN 978-5-8041-0865-7

© Матвейчев О.А., 2016
© Книжный мир, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

**О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ
ГЕОПОЛИТИКИ 7**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ 79

- **Часть 1.**
Что такое информационная война? 79
- **Часть 2.**
К вопросу об идеологии 100
- **Часть 3.**
*Стратегия информационной
кампании 129*
- **Часть 4.**
Работа со СМИ 156
- **Часть 5.**
*Организация
информационной кампании 188*
- **Часть 6.**
Публичные дискуссии 218

ЧТО ТАКОЕ «КОНСЕРВАТИЗМ»? 251

КТО ТАКАЯ «ЭЛИТА»? 267

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

ЧИТАТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЕЙ 317

- *О мировом кризисе 317*
- *О низких пенсиях и безработице 318*
- *Об оппозиции 321*
- *О «мягкой силе»
и информационных войсках в армии 324*
- *О будущем 331*
- *О ВТО 333*
- *О свободах 334*
- *О Навальном 336*
- *О суверенитете 340*
- *О внутренней и внешней политике
и интеллектуалах 344*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данную книгу вошли лекции, прочитанные в период с 2006 по 2014 гг. в молодежных лагерях «Селигер», «Таврида», в Школе Эффективных коммуникаций «Репное», молодежном движении «Сеть» и др. Также вошли ответы на вопросы, задаваемые после лекций и в социальных сетях, после публикации данных материалов.

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Сегодняшняя лекция будет посвящена геополитике. Геополитика это наука, которая определяет важность географических факторов и их влияние на политику государств и достижение ими своих целей. Вот в самом простом варианте определение такое. Конечно, существуют десятки других определений, самых разных, которые даны различными учеными. Но первично, когда создавалась эта наука, когда впервые вводилось это понятие, оно определялось примерно так.

Термин сам введен был шведским ученым Челленом, который сам по себе как таковой не внес большого вклада в геополитику. А в дальнейшем термин геополитика использовался и был больше всего связан, ассоциировался всегда, с Маккиндером, английским ученым, который, в общем-то, и является общепризнанным отцом геополитики. Поэтому игнорировать его мы не можем. Он дал основные понятия геополитики. Он определил и область ее действия, и основные аксиомы, которые используются в этой науке до сих пор. Ну и у него же содержались какие-то такие узлы, с которыми

спорили последующие ученые. И, в общем-то, в любом случае, это фундамент на котором все стоит.

Маккиндер заявляет о том, что география и политика связаны, и что сила государств зависит от их географического положения. Элементарная, в общем-то, вещь, которая была понятна всем политикам, всем вождям, монархам, полководцам, в различные периоды истории, но не была никак систематизирована в каких-то книгах, научных статьях. Поэтому только в XIX веке наука геополитика и развивается, хотя геополитическая практика, естественно, существует тысячелетия. Различные государства воевали между собой, использовали географическое положение. Различные советники, безусловно, знали о том, что география много решает в их политических вопросах. Но теории не было. И вот теорию эту попытался сформулировать Маккиндер, чтобы понять, чем пользовались мудрецы, чем пользовались советники на протяжении тысячелетий, из чего они исходили. Поскольку Маккиндер был преподавателем и профессором географии, он по-своему представлял некие географические карты, и когда он взял глобус, нашу Землю, он обнаружил, что все на нашей планете, которая уже, в общем-то, оформилась, открыто. История географических открытий кончилась, нет никаких новых америк. Все, глобус уже полностью замкнут. Так вот, на этом глобусе существует мировая суша, единая, и мировые острова. Мировая суша это Евразия, гигантский материк, к которой, в принципе, прилегает Африка и прилегает Австралия, кусочек отколовшийся, который можно и островом рассматривать, он не самостоятельный. А вот мировые острова это, прежде всего, Северная и Южная Америки, с ведущей ролью Северной Америки.

Итак, материк и острова. Вот уже есть первое разделение. Естественно что, поскольку на вот этом гигантском материке все находится, Маккиндер смотрит на техническое развитие, на культурное развитие, и понимает, что у этого материка тоже есть периферия. И Китай, и Индия, и Африка, в целом, и Европа, это как бы периферия. Вот есть центральная часть, так называемая, «материковая сердцевина», которая находится глубже всех, далеко от моря, и которая может распространять свое влияние, в дальнейшем, на весь этот самый материк. Эта сердцевина была названа Маккиндером хартлэнд, то есть «сердце земли», «сердце мира», или собственно, «материковая сердцевина», как ее везде и переводят. Это первое понятие, которое ввел Маккиндер и он вывел такую аксиому: **«Кто контролирует хартлэнд, тот контролирует мировую сушу. Кто контролирует мировую сушу, тот контролирует Землю»**. Дальше он начал изучать хартлэнд и пытался понять, а кто же контролирует хартлэнд. Что нужно для этого? И пришел к выводу что, тот, кто контролирует Восточную Европу, причем вместе с Уралом, тот контролирует хартлэнд. И таким образом в начале XX века Маккиндер пришел к тому, что Российская империя, которая к тому времени существовала, которая по большому счету занимала ту самую «материковую сердцевину», и является контролирующим государством, контролирующим мировую сушу, и, следовательно, имеющем все претензии на мировое будущее господство. Позже, когда Маккиндер был стар, когда уже возник СССР, после нашей революции, он, естественно, отождествил этот хартлэнд и с СССР. Глядя на историю Российской империи он сказал, что крупнейшей победой Российской империи было присоединение Сибири, как большой

значительной части этого хартлэнда. И собственно, после того, как Сибирь была присоединена, хартлэнд и Российская империя окончательно совпали, и окончательно оформились в качестве вот этой влияющей основы мира. Естественно, как англичанин, он не очень был рад такому своему открытию и он заговорил о том, что мы должны противостоять, то есть, Англия должна противостоять Российской империи в контроле над мировой сушей. Противостоять она может только одним способом: не давать расширяться, должна быть политика сдерживания. Для этого Маккиндер говорит о том, что мы должны установить санитарный кордон вокруг хартлэнда, так называемый «мировой полумесяц». Поскольку Российская империя не может быть атакована с севера, там Северный Ледовитый океан, и она как бы целиком развернута на остальную Евразию, то должен существовать полумесяц мировой, который будет ее огибать со всех сторон и который должен быть под контролем Англии. Некий санитарный кордон. Прежде всего, в этот полумесяц должна входить Западная Европа, должен входить Арабский Восток, и отсюда активная политика Англии на этом направлении. Союзнические отношения с Турцией. Естественно контроль Англии над Индией и сдерживание России в Китае, и желательно контроль Англии над Китаем. Собственно говоря, в начале XX века так этот полумесяц и был. То есть, Англия, она всегда пыталась контролировать Китай. Помните Опиумные войны. Это все как раз из этой серии. Индия была колонией Британии. Турция постоянная союзница Великобритании. Арабский Восток был весь перекроен Англией. Ну и довольно сложные отношения у Англии с Западной Европой, которой Англия управляла с помощью различных ссор, по принципу «разделяй

и властуй». То есть, делала так, чтобы европейские государства использовали силу Англии в качестве арбитра в своих каких-то спорах. Напомним, что лорд Керзон, который был в то время министром в Англии, полностью придерживался теории Маккиндера, был большим его поклонником. Вот так осуществлялась английская политика в это время. Вот что, наверное, нам нужно знать о Маккиндере, как о самом главном, основном геополитике, который ввел вот эти основные понятия.

Человек, который писал практически одновременно с Маккиндером, с разницей в несколько лет, их книги и статьи в разное время выходили, но автор американский, Альфред Мэхэн, это второй отец геополитики, который посмотрел на всю ситуацию практически в этих же терминах, но с несколько иной позиции, с несколько иной оценкой. И который внес огромный вклад в геополитику, по сути дела, является ее вторым отцом-основателем. Там где мы говорим Маккиндер, мы обязательно говорим – Мэхэн. Без этого нельзя представлять геополитику. Это как говорится, два брата, но не близнеца, конечно. Мэхэн написал книгу о влиянии морской мощи на силу государств. По сути дела, Мэхэн согласен с тем, что есть большой континент Евразия и вообще есть континентальные державы. Но, одновременно, он сказал, есть и морские державы. Прежде всего, это Англия, и собственно Мэхэн был впечатлен, прежде всего, успехами Англии в XVIII, и особенно в XIX веке. Тем, как Англия, маленький остров, оказался способен стать империей, в которой жило полмиллиарда человек, практически половина населения Земли на тот момент. Империей, над которой не заходило солнце, так считали, потому что колонии ее были от самого восточного Востока до самого западного Запада. Империя, ко-

торая правила всем. Но правила она, как поется в британском гимне, правила Британия морями, прежде всего. И именно за счет того, что она правила морями, она правила сушей, она правила миром. Она богатела, она имела самые большие колонии, и без нее не решался никакой вопрос и на суше. Какие бы войны ни были между континентальными государствами, Англия везде участвовала, принимала решения, и, в общем-то, вопросы зачастую решались так, как хотела именно Англия. Это действительно была сверхдержава, самая могущественная на планете, которую мы сейчас знаем, потому что даже нынешняя Америка вряд ли сравнится по своему могуществу с могуществом Англии в XIX веке. Что говорит, собственно, Мэхэн? Морские державы контролируют море, а море это путь. Море это не преграда, говорит Мэхэн, море это дорога. И если ты контролируешь дороги, то ты контролируешь, собственно говоря, все. Ты контролируешь мировую торговлю. В английской военной доктрине было записано, что английский флот должен превосходить, как минимум на треть, флоты всех континентальных государств вместе взятых. То есть, если они даже все соберутся, по какой-то причине, зададут себе вопрос, а что это Англия нами правит, и решат: ну-ка, мы ее победим. Так вот, если даже они все соберутся, то флот Англии должен быть больше, он должен быть в состоянии их разбить, и контролировать мировую торговлю, пути из порта в порт. Если ты их контролируешь, то ты взимаешь, как говорится, с них дань, взимаешь какие-то налоги. Можешь их всегда пограбить, если они не готовы платить деньги, как собственно пираты это и делали. Или защищаешь от пиратов. Но, тем самым, ты имеешь свой процент с каждой сделки в этом мире, то есть все купцы, которые едут

куда-то и что-то везут, чем-то торгуют, они тебе платят. Ну, разве плохо?! Вот за счет этого мирового могущества, собственно, Англия поднялась, и это стало для Мэхэна основанием утверждать, что вообще, в принципе, морские державы они круче, чем все сухопутные державы. Сухопутные, они где-то там долго ходят, у них нет предпринимательского духа, они несвободны, не открыты, в них там какой-то тоталитаризм. А вот у нас, в морских державах, свобода, открытость, предпринимательство и, так сказать, морской дух победы, и мы контролируем все пути и коммуникации. Статьи Мэхэна были напечатаны, тогда их уже прочел Маккиндер, в свое время, который писал то, о чем я говорил. Но Маккиндер уже тогда выразился довольно скептически по отношению к концепции Мэхэна. Он сказал, что согласен с этим общим разделением, о чем он собственно и сам Маккиндер говорил, на мировой остров, на мировую сушу, на разделение на морские и континентальные державы, но не согласен, что автоматически существует превосходство морских держав над сухопутными. Да, конечно, Мэхэн, правильно говорит, что морская держава имеет определенные преимущества в торговле, в контроле над коммуникациями. Но для того, чтобы строить флот ты должен все равно иметь на суше, на своем острове, развитую промышленность, ты должен все равно опережать всех, хотя бы во флотоводческом искусстве, построении самых современных кораблей, то есть, технологическом развитии. У континентальной державы тоже много ресурсов, для того чтобы иметь развитые технологии, в конце концов они тоже корабли могут построить, у них у многих есть выходы к морю. Понятно, что Мэхэн говорит, что мы не просто должны быть морской державой с флотом, мы должны

лидировать на мировой суше, контролировать все порты. Мы должны контролировать ее по периметру, по сути, по тому же самому полумесяцу, о котором говорил Маккиндер. Будем огибать со всех сторон материковую сердцевину, и контролировать порты. Если мы их контролируем с помощью своего флота, через них же осуществляется торговля, то мы, собственно, контролируем и все остальное. Но это не всегда может получиться. Простой пример, Римская империя, сухопутная, в значительной степени. Основные войны были там на суше и, в общем-то, сила римлян была все-таки в легионах в этих римских знаменитых, а вовсе не в кораблях. И наоборот, Карфаген. Карфаген, который был, по сути дела, морским городом-государством, который контролировал средиземную торговлю. Он постоянно мешал римским кораблям, римской торговле. Ну и постоянное вмешательство привело к тому, что война между Римом и Карфагеном возникла в итоге. Несмотря на прекрасные полководческие таланты того же Ганнибала, например, несмотря на это, все равно римляне победили Карфаген и разрушили его, уничтожили, и стали контролировать морскую торговлю. Вот простой пример, который опровергает теорию Мэхэна, что всегда морские державы будут побеждать... Отнюдь не всегда. Сухопутные могут взять, сконцентрироваться и победить. Если дальше в историю посмотрим. Крито-микенская культура в Греции. Остров Крит. Он контролировал все Средиземное море. Но пришли греки с Балкан, протогреки, естественно, ахейцы там всевозможные, и они разгромили крито-микенскую культуру, пришли на ее почву. И потом сами стали морской державой, своего рода. Самый свежий пример, это Британия. Этот пример связан с нашей историей, обязательно его нужно

взять. Британия, когда становилась владычицей морей. Это прекрасно осознавали, прежде всего, это осознавал Наполеон в свое время, когда произошла революция во Франции. Кстати, не без участия англичан, не без их поддержки Франция была заражена революционными какими-то вещами. Причем Англия помогала одновременно революционерам, и вроде бы за монархию выступала. То есть, задача была в том, чтобы гражданская война шла как можно дольше, ослабляя Францию. Но когда все это кончилось, пришел Наполеон. Он был великим стратегом и геополитиком, он сразу понял, что сила Англии держится на ее флоте. И у него возникла идея объединить континентальные государства, для того чтобы устроить блокаду Англии. То есть, если мы ее блокируем, и подвоз товаров и всего остального на остров прекращается, то режим падет и никакой Англии, как великой державы, не будет. Большую часть работы Наполеон сделал сам. То есть, он просто захватил все континентальные державы для того, чтобы они, подчиняясь ему, присоединились к блокаде. И в Испанию был поход, и Италия была подчинена, Австрия и Германия и все остальные. Он все захватил. То, что он не захватил, это Россия. Она далековато. Но он вступил в отношения, дружеские отношения, с нашим императором Павлом, которому объяснил, что союз против Англии, союз Франции-Германии-России, то есть всех континентальных государств, губителен для Англии. А Англия является самой вредной для нас всех страной. Павел смотрел на жизнь несколько по-новому. Тут нужно понять, что его мать, Екатерина, она мало того что пришла к власти при поддержке англичан и в целом никогда не вредила англичанам в своей политике, и старалась с ними как-то договариваться. Но она, конеч-

но, была очень испугана творящимися во Франции революционными событиями. Она же все-таки монарх. А там монархам головы рубят, революции всякие обычно не нравятся монархам. И поэтому она косо смотрела на Францию. Павел, увидев, что Наполеон, по сути дела, реставрировал монархию, что он ушел от этой революции, что он сам стал почти императором, не боялся революционной заразы, которая может проникнуть и в Россию. Он спокойно пошел на этот союз. Сначала он тоже конечно дрался, помните, Суворов ходил в Италию, потом был переход через Альпы. А потом Павел пошел на этот союз и понял что это очень удобно. Более того экспедиционный корпус отправился в Индию. Павел отправил в Индию экспедиционный корпус, который должен был, как минимум, до Индии дошел бы он или нет неизвестно, но захватить государство типа Бухарского ханства, Афганистана, Пакистана. То есть, чем дальше до Южного моря он дойдет, тем удобней будет разговаривать с англичанами. А это их колонии. То есть, мы посягнули на их колонии. Что случилось после этого с Павлом, мы все помним. Английский посол был непосредственным организатором убийства императора Павла. Императора Павла убили, задушили. После этого пришел Александр II, который тут же начал вести проанглийскую политику. Он поссорился с Наполеоном, он вступил с австро-венграми в союз, он начал вести против Наполеона кампанию, он перестал блокировать Англию. В конце концов, он проиграл Аустерлицкую битву, подписал Тильзитский мир, то есть, Наполеон его принудил к тому, чтобы он все-таки присоединился к блокаде. Но Александр нарушал этот договор, все равно с Англией взаимодействовал, торговые операции вел. Ну и Наполеон собственно, заявил, что,

мол, Россия сама виновата, видит Бог, я не хотел на нее нападать, но поскольку она нарушает условия мира, блокады и всего остального, то он объявляет войну и вторгся сюда. То есть, по большому счету англичане добились того, что они поссорили две континентальные державы убийством Павла. Что получилось из этого? С нашей стороны погибло огромное количество людей. Французская сторона была полностью разгромлена по итогам, мы вошли в Париж. То есть, все пострадали, а победителями вышли, опять, одни англичане. Все красиво у них. На самом последнем этапе войны, когда мы уже разгромили Наполеона, когда уже 500 тысяч человек, которые вошли в Россию, бежали позорно, были уничтожены, и только 80 тысяч человек вернулось из 500 тысяч. Тут откуда ни возьмись, появляются англичане и говорят, что мы тоже победители и при Ватерлоо участвуют в победном бою, в победном сражении, и потом делят вот этот вот самый мир. То есть, виртуозная операция английской дипломатии, английских военных. То есть, это как раз показывает нам, что вообще-то говоря, Англия находилась на грани вот этой блокады и возможности того, что морские державы ничего бы не победили. Континентальные могли с ними справиться. То есть, урок всем: континентальные державы должны сохранять единство между собой, для того чтобы противостоять морским. А морским, соответственно, нужно разделять и властвовать. Совершенно две разные, принципиально, стратегии. Для континентальных держав полезен мир, объединяющие скрепы, единство, провозглашение и акцентуализация внимания на чем-то общем между народами. А морские державы, для того чтобы выжить, обязаны сеять войны, они обязаны сеять разруху, они обязаны сеять смерть, они обяза-

ны сеять противоречия между всеми. И вот этот цинизм морских держав, прежде всего Англии, он собственно, сохранился до сегодняшнего дня. Они легко могут сбить «Боинг» какой-нибудь, как мы только что видели, кого-то в чем-то обвинить, например, Россию, кого-то убить, вот как с Павлом это было. Это в традициях, потому что это, собственно, является залогом их выживания, вообще как такового. Иначе, если ты не будешь этого делать, тебя захватят, и ты погибнешь. Поэтому совершенно цинично Англия поступила, когда Англия в XX уже веке уходила из своих колоний, по итогам Второй мировой войны, по итогам восстания в Индии, под руководством Ганди. Англичане были вынуждены уйти, там была война за независимость, мирная война, то есть, просто отказались индийцы англичанам подчиняться. Сели и сказали: «Мы не будем подчиняться. Все, до свидания!». Англичане поняли, что не уничтожишь же сотни миллионов человек, просто поняли, что нужно давать независимость. Так вот, когда они давали независимость, они так поделили Индию на штаты, и в том числе не только штаты, еще есть Пакистан как государство, максимально неправильно поделили, чтобы получилось, что разные народы живут в разных штатах, за границами. Для чего? Для того чтобы между ними всегда была вражда. Вот они ушли, а вражда остается. Вечный спор останется: вот здесь это наша, а это не наша территория. И это для того, чтобы англичане всегда могли вернуться и вмешиваться. Англичане – третейский судья. Мы, англичане, знаем, как с вами поговорить, и с ними, и с другими, и с третьими, и так далее. То же самое творилось на Ближнем Востоке. Не буду сейчас все рассказывать. Но там где нефть, эти арабские сложности, кланы. Кто от пророка Мухаммеда происхо-

дит, кто еще откуда-то происходит. Много разных династий, много разных стран, много разных племен, которые кочуют по пустыне. Все было поделено так, чтобы максимально играть на этих противоречиях, чтобы потом всегда иметь возможность натравить одних на других, одну династию на другую, один народ на другой, и всегда быть третейским судьей при этом. Ну и попутно получать нефть, естественно, для своих заводов, танкеров, для всего.

Вот две теории, про которые я сказал. Но есть у геополитики как бы третий отец-основатель, который занимает, опять-таки, принципиально другую позицию по отношению к вышеназванным Мэхэну и Маккиндеру. Это Карл Хаусхофер, немец. Поскольку он родился в Германии, родился на континенте, то он, естественно, рассуждал с позиций континентальной державы, немецкой державы. И вот он, признавая опять-таки разницу между морскими державами и континентальными державами, и стоя на позициях континентальной державы, как раз сформулировал те основные принципы, при которых континентальная держава может владеть, или, скажем, господствовать, или навязывать свою волю морским державам. Это, как я уже говорил, некий мир между этими державами. И он говорил о триединой оси. Это Берлин – Москва – Токио. Он назвал Токио, поскольку японская империя в значительной степени влияла и на Китай, и на Манчжурию. Это сильнейшее государство того мира. Вот он считал, что это сила. Жил бы он попозже, он, наверное, назвал бы Пекин. Пекин – Москва – Берлин. То есть, Германия, по его мнению, контролирует Европу, Россия контролирует Восточную Европу и большую часть Азии. А Тихоокеанскую Азию контролирует, в том случае, Токио, а в другом случае – Пекин. И вот если эта ось будет собрана,

то таким образом, материковая сердцевина будет собрана, она едина, и она в состоянии от диктата морских держав, прежде всего Англии и Америки, полностью избавиться. Следующим фактором победы континентальных держав Хаусхофер считал развитие технологий, в частности развитие авиации.

Смотрите, как интересно движется, вообще, наука геополитика. Если Маккиндер сфокусирован на земле, то есть, кто владеет землей, твердым, тот владеет миром. Мэхэн говорит: «Нет. Тот, кто владеет морем, водой, тот владеет миром». И тут приходит Хаусхофер и говорит: «Нет. Тот, кто владеет воздухом, владеет миром». Понимаете, все стихии как бы берутся. «Мы будем владеть воздухом», – заявляет Хаусхофер. Авиация, которая способна летать и над морем, и над сушей, и которая способна преодолевать огромные расстояния, тем самым сушу и море делает меньше. Потому что когда ты пешочком идешь по суше или на корабле плывешь, это долго. Когда на самолете летаешь, у тебя, как бы, все пространство сжимается. Ты можешь бомбить порты, ты можешь бомбить корабли, ты можешь перелетать на острова. Для тебя не существует мировой суши и мирового океана, то есть весь земной шар становится маленьким. То есть развитие авиации является ключевым моментом и это выход для континентальных держав. Во-первых, они сокращают расстояние, во-вторых, в принципе, эти самолеты, они не требуют какого-то базирования, морского, например, как порт. Порт только на море может стоять, а самолет ты можешь где угодно поставить. Поэтому когда морские державы контролируют твои порты с помощью, какого-то полумесяца, или еще чего-то, это не так страшно, как раньше. Порты ради Бога, пускай контролируют, а мы понастроим аэродромов и разбомбим все что

удовно. Хоть на территории острова, хоть на территории порта, хоть в море непосредственно. Поэтому господство в воздухе является залогом всего, а господства в воздухе легче добиться именно континентальным державам, потому что у континентальных держав есть ресурсы. Вот теория Хаусхофера, которая стала, в значительной степени, влиятельной, в значительной степени повлияла на Гесса, Гитлера, Геринга. Потому они и пытались строить некую эту ось между Берлином, включая сюда Италию, включая сюда Турцию, включая сюда Россию, когда, в том числе, шли на пакт о ненападении, пытались строить и союз с Японией. Другое дело, что сам Гитлер был в душе англофилом, и это чувствуется по его книге «Майн Кампф», и он считал, что лучше разделить мир между Англией и Америкой и Германией, которая захватит ту самую, мировую сердцевину. А чтобы захватить и контролировать мировую сердцевину, нужно захватить Россию. То есть, не в союзе быть с Россией, а просто ее себе подчинить, а уже потом разбираться с Англией и со всеми остальными. То есть, это собственно, его погубило, потому что никто не отменял законы этой самой геополитики. То есть, всякий, кто покушался на мировую сердцевину, он, в общем-то, находил свой бесславный конец. Мы вспомним историю России, мы обнаружим, что нас пытались захватить поляки, и дошли даже до Кремля, Москву брали, но все равно все плохо для них кончилось, мы победили их. До поляков, крымский хан, крымские татары, доходили и пытались уничтожить наше государство. Это кстати было при Мамае. То есть Мамай хотел уничтожить нашу государственность, он был крымским темником, и в битве на Куликовом поле проиграл. Потом когда был крымский хан Гирей, в битве при Молодях мы тоже побе-

дили его. Хотя он шел для того, чтобы полностью уничтожить Москву. Проиграл. Шведский король Карл шел на нас, под Полтавой проиграл. Наполеон проиграл. Гитлер сунулся, опять проиграл. Всякий кто покушается на нас, он проиграет и это не просто так. Это закономерно. Дело в том, что ресурс вот этой вот мировой сердцевины, которую контролирует Россия, он, во-первых, очень огромен. Вот эти самые огромные расстояния, дороги и так далее. Очень важно, что у нас защищен север, нам никто не ударит с тыла. Все кто на нас нападал, они имели определенную уязвимость. Например, та же Германия, ей всегда приходилось воевать на два фронта. То Франция где-то в тылу, то какая-нибудь Англия где-то в тылу, то Италия, то Америка, то другие страны европейские. И чуть что... Тебе нужно, во-первых, держать какие-то гарнизоны, чтобы защищать тыл. Хоть Наполеону нужно было держать гарнизоны, хоть Гитлеру. Ты не можешь бросить все силы. Все равно нужно контролировать тыл. Во-вторых, ты знаешь, что как только ты проиграешь здесь, всегда возникнут какие-то люди там, которые поднимут восстание, которые будут бить тебе в спину. Им нападать чрезвычайно тяжело. Нам защищаться гораздо легче, потому что мы имеем защищенный тыл, мы можем отступать, можем наступать, как бы дышать. Время собирать камни, время разбрасывать камни. Но у нас есть вот эти расстояния, которые очень трудно преодолеть и которые очень трудно контролировать. Поэтому, собственно, как я и говорил, с Гитлером произошел вот этот закономерный итог. Невозможность взять эту самую мировую сердцевину. Хотя были причины поражения Гитлера и другие, в том числе идеологические и о них я скажу после.

После Второй мировой войны появились новые теоретики геополитики. Прежде всего, нужно отметить Спайкмена. Это человек, который на современном уровне, используя современную ему послевоенную ситуацию, пытался по большому счету в тех же терминах осмыслить текущую ему ситуацию. Он ввел понятие римлэнд. То есть кроме хартлэнда, римлэнд. Но по сути дела этот римлэнд совпадает с тем, что Маккиндер называл полумесяцем. То есть это контроль над портами, контроль над побережьями большого острова. То есть со стороны морских держав мы должны контролировать побережье. То есть когда американцы сразу после войны начали конфликт в Корее, во Вьетнаме. Естественно захватили и полностью поддержали восстановление Западной Европы. То есть он сказал, что мы должны окружить Советский Союз, мы должны запереть его в этих самых границах. Поэтому войны в Индокитае, в Корее, поэтому отделение Европы.

Дальше мы создали атомные бомбы. И Советский Союз, и Америка. И возникла новая геополитическая ситуация, возможность нанесения друг другу так называемого неприемлемого ущерба. То есть ущерб таков, что он, по сути дела, подрывает экономическую, политическую и прочую мощь государства. Почти его уничтожает. Бомбы были опробованы американцами на Японии. Было видно, какова их разрушительная сила. И конечно, никто не хотел, чтобы бомбы, которые были еще мощнее, и которых было еще больше, упали бы на территории наших стран. Возникла патовая ситуация. Карибский кризис показал, обе стороны хоть и ввязались в противостояние, но крайне не хотят, чтобы это противостояние развивалось дальше,

и они отошли от военного противостояния друг другу. Хрущев и Кеннеди нашли способ договориться так, чтобы мы ушли с Кубы, а они ушли из Турции. И в итоге патовое состояние возникло.

Вот эту ситуацию описывает следующий геополитик – Майнинг. Майнинг ввел понятие культурной экспансии. То есть, по сути дела, у него у первого содержится намек на теорию холодной войны. Что если мы и должны как-то влиять друг на друга, морские державы, сухопутные, противостоять как-то в мире, и вообще сила государств, она зависит уже не от земли, не от воды, не от воздуха, а от культуры. От культурного влияния. То есть сила кораблей, сила танков, сила пехоты, в этом мире начинает играть меньшую роль, потому что атомная бомба не дает их применить. Мы можем делать мелкие столкновения чужими руками, как это было во Вьетнаме или в Корее, но глобальное изменение в мире может быть только за счет культурного влияния. И Майнинг говорит о том, как Америка должна побеждать в холодной войне. Она должна закрепить свое культурное доминирование, культурные коды, свою идеологию. Морским державам и Мэхен и Майнинг приписывали атрибуты рыночности, демократичности, предпринимательства, свободы, либерализма. И поэтому, вот эти ценности, которые как бы есть у морской державы и у морского духа должны навязываться прежде всего по всему побережью, по всему миру. Майнинг также ввел несколько понятий, разделений в геополитике как науке. Он разделил все государства на стержневые, переходные, бурлящие и неудачные. Стержневые государства это те которые, по мнению Майнинга являются самыми передовыми государствами мира и в которых наиболее полно отражен тот дух о котором он говорил. То

есть свобода, предпринимательство, цивилизация, технический прогресс и так далее. Это понятно, Америка, Англия конечно, в значительно степени это страны Западной Европы. Дальше переходные. Переходные страны, это те страны, которые имеют шанс достигнуть вот этой самой цивилизованности, стать стержневыми. Это Япония, которой помогали, это Израиль, который тоже при помощи Америки, какие-то страны, стремящиеся к этому в перспективе, какой-то, возможно, Китай, с которым тогда Никсон договор заключал. И возможно, в перспективе Советский Союз, если он будет культурно подчинен этим всем странам. Бурлящие страны, или горящие страны, это те в которых по различным причинам существуют постоянные какие-то конфликты. Это Ближний Восток, арабо-израильский конфликт. Это индокитайские какие-то конфликты. Это постоянные перманентные конфликты в Африке. Ну и в Латинской Америке периодически какие-то конфликты возникали. И наконец, неудавшиеся государства, это те которые пытались создать некую государственность или еще что-то, но у которых ничего не получалось. Но на тот период это была, если не ошибаюсь, Албания, и еще ряд латиноамериканских и африканских стран, он называл. Страны, которые держались на марионеточных режимах, на помощи других государств, по сути дела, а сами были квазигосударствами. Сегодня термин «неудавшиеся государства» применяется ко многим, например к той же Ливии, Ираку, которые пытались что-то построить. И вот Украину сейчас называю неудавшимся государством.

В дальнейшем геополитика как наука не претерпевала революционных изменений на Западе. Вот известный геополитик Бжезинский, который написал несколько книг, самая знаменитая из ко-

торых «Мировая шахматная доска». Это не человек уровня Маккиндера, или Мэхэна, или Спайкмена, или Майнинга. Это человек, который берет их категории, которые я уже вам перечислил, и просто применяет к текущей политической ситуации, советуя как поступить в том или ином случае, той или иной американской или английской администрации. В принципе, для него, для Бжезинского, категории, которые введены всеми, они остались теми же самыми. Он естественно рассуждает с позиции мирового острова, с позиции Америки, или с позиции англосаксов. Мировая суша для него является мировой шахматной доской, на которой нужно играть американцам и англичанам так, чтобы ссорить между собой различные страны, проводить границы, искать каких-то союзников, временных. Делать все, чтобы эта материковая сердцевина никогда не стала единой и никогда не могла оказать Англии и Америке какое-либо сопротивление. Поэтому все его советы, они собственно связаны с контролем над вот этим римлэндом. То есть он говорит, чтобы нам играть на мировой шахматной доске, у нас есть на Востоке непотопляемый авианосец Япония, наш стратегический главный союзник. Он должен рулить Востоком, Кореей, Китаем. Поскольку он самый богатый, то мы влияем через него на все. Есть Тайвань, кусочек отколовшегося Китая. Тоже наш союзник. Вот мы, таким образом, влияем на эту сторону. В крайнем случае, мы там еще какого-нибудь союзника себе найдем, типа Южной Кореи, которая тоже будет влиять. Вот мы поставили фишки на этой доске таким образом. Теперь как мы будем влиять на западной стороне. Ну, у нас, конечно, есть Англия, которая влияет на всю Западную Европу. Блок НАТО, который влияет на эту самую часть. Союзником он видит Польшу,

поскольку сам из Польши происходит. Польша главный союзник в Европе в борьбе с Россией. На Ближнем Востоке союзник Израиль, который тоже влияет на все. То есть, мы везде расставляем на этой доске какие-то свои фишки, и таким образом через этих союзников и партнеров сдерживаем Россию, которая по определению является врагом. И самое лучшее, что с ней может произойти, нужно чтобы произошло, чтобы она была максимально раздроблена на большое количество государств. То есть цель, которая объявляется последние двадцать лет американскими геополитиками, состоит в том, чтобы максимально раздробить Россию. Во-первых, максимально ослабить ее. Во-вторых, превратить ее в некую черную дыру, которая не приносит никаких хлопот. Есть некое нищее население, которое занимается своими перманентными выборами, переизборами, дерется друг с другом. Национальные конфликты, социальные конфликты, бедные на богатых, богатые на бедных, черные на белых, белые на черных. В общем, что-то вот такое. Какая-то каша, которая никак не занимается геополитикой, то есть отсутствует как геополитический игрок. Что значит геополитический?

Геополитический игрок, это тот который принимает во внимание в своей политике Землю, гео. То есть, если ты геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиций всей Земли. Если ты не геополитический игрок, ты рассуждаешь с позиции только своего внутреннего государства. Это очень важно, иметь это геополитическое мышление. Если вы посмотрите на нашу оппозицию сейчас, вы обнаружите очень частый, почти всегда возникающий ход с их стороны. Они начинают говорить: «А вот у нас, в России, например, что-то, плохо». Экономический рост, например, стал хуже, у нас там зарплата

перестала расти, или выросли какие-то цены, или еще что-то такое. Логичнее, для меня, как человека, который мыслит геополитически, всегда спросить: «Все познается в сравнении», – говорю я. – В мире 200 стран, 180 из них как минимум живут хуже России. Более того, даже те страны, которые вы считаете образцом, например Япония, богатая, прекрасная, замечательная. 20 лет нулевой экономической рост в среднем. Западная Европа, ваша любимая, почти нулевой экономической рост сейчас... В Америка 1-2-3% в лучшем случае добиваются, прямо как в СССР в «эпоху застоя». Вообще мировой кризис везде идет. Большое количество стран, где никакого роста нет, где есть падение. И вообще если взять последние десять лет, по темпам экономического роста Россия как раз в первой десятке. И вот тут начинается: «Ну что вы там рассказываете про Америку, что вы нам говорите про Европу. Что нам Япония какая-то? Вы нам отвечайте за Россию. Зачем нам весь мир, зачем про это говорить?». А мы разве не часть мира, хочется задать вопрос. Почему вы так упорно хотите нас заставить мыслить категориями своего угла, почему вы не хотите, чтобы вы мыслили геополитически, как это делают американцы те же самые, англичане, про которых мы говорим. С позиции всей планеты. Почему вы нас загоняете в инфантильную ситуацию? Почему я называю ситуацию инфантильной? Потому что мне это напоминает подростка. Когда подростку 12-13 лет он же мира не знает, страны не знает, в этом ни в чем не разбирается. У него в принципе во всем виноваты родители. Потому что если мне джинсы не купили, ну папа с мамой, предки, такие-сякие отказали мне в джинсах. Он не вникает, что папа не может зарабатывать миллионов, он не Абрамович почему-то,

мама тоже не Абрамович. Или еще какая-нибудь проблема, психологические какие-нибудь напряжения. У родителей, может быть, карьера не складывается. Может у них там какие-то на работе проблемы есть. Между собой какие-то проблемы есть и так далее. Подростку на все на это наплевать. НЕ Абрамович ты папа? Ну плохо, папа, что ты не стал Абрамовичем, ты лох значит... У подростка в любом случае виноват ближний. Поэтому против родителей, прежде всего, идет этот протест. Потом, конечно, человек вырастает, когда ему становится 18 лет и больше, он понимает что родители это тоже часть мира, это не боги, они не всемогущи, они сами живут в этом мире, довольно сложном, и им тяжело решать и свои проблемы и еще проблемы детей и проч. То есть, они просто обычные люди и не надо с них спрашивать за весь мир. Мир очень большой. Но когда человек выбрался из ситуации вот этой своей семьи, еще не значит что, он стал взрослым, потому что, по сути дела, вместо родителей он точно также начинает критиковать власти своей страны. Он говорит, что ладно, папа и мама теперь не виноваты, как в 13 лет, что джинсов у меня нет. Но теперь Путин виноват, власти виноваты. А почему они не сделали, чтобы мы все жили богато, чтобы у нас все в стране было зашибись? Почему у нас дороги плохие, почему у нас что-то неправильно делают? Почему воруют? Кто за все отвечает? Да Путин за все отвечает! В прежние времена это был Брежнев или Горбачев.... Юноши не видят дальше своего носа. Если мы плохо живем, или есть какие-то проблемы в стране, вот она виновата, эта самая власть. И враги наши поддерживают вот этот инфантильный способ мышления. Потому что на самом деле этот ребенок не повзрослел, он только вышел из своей семьи, но он в масштабах страны исповеду-

ет ту же самую логику. Почему он не подумал обо всем мире в целом, почему он не сравнил Россию с другими. Не посмотрел на динамику. Стали жить мы лучше или хуже? То есть, власть все-таки старается что-то делать или она только ухудшает положение? Если даже хуже стали жить, а давайте посмотрим все остальные лучше стали? А, если они лучше, а мы хуже, тогда может быть есть претензии к власти. А если еще с другой стороны посмотреть: все стали лучше, а мы хуже. Так может быть, просто они нас ограбили? Тоже можно задать вопрос. То есть, нужно смотреть на мир в целом, и если ты хочешь понять часть этого мира, ты должен понять сначала целое. То, как устроены вот эти геополитические процессы в этом мире. Если ты понимаешь логику всех субъектов геополитики, то тогда ты можешь понять, а что собственно может руководитель твоей страны. У него вообще коридор возможностей какой? Вот это он может сделать, а вот это он не может сделать, по каким-то причинам, потому что ему будут мешать, и будет мешать весь мир. А вот здесь он сделал так, что это не заметили. Молодец! Плюс ему нужно поставить. А вот здесь он не сделал, здесь он ошибся. Тогда только ты можешь давать оценки... Когда же ты не смотришь на весь мир принципиально, а просто для тебя он существует в виде какой-то иллюзии, ты будешь заблуждаться: «Ой, типа я был», – как вот недавно Макаревич написал, «я был в Испании, все пьют вино, все замечательно, все красиво и что нам рассказывают про кризис?». Наверное, там пьют вино и все замечательно, но есть статистика. Давай ее изучим и посмотрим. И обнаружим, что 50% молодежи безработные, 25% вообще безработица как таковая, по всей Испании, что страна имеет отри-

цательный экономический рост, что от страны пытается отсоединиться Каталония, то есть серьезные сепаратистские тенденции. Долг равен 100 процентам ВВП. В Испании масса всяких проблем. Если ты научно пытаешься к этому подойти и понять, то ты легко можешь это сделать. А если ты по принципу неких иллюзий «а там у них хорошо, а у нас плохо, значит надо нашу власть сменить, а тех вот слушаться», то это просто на уровне детского сада. Сказочку какую-то рассказали, картинку показали. На уровне каких-то дикарей, которым дают бусы и забирают у них золото. Вот точно также поступили с Украиной, когда сказали, что вот смотрите какая красивая Европа, вот сейчас вы подпишете соглашение об ассоциации, и вы будете жить хорошо. На самом деле вот что получилось с этой Украиной, мы все видим.

Теперь я бы хотел посмотреть на наш русский вклад в геополитику. Мы сейчас говорили о геополитике как движение в англо-саксонской мысли, ну может быть частично в немецкой, если Хаусхофера брать, в европейской, западной мысли. Но дело в то, что Россия тоже не лыком шита, она тоже рассуждала, она в то же время ко всему этому относилась определенным образом. А вообще-то говоря, материковая сердцевина-то – наша. А случайно ли это? Нет, не случайно. Мы, вообще-то говоря, на протяжении истории сумели создать величайшую империю, и контролируем ее до сих пор. Наверное, мы все-таки не дураки? У них там много теоретиков, но, наверное, и у нас что-то есть, и имеет смысл посмотреть, а что это такое, что у нас есть, прежде чем говорить, что вот, мол, они такие умные, нас как хотят разводят как лохов, а мы только пассивные жертвы разводок.

Во-первых, в XIX веке возникли некие наши публицисты, мыслители, которые пытались осмыслить опыт нашей истории. Они не называли это геополитикой, хотя они осмысляли это почти в тех терминах. И первое, что они противопоставили, это противопоставили Россию и Запад. И показали, что Западные империи и Российская империя строятся на совершенно разных основаниях. Совершенно по-разному они строятся. Пожалуй, за исключением, и то оно почти не является исключением, такая переходная Австро-Венгерская империя. Я про нее отдельно скажу. Она похожа на российскую тем, что тоже была многонациональной. То есть в Австро-Венгерской империи кроме немцев, евреев, мадьяр, славян различных видов, чехов, словаков, лужичан и так далее, жило очень много национальностей. Они имели, к сожалению, разные права, и это как раз делает ее похожей на другие западные империи, но принцип существования Австро-Венгерской империи, он сформулирован был так, подходил в еще большей мере для Российской империи, чем для самой Австро-Венгерской империи. А принцип был такой: «Пока другие воевали, мы женились». Действительно, Австро-Венгерская империя Габсбургов возникла через династические браки, через присоединение различных княжеств к этой империи, не путем завоевания. Россия в значительной степени расширяла свою имперскую мощь тоже не путем завоеваний. В основном это была христианская проповедь. То есть приходили, проповедовали всевозможным диким племенам, рассказывали о Библии, прежде всего сами люди, которые приходили, являли собой пример христианской нравственности. То есть, против этих людей не хотелось воевать. Приходят купцы и ведут свои дела честно, так что туземцы не обижаются на них,

они рассказывают про своего Бога, про Христа, и это им интересно, и они видят в этом некую высшую ступень религиозного сознания, чем в своем язычестве. Да были какие-то войны, столкновения. Но они тоже были честными. **А самое главное, даже если мы и воевали, самое главное что, побежденный нами получал ровно то-же самое, что победитель.** Понимаете, какой интересный эффект. То есть, идет война, мы побеждаем, и вот тот побежденный получает приз. А именно, ровно то-же самое, что есть у победителя. Это уникальная вещь, которой не было ни в одной империи. То есть те побежденные нами народы, включенные в нашу империю, получали те же самые абсолютно права, что все. Что-нибудь подобное было в других империях? Ничего подобного близко даже не было. То есть если англичане побеждают Индию, она становится колонией, ее выкачивают, выдаивают, продают там дешевые ткани, рушат их производство, там миллионы умирают от голода, потому что это не люди. Продают в Китае опиум, там умирают эти люди, пожалуйста, ничего страшного. Если китайцы запрещают опиум продавать, мы их разбомбим, расстреляем. Можем, кого угодно вырезать, как была вырезана вся Северная Америка, всех индейцев. Кого водкой споили, кого так уничтожили, потому что это не люди. Ничего подобного у нас не было. У нас тоже туземцы пили водку, но у нас царь специально запрещал продавать им водку, зная, что монголоидная раса больше подвержена алкоголизму. У нас специально действовали в империи такие законы, которые даже освобождали от налогов туземцев. Даже часто побежденные жили лучше, чем победители. Вот простой пример, Грузия. Такова уж специфика была, что в Российской империи сословие аристократии составляло

один-два процента людей. В Грузии, там же каждый – князь, там десять процентов было князей. Вот есть у тебя пять баранов, ты уже князь, деревня у тебя, ты уже князь. Всем этим людям, когда была Грузия полностью присоединена, всем оставили их княжеское достоинство, то есть они все стали автоматически князьями, равными нашим князьям. В Польше шляхта 15% от населения составляла, все польские шляхтичи автоматически стали дворянами с полным правом нашего российского дворянства, 15 процентов населения. Что у нас своих что ли 15% не было, чтобы их тоже князьями и баронами назначить? Можно ли себе представить... Конечно, Советский Союз это уже не Российская империя, но в значительной степени ее продолжение и по традициям, и по своему подходу. Можно ли себе представить, что из какого-нибудь захудалого индийского штата какой-нибудь нищий сын сапожника стал бы премьер-министром Англии? Невозможно. А сын сапожника, огрузиненный осетин Сталин, спокойно возглавил Российскую империю, всю материковую сердцевину! Пожалуйста, абсолютное национально меньшинство... Татары? Пожалуйста. Сколько татарских родов было на службе царской. Тоже никаких вопросов. То же самое с тувинцами, с бурятами, со всеми остальными. Эта традиция была продолжена и в Советском Союзе. Прекрасно жила Прибалтика, прекрасно жили все восточные страны, самая дорогая богатая республика, Грузия была, в которой если у тебя нет «Волги», машины, значит ты не грузин. Поэтому развивали все так называемые национальные окраины, эта традиция была еще традицией царской России. Вот таким образом эта империя строилась. И она строится на своем культурно-историческом

типе. Она культурно-исторически является христианской, как считали наши славянофилы, и в этом смысле она крайне отличается от Запада.

Наш первый, если можно так выразиться, геополитик Данилевский, который написал книгу «Россия и Европа», во-первых, ввел понятие культурно-исторического типа. Он сказал, что человечества как такового не существует, это абстракция, есть разные культурно-исторические типы, и вот что можно назвать русским типом, это отдельный культурно-исторический тип, полностью отличающийся от западноевропейского типа. Мы по другому строим культуру, общение, экономику, политику, у нас все другое. Поэтому мы с ними никогда не сойдемся, мы всегда будем как бы воевать и наши интересы, зачастую, противоположны. Поэтому увлечение нашей культуры западничеством по сути дела несет огромный вред России. То есть, когда мы вещи, которые у них полезные, принимаем у себя, они оказываются вредоносными для нашего культурно-исторического типа. Как говорил Суворов: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Вот как бы и наоборот, что немцу хорошо, то русскому смерть. Вот та мысль, которую хочет подчеркнуть Данилевский. Данилевского любили и Достоевский, и Страхов, и Гумилев – основоположник Евразийства его цитировал. Евразийство это как раз вот это течение, которое собственно настаивает на том, чтобы есть особый евразийский тип... Почему он евразийский, а не просто русский? Потому что у нас смесь разных наций и народов, потому что мы очень толерантны. Это у них в Европе мода на толерантность последние 20-30 лет, а у нас тысячу лет эта толерантность. Мы вместе живем с разными религиями и народами, и поэтому мы не должны

подчеркивать некий свой национализм. Если мы начнем подчеркивать национализм, и говорить что какая-то нация лучше всех, а все остальные непонятно кто, то получится то же самое, что уже разрушило ни одну империю. Византийская империя рухнула, когда эллины сказали, что мы – греки, а вы армяне, македонцы вообще непонятно кто. Поэтому начались конфликты, клановые войны, ослабление, а потом и разрушение Византийской империи. Австро-венгерская империя, та же самая ситуация. Немцы кичились тем, что они немцы, что они самые дисциплинированные, ученые и так далее. А всякие славяне, цыгане, это всякое непонятное быдло. Это в итоге привело к ненависти славян к немцам, к их нелояльности. И когда вроде бы большая Австро-венгерская империя в Первой мировой войне напала на ту же Сербию, она не смогла справиться. Сербия была монолитной, очень отчаянной и доблестной, а тут был сброд в австрийской армии, который не понимал, зачем он воюет и каждому славянину не хотелось убивать славянина-серба. Мадырам тоже было непонятно, зачем они воюют, потому что они мечтали о своей отдельной Венгрии. Немцы были в меньшинстве и видели, что другие не воюют, и соответственно тоже плохо воевали. Только на них покрикивали, тем самым увеличивая ненависть к себе. То есть армия оказалась небоеспособной. Так можно другие примеры приводить.

Национализм разрушителен для империй, поэтому национализма у нас быть не должно, поэтому говорили именно о евразийстве. О некоем специфическом коде культурном, который господствует именно у нас, на нашей Русской равнине и в Южной Сибири и Средней Азии. Евразийский тип че-

ловека, который не является националистичным. Как говорил Достоевский, «мы всечеловеки», как говорил Блок, «нам внятно все, и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Мы умеем понимать чужие нации, мы с удовольствием впитываем чужую культуру. Обама, как бы глашатай мира, сказал: «Мы исключительная нация». А мы можем ему в ответ сказать: «мы включительная нация». То есть, мы включали в себя все, у нас населения России, Московии, в войне, когда была война с Польшей, это начало XVII века, было 7 миллионов человек. Как получилось, что у нас к XX веку оказалось 150 миллионов, а потом Советский Союз, и 250 миллионов? Как получилось, что выросло так население? Не потому что плодились и размножались, а потому что включали в себя большое количество наций. Здесь было лучше жить. Сюда ехали итальянцы, сюда ехали немцы. Сюда ехали очень многие. Вообще в Российскую империю просились очень многие страны, и мы могли владеть всякими островами и кусками по всему миру, просто отказывались. Кстати говоря, и от своих окраин отказывались. Та же Грузия просилась в Российскую империю 15 раз. Украина, та еще, во время ее этих внутренних войн, она же тоже просилась несколько раз в Российскую империю. И только потом Хмельницкому разрешили воссоединение. То есть мы не стремились захватывать, мы понимали, что если мы покровительствуем кому-то, то мы не имеем права потом отказаться от этого покровительства. Если уж ты взял брата к себе в семью, то ты потом не можешь сказать ему, что ты уже опять не брат, до свидания. То есть, это уже все, навсегда. Поэтому с очень большим трудом принимали, но уж если принимали, то до конца.

Еще один из геополитиков, если так можно сказать, Леонтьев, который провозглашал доктрину византизма. Он считал Россию преемницей Византийской империи, а она в свою очередь – преемница греческой империи. То есть если Запад – римский, если Запад от Рима унаследовал все свое, то мы унаследовали напрямую от греков, от Византии. То есть мы тоже как бы Европа, вроде бы. Вся Европа вышла из Греции. Все науки сейчас разговаривают на греческом языке, все основные понятия это греческие понятия, введенные когда-то давно. Все понятия политические – это греческие понятия. Культура, искусство, образцы – это греческие образцы. То есть там зародилась западная цивилизация. И потом эта Греция была захвачена Римом. Потом Римская империя мутировала, раскололась на Западную и Восточную. Так вот, Западная – говорила на латинском языке и потом распалась под ударами варваров, а Восточная просуществовала еще тысячу лет. То есть Римской империи 500 лет, а тысячу лет еще Византийская империя существовала, гораздо больше, и она говорила на греческом языке. Константинополь был миллионным городом, когда европейские города насчитывали по 30 тыс. населения. Там был первый университет, там был самый большой христианский Храм в мире – св. София. Там были все святые, в том числе Туринская плащаница, там богатства было столько, что крестоносцы после разграбления Византии потом сделали у себя целую эпоху Возрождения. И культурно вся эпоха Возрождения стала возможна только после усвоения Европой византийской учености. Я уж не говорю, о том, что Европу заново научили мыться. Так вот, мы правопреемники Византийской империи, а не Римской, не латинской. И в этом смысле мы в гораздо большей

степени Европа, гораздо в большей степени Запад, чем они. У нас право первородства есть. Мы как бы культурно более чистокровные, скажем так, с точки зрения Леонтьева. И, кстати говоря, великий философ XX века Мартин Хайдеггер, когда закончилась Вторая мировая война в мае 1945 г., он сказал, что то, что Россия победила Германию и вообще всю Европу, потому что на стороне Германии была вся Европа, это говорит о том, что не надо думать, что победили какие-то варвары, ватники и коммунисты. Коммунисты, материалисты, которые думают, что материя первична, а сознание вторично, они никогда не пойдут на пулемет и не погибнут, потому что для материалиста свое тело материальное, оно важнее всего. А всякий там дух, всякие святые какие-то вещи, Родина, они как бы не существуют для нормального материалиста. Поэтому, над тем, что у нас была материалистическая – марксистская идеология, которая говорила, что экономика первична, Хайдеггер смеялся. Он говорил, что это собачья чушь. То есть это поверхностная вещь очень. Конечно, те люди, которые говорят, что экономика первична, которым лишь бы поспать да пожрать, они не будут тысячами гибнуть, это люди, которые не будут совершать подвиги, не будут умирать за Родину. Понятно, говорил он, что в России победил некий Дух, гораздо более глубокий и древний, чем Дух Западной Европы. Дух, идущий напрямую из Византии и из Греции. Поскольку это был более древний дух, более старший дух, более близкий к истоку западного мира, то есть греческий дух, чем разбавленный латинский, поэтому он и победил, своего, что называется младшего брата.

Кого еще хочется отметить кроме Леонтьева. Был у нас такой философ Федоров в XIX веке, который тоже рассматривал глобальные геополитиче-

ские проблемы, самые масштабные, какие только могут быть. В частности, изучая гегелевскую, самую современную на тот момент теорию, которая говорила, что история человечества это некое приближение к идеалу, к абсолюту, к концу истории, своего рода, и марксизм, который у Гегеля унаследовал именно это же, что история это такое движение к некоей точке, в которой, в конце концов, будет все хорошо, коммунизм настанет, Федоров задал себе такой вопрос: «А что же так получается, не по-христиански, что тысячи и миллионы жертв всей этой истории будут гнить в земле и страдать в аду, а плоды истории будут пожинать только какая-то горстка людей, которые будут жить в конце? Все тут умирали, был ужасный страх, голод, холод, войны кровавые, жестокость страшная, и все это для одних только потомков? Которые в конце истории будут жить при коммунизме и все у них будет хорошо, они будут счастливы, они будут творчеством заниматься, еды у них будет полно, тепло им будет, они будут наслаждаться. А вот им не стыдно будет наслаждаться, чисто так по-христиански, всем благолепием, зная, что это все держится на крови предков?». Это тот вопрос, который задавал в свое время Иван Карамазов в «Братьях Карамазовых» у Достоевского. Он говорил, а что если во всем этом мировом прогрессе везде в основании лежит зло, если весь он будет замешан всего лишь на слезинке одного ребенка? Вот возьмешь ли ты этот прогресс, возьмешь ли ты это всеобщее счастье и Царство Божие на Земле, примешь ли ты его, если будешь знать, что в основе его лежит слезинка замученного ребенка? Ребенка, которого какой-то барин затравил для потехи псами. Ну, просто барин на охоте взял у крестьянина ребенка, который ему не понра-

вился и сказал: «А пусть его псы съедят». И псы его съели. А ведь в истории много таких случаев было, не говоря уже про страшные войны. Даже такое. И кто отомстит за этого ребенка? Вот коммунизм, вот Царство Божие на Земле. А внизу, в предшествующие эпохи было бы это все. Как решить эту проблему? Для западного человека нет никакой проблемы. «Мы в результате прогресса пришли к материальному благосостоянию, и мы никому ничем не обязаны». Для нас, для человека России, для христианина, для Федорова, это гигантская проблема. Проблема долга нашего отцам нашим. И он говорит: «Мы должны отдать долг отцам». А как мы можем отдать долг отцам? Мы должны сделать так, чтобы они тоже наслаждались этим счастьем. А как они будут наслаждаться этим счастьем, если они умерли? Значит, мы должны их оживить. И вот Христос воскрес, следовательно, это залог того, что все остальные тоже воскреснут и будут оживлены. Вот он поставил этот вопрос, он об этом сказал.

Дальше приходит Циолковский, наш, так сказать, следующий геополитик, который большой поклонник Федорова. И который рассуждает уже исходя из решенности этой задачи. Он говорит, что, ну, конечно, наука будущего найдет способ оживить всех людей. Да это вообще не вопрос. Но вот если мы оживим всех людей, как же они будут помещаться, бедненькие, на всей нашей планете, задумался Циолковский. Ведь они же места себе не найдут. Он даже расчеты произвел, сколько людей может жить на планете. Есть такое понятие, которое ввел еще Мальтус в XIX веке, английский автор, даже течение такое – «мальтузианство» возникло. Он ввел понятие жизненного пространства. Это понятие, которое означает, что человек не является

вот этой замкнутой оболочкой, человек не сводится ко мне, конкретно. Вот моя индивидуальность. Но я каждую минуту дышу воздухом, следовательно, в меня, как такового, еще и входит тот пул воздуха, который я должен потребить за свою жизнь. Также входит вода. Также входят фрукты-овощи, мясо, одежда и масса других вещей. А сколько нужно земли, воздуха и всего остального для меня, чтобы я один жил. Можно все это посчитать, и выяснится, что мне нужно, например, десять соток земли, плюс сколько-то деревьев, сколько-то воды и еще чего-то. Все это посчитать можно. И когда вот так расчет делаешь и обнаруживается, что Земля может прокормить, например, десять миллиардов человек или еще сколько-то, на определенное текущее состояние технического прогресса. А остальные не влезут. И поэтому Циолковский говорит, что «Земля это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Поэтому нужно строить космические корабли и колонизировать другие планеты, колонизировать космос. Сидит у себя под Калугой и рассуждает вот так вот примерно. И говорит, что вообще «я самый великий человек, которого знает история. Более великого, чем я, наверное, даже и нет, потому что я поставил такие глобальные проблемы, которые никто не поставил». Представляю, как бы отнеслись к нему прагматичные американцы и так далее. Ну, просто дурак, которого нужно запереть в сумасшедший дом. Сидит нищий в лаптях, пухнет с голоду и рассчитывает, как нужно через сотни лет улететь с Земли! Вы себе такого человека, кроме русского, представить можете? Однако этого сумасшедшего читают другие, в том числе Королев, который конструирует космические аппараты. Да, нужно брать космос! Нужно действительно это все делать. И вот это направление, так

называемого, русского космизма, которое изучает планеты, космос, которое рассчитывает, как мы будем жить. Русская фантастика. В 20-е годы, в 30-е годы, переживает бурный всплеск, бурный рост, где все это обсуждается. Ничего подобного нет на Западе. Там тоже есть фантасты, но они очень маргинальные. Такого как у нас, этого конечно нет. А в Германии был инженер Вернер фон Браун, который сделал «ФАУ-2». Местечко Пенемюнде в Германии. Он там испытывал «ФАУ-2». Это, по сути дела, первая межконтинентальная ракета, развивающая очень большую мощность и которая служила чисто в военных целях. И когда американцы захватили Вернера фон Брауна и увезли его к себе, они ему поставили задачу, чтобы он делал ракеты-носители. Про космос даже американцы и не задумывались. Зато мы, когда посмотрели на эту технологию, сразу стали думать про космос. Корольев наш строил космическую ракету, была задача на государственной уровне, выделяли деньги, чтобы наши спутники вылетали в космос, чтобы мы полетели на орбиту.

То есть, смотрите какой геополитический шаг. Помните, что для Маккиндера главное была Земля, для Мэхэна главное – вода, для Хаусхофера – воздух. Для русских, для Королева – космос. То есть мы делаем по сути дела следующий шаг. Кто господствует в космосе, тот господствует в мире. Потому что мы господствуем над Землей. Откуда над ней господствовать? Вот она Земля, вот он шарик. И если ты из космоса на него смотришь... Вот где шахматная доска. Не там, где Бжезинский мыслит, что есть какие-то морские державы, есть суша какая-то, и он играет там на континенте. А мы сверху над всем Земным шаром этим играем. Для нас – весь шарик шахматная доска. Мы окру-

жим его спутниками, мы окружим его станциями. Мы будем просвечивать и моря, и континенты, и римлэнд, и хартлэнд, и все на свете. Вот в чем была мысль Сталина, вот в чем была идея господства в космосе. Господствуя в космосе, ты господствуешь над всеми. Абсолютно. Уже можно сказать космополитика. Не геополитика, а космополитика. Потому что здесь «гео», Земля, взята уже в качестве глобуса. И мы начинаем. Сначала, естественно, мы первый спутник запускаем. Потом первого человека в космос. Это вызывает шок во всем мире. У американцев прежде всего шок, потому что они вообще с ума сошли от этого. Как это так? Они думали, что нужно супермаркеты строить и кока-колу продавать. Общество потребления. А тут люди покоряют вершины. Все человечество смотрит с восхищением на Советский Союз. То есть, когда Майнинг говорит о том, что мы культурно должны покорять мир, то, что сделал Советский Союз выходом в космос, это и было, по сути дела, культурным покорением. Весь мир видел, на чьей стороне передовые технологии, на чьей стороне прогресс. Кто является передовой нацией, великой? Национацией, которая в космос идет, а не тот, который где-то на земле копошится. Энтузиазм был огромный, все были за Советский Союз, то есть вся интеллигенция в мире была за Советский Союз. Они нам бесплатно отдавали всевозможные секреты. То есть нашим разведчикам работать было легко. Приходишь в Америку. Все Советский Союз любят, все секреты тебе бесплатно дарят. Говорят: «Да наше правительство это жулики, капиталисты и все прочие. Вот вы, Советский Союз – надежда всего мира, надежда всей планеты». В СССР проводится Фестиваль молодежи и студентов. Вся молодежь бредит Советским Союзом. В 60-е годы все носят джинсы, это считалась рабочая, пролетар-

ская одежда. А именно рабочие и захватили власть в Советском Союзе, власть рабочих и крестьян. Все читают Ленина, Троцкого, Мао Цзэдуна. Китай же тоже пошел по нашему пути. Хрущев говорит: «Западный мир напоминает мне старого выжившего из ума деда, который грозит отшлепать молодого, сильного, растущего индивида. А старики, они уже умирают. Он сидит и из могилы пытается нам чем-то угрожать. Коммунизм это молодость мира. За нами будущее. За нами все!». Но этот старый дед, Запад, он естественно, испугался всего этого и понял, что собственно говоря, конец ему приходит. 1968 год. Революция по всему Западу. Вся молодежь бунтует. И против войны во Вьетнаме, против капитализма, против всего старого. Жгут машины. Университеты охвачены бунтами, все там хлопают, плакаты какие-то рисуют. Требуют отменить преподавание, требуют отменить карательную психиатрию и так далее. И вот на почве всего этого, естественно, сначала Запад говорит о том, что нужно мирное существование с Россией... и вообще капитализма и коммунизма. Запад почти признал поражение, он уже согласен быть всего лишь равным коммунизму, устами Нобелевского лауреата Гелбрейта. Наши вожди постепенно, в ответ, тоже успокоились, посчитали что коммунизм все равно придет. Помогать его приходу, это как бы «закат Солнца вручную». Ты, конечно, можешь помогать закату, но он и так будет. Капитализм все равно умрет. Это Маркс доказал в своих книгах. Поэтому можно успокоиться, можно перестать воевать с Западом, все равно ему конец. И вот тут была огромная ошибка. Десять лет, 70-е годы, мы мирно существовали. Запад запустил первого человека на Луну, показал, что он тоже что-то может. Потом общество потребления, те самые универсамы, уни-

вермаги, которые он везде ставит. Жвачка и кока-кола. А потом уже в 80-е годы, когда мы немножко обросли жирком, по сути дела у нас, у Советского Союза, была геронтократия, Рейган нанес ряд сокрушительных ударов, геополитических, по нашей стране.

При этом мы, в свою очередь, совершенно не считали геополитику наукой. Вот здесь очень важно, по каким причинам мы не считали геополитику наукой. Геополитика, сейчас я буду говорить, кстати, о ее границах и то, что не считали ее советские лидеры наукой, это не потому, что они глупые были люди, у них были свои резоны. Я прошу отдельно обратить на это внимание, чтобы мы понимали и не абсолютизировали геополитику. Я вот сейчас читаю лекцию про геополитику, и можно подумать, что я сам поклонник ее какой-то. Я прекрасно осознаю ее границы, я прекрасно осознаю ее узкие места. И это, кстати, осознавали советские лидеры. Другое дело, что они, когда осознавали ее узкие места, считали что поэтому ее и изучать не надо, поэтому ее и знать не надо. Раз это ошибочная какая-то там теория и неподходящая для России, то можно ее отбросить и вообще про нее забыть. Вот это было ошибкой. А на самом деле, если ты учишь историю какой-то науки, то ты должен учить ее не только по великим именам и великим открытиям. Ты должен учить ее и по ошибочным теориям, по заблуждениям которые были. Потому что если ты знаешь заблуждения, ты, собственно, понимаешь, а в чем там был спор между тем, кто выиграл, и тем, кто проиграл, в чем была сама научная проблема. Поэтому, изучая это все, ты должен понимать и сильные стороны геополитики, и слабые стороны геополитики. Почему советские лидеры не признавали геополитики, в чем ее слабая сторона? Геопо-

литика исходит из неких национальных интересов конкретной страны. То есть, представьте себе, есть у нас, например, Англия. Отдельная конкретная страна. Которая говорит, что наши национальные интересы состоят в том-то, в том-то и в том-то. А все остальное – это ресурс для того, чтобы этим национальным интересам способствовать, либо им мешать. То есть, геополитика это предельно националистическая теория в каком-то смысле. Как сказал лорд Пальмерстон, английский: «У Англии нет вечных врагов и нет вечных друзей, у Англии есть вечные интересы». Вечные интересы состоят в том, чтобы Англия доминировала в морях, доминировала над континентальными шельфами и портами, над континентами, и чтобы она имела ресурсы от этих континентов, для того, чтобы подпитывать свое доминирование. Здесь мы видим предельный эгоизм отдельной страны. То есть, геополитика это наука о том, как отдельной стране выжить, возможно, за счет других. Советские люди, поскольку они были марксисты, рассуждали о всем человечестве, чтобы человечеству всему было хорошо. Чтобы не было эксплуатации во всем мире, чтобы все люди были свободны, чтобы не было неравенства, чтобы все люди занимались творчеством каким-то, чтобы у всех была еда, чтобы никто не умирал с голоду и холоду, чтобы войн не было. Мы мыслим обо всем человечестве. Вот та самая идея нашего культурного типа. Почему марксизм так хорошо лег и был принят в России и потом в Советском Союзе, потому что это ложится на все христианство, на нашу христианскую сущность. А христианство у нас очень сильно укоренено. Недаром даже целое сословие, крестьяне – христиане. Потому что мы относимся ко всем людям равно, мы ко всему человечеству относимся равно. Мы не можем жить так, чтобы кому

то было хорошо, а при этом другим было плохо. У нас спасение может быть, в христианстве, только соборное, только коллективное. У нас даже святые ставили такой вопрос: «А как в будущем могут святые наслаждаться раем, если они знают, что в аду мучаются грешники?». Как? Вот я такой весь в райских кущах, мне замечательно, а в аду кто-то в котле горит. Так святые даже говорили, что мне не надо этого рая, я пойду с грешником, в котле буду мучиться вместе с ним, потому что мне стыдно быть в раю, когда кто-то в аду. Или мы все вместе спасаемся, всей толпой, и все в раю, либо не нужно рая вообще. Вот как ставили вопрос наши многие святые. Поэтому мы мыслили обо всем человечестве. Поэтому когда нам говорили в Советском Союзе, нашим лидерам, про геополитику, мы отвечали что у Советского Союза нет национальных интересов, как отдельного конкретного национального государства. У Советского Союза цель, чтобы во всем мире победила свобода, равенство, братство и демократия. Вот если бы мы сказали, что у нас отдельный Советский Союз, у нас свои интересы, и за счет других мы будем эти интересы решать. Тогда да, геополитика нам нужна. А если у нас есть всемирное учение Маркса и Ленина, которое говорит, что мы освобождаем всех угнетенных во всем мире, независимо от того, индус он, латиноамериканец, китаец или негр престарелых лет. Мы всех их освобождаем, мы для всех живем, мы для всех трудимся, мы всем помогаем. Мы всем помогаем в борьбе с эксплуататорами, в борьбе с теми, кто стремится жить за счет других. Капиталисты это те, кто живут за счет других, это паразиты на теле общества. Маленькая верхушка эксплуатирует всех. Эта верхушка может быть и большой, то есть она может раз-

растить до размеров целой страны, например Америки. Вот она большая, эксплуатирует весь мир, Латинскую Америку, Африку и так далее. И даже рабочие в ней хорошо живут. Не только сами капиталисты, но и рабочие живут богато. Но они от этого эксплуататорами быть не перестают, они живут как паразит на теле всего остального мира. Так вот, нужно чтобы в мире не было паразитов, поэтому мы за всех. Поэтому нам геополитика не нужна, у нас есть всемирно-историческое верное и истинное марксистское учение.

В каком-то смысле, это верно. Мы сейчас слишком много увлекаемся геополитикой, когда мы говорим о том, что мы должны мыслить о национальных интересах, это противоречит нашим тысячелетним традициям. Мы не должны быть страной-эгоистом, и мы тысячу лет строили свою империю, включая в семью народов всех, а не эксплуатируя других. Так и сейчас наша идея должна быть не национальной, а интернациональной. Наша идея должна быть всемирно-исторической. Как христианство, как тот же марксизм. Пусть это будет какая-то новая идея. Но мы должны быть за международное право. Наши идеи должны подходить всем. Мы должны предлагать что-то такое, что подходит не только для нас, а вообще для всего мира. Это могут использовать абсолютно все. И тогда у нас будет залог успеха. Если мы будем исходить из того что, что-то нам подходит, а другим не подходит, если будем исходить из национальных интересов, мы проиграем. Если мы будем мир делить на своих и чужих, мы проиграем. Вот, почему проиграл Гитлер? Гитлер проиграл, потому что у него в идеологии, не на уровне танков, у него в идеологии был изъян. Он считал, что есть немецкая раса, которая

лучше всех в мире. Станете ли вы дружить с человеком, который говорит, что все вокруг недочеловеки, а я д'Артаньян? Не будете. Даже если так уж получилось, что он вас захватил, вынуждены вы с ним быть, но все равно он вам будет неприятен. Вот захватил Гитлер всю Европу, все равно французы ему какие-то палки в колеса ставили, все равно его не любили. Итальянцы не любили. Испанский, вроде бы фашист, Франко не помогал Гитлеру в войне. Он сказал, что вот если добровольцы захотят пойти воевать, пускай идут, а я своих армий, дивизий не дам. Вот, даже его собственные союзники ему не помогали. И при том нам, Сталину, многие помогли, при том, что он был коммунист. Он все равно умудрился создать большую коалицию, большой блок, пусть даже члены коалиции мыслили немножко по-другому, из своих геополитических соображений. Но он умудрился создать коалицию, которая победила потом Гитлера. Нельзя быть страной-эгоистом. Если мы будем исходить из политических своих интересов, если мы будем говорить, что у России есть такие-то интересы и мы их преследуем, то с нами никто не будет дружить. Нам скажут: «Ну и преследуй свои интересы. А нам-то, чукчам, что с этого?». Или нам, китайцам, что с этого, нам, индейцам, нам, латиноамериканцам? У нас свои интересы, у вас свои. Все! Россия должна исходить из таких интересов, которые будут интересами каждого человека в этом мире. Вот поэтому это предел геополитики.

Второе по минусам геополитики. Одна из аксиом, с которой начинал Маккиндер, состоит в том, что мир закончился, мир стал кругленьким, закончилась эпоха географических открытий. Нет внешнего ресурса для подпитки мира и вот это как хотите делите. Больше не будет. Все, пирог не уве-

личивается. И, следовательно, всегда есть жесткая нехватка ресурсов, и все страны борются за вот этот самый ресурс, которого мало и которого все меньше. Людей-то все больше и больше, а ресурса-то все меньше и меньше. Поэтому борьба нарастает. Друг друга начинаем грызть все с большей силой. То есть геополитика – это наука об вот этой грызне, наука о том, как оптимально использовать ресурсы, как бороться за ресурсы, в условиях нехватки ресурсов. То есть, одна из аксиом геополитики – это нехватка ресурсов, ограниченность мира. Так вот эта нехватка ресурсов, это на самом деле некий миф и недоверие человечеству. То есть, в чем опять ограниченность геополитики? Геополитика рассматривает человека как потребителя, прежде всего, потребителя ресурсов и потребителя пространства. Так делал Гитлер, когда он считал, что есть жизненное пространство, которое нужно захватить. А кто первый его захватит? Вот посмотрите. Он говорит, что вроде бы на нас русские не напали, но через сто лет русские расплодятся и придут сюда, им будет не хватать жизненного пространства и они отнимут его у немцев. Они вынуждены будут, потому что им не хватит. Их же много, они расплодятся и, будут отнимать, им же нужно куда-то идти. Поэтому они нападут через сто лет. Но чтобы они не напали через сто, я должен напасть на них сейчас. Более того, они уже на меня напали. Они дышат моим воздухом, они ходят по земле, которую я бы мог обрабатывать, мои дети могли бы уже потреблять продукт этого труда, мой народ мог бы эксплуатировать. То есть война является перманентным состоянием, говорит он. И мы все как бы боремся за эти ресурсы. Да, их пока хватает. А в принципе уже можно говорить, что и не хватает. Мы разве бы отказались, если бы у нас, например, в десять раз было больше

нефти. Все арабы бы исчезли, а вся нефть была бы наша. Ну, разве плохо? Американцы бы не отказались, и другие. Поэтому одно то, что уже где-то какие-то люди сидят на ресурсах или контролируют их, и в мире продают за какие-то деньги, и мы вынуждены работать, чтобы отдать продукт своего труда и в обмен получить что-то другое, это уже говорит о некоей нехватке ресурсов. Может было бы лучше, если бы все было наше и никому не нужно было бы платить. Правильно. Поэтому они исходят из потребительской модели человека. На само деле, модель человека творческая и этого геополитика не учитывает. Если мы посмотрим на историю человечества, то мы обнаружим очень интересную вещь, что, ну например, такая вещь как сельское хозяйство, что раньше для того чтобы прокормить одну семью в течение года нужно было, грубо говоря, десять гектар, а сейчас достаточно одного гектара. Технологии таковы, они усовершенствуются, что мы получаем с одного гектара столько, сколько раньше получали с десяти. А еще в какие-то времена, тысячу лет назад, со ста гектаров. Когда помните, было подсечное огневое земледелие. Приходили, рубили лес, сжигали, и сажали там. Сейчас такого нет, сейчас гидропоника есть. Когда на маленькой грядке, на метре на каком-то, стоят стеклянные колбочки и выращивают целую кучу продукта, огурцов, помидоров и так далее, которыми можно кормить человека целый год. То есть наука и техника развивается и способна больше производить и больше кормить людей. Дальше, смотрите, всякие редкие металлы. Ну, медь, например. Человечество раньше было меньше, то есть не было семь миллиардов как сейчас, было там миллиард или два. Но меди потребляло больше, чем сейчас потребляет, потому что мы экономней расходует

эту самую медь. Она у нас в микросхемах, еще где-то, а раньше были гигантские медные провода. То есть если мы, увеличивая количество людей, потребляем меньше какого-либо ресурса, то может быть, на каком-то периоде мы можем вообще от него отказаться? Мы уже ее всю потребили, и может быть нам будет достаточно того, что мы когда-то добыли? И мы используем добытый уже ресурс и не надо добывать никакой новый. Мы просто используем тот, который есть, переплавляем его, в новые схемы вставляем. Закольцовываем. А может быть, на следующем этапе получится так, что мы даже тот добытый ресурс уже вернем обратно. Скажем, что нам столько не нужно. Экологи нам врут, что исчезают птицы. На самом деле птиц становится все больше и больше. Да, они исчезали сто лет назад, когда была промышленная революция, сейчас они расплодились. Точно так же чистая вода. Сто лет назад чистой воды не было в мировых столицах нигде. Невозможно было ни в Берлине, ни в Москве, ни в Лондоне, нигде, пить воду из крана. Сейчас во всех городах ее можно пить. Везде раньше была холера, дизентерия, сейчас этого нет. То есть, мир на самом деле становится экологически чище и лучше. **И самое главное, статистика, при том, что население земли растет огромными темпами, и вот уже семь миллиардов, обеспеченность продуктами питания на душу населения выросла за эти сто лет.** То есть, население выросло огромными темпами, а при этом на каждую душу продуктами питания обеспеченность выше. То есть все вот эти товарищи, которые читали Дарвина и Мальтуса, а именно – Маккиндер, Мэхэн, Циолковский и все остальные, которые говорят, что Земли не хватит. Они все опирались на Дарвина и Мальтуса, которые говорили, что идет

перенаселение Земли, что вот мы тут все сейчас по-мрем, что завтра, вот-вот-вот, не хватит нам ресурсов. На самом деле они ошибались. Людей становится все больше, а ресурсов тоже все больше. Потому что мы изобретаем, потому что мы открываем новые способы обхождения с этим ресурсом. То есть ресурс не ограничен, а наоборот бесконечен. И чем больше людей рождается, чем больше среди них процент гениев, которые нам сделают новые открытия и помогут по-новому эксплуатировать ресурсы. То есть, проблемы перенаселения земли не существует, а это перенаселение – аксиома геополитики.

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что геополитика это не абсолютная наука. Приведу такую аналогию. Представьте себе, что есть коробочка, в коробочке лежат зерна и живут хомячки. Так вот зерна исчезают, хомячки едят. Так вот, есть те, которые говорят, что да, зерна исчезают, давайте уменьшим потребление. У нас много таких отказников, которые говорят, что общество потребления это ужасно, нужно отказаться, уйти всем в леса, нужно там перестать есть то и то, потому что земли не хватит. Другие говорят, что давайте уменьшим количество хомячков. Давайте планировать рождаемость, чтобы четко было у нас запланировано, что хватит зерна на тысячу лет. По одному ребенку в семье, чтобы не дай Бог, лишние не рождались. А если лишние будут рождаться, то давайте делать так, чтобы убивать их в войнах или еще как-то. Могут быть агрессивные хомячки, которые захватят ресурсы и скажут, что остальных убиваем, и нам хватит. По принципу «умри ты сегодня, а я завтра». Я его сегодня убью, чтобы он не ел, но завтра все равно кончится, потому что уменьшается. Вот это логика

геополитиков. А есть еще такой хомячок, который совершает самое абсурдное действие во всей этой ситуации. Он берет зерно, драгоценное, за которое все тут умирают, спорят, что его не хватает, и зарывает его в землю. То есть вместо того, чтобы его съесть или поделить, он зарывает его в землю. А, опачки, через месяц, или через два, оказывается, на этом месте всходит колос и там зерна в десять раз больше, чем он зарыл. Из одного зернышка десять возникают. И он всех накормил, всем хватило. Так вот, эти сумасшедшие хомячки, которые делают абсурдные действия, с позиции ресурсов, это и есть те самые творческие люди. Их очень мало, но именно им человечество обязано великими открытиями, научным, техническим и так далее. И в целом, человек, когда он рождается, это своего рода сырье, еще не известно, кем он станет. Вы можете сделать из него творца, вот такого хомячка, который увеличивает богатство на Земле, увеличивает ресурсы. А можете сделать из него потребителя, который жрет, и который других убивает, чтобы себе побольше досталось. Вот, одно из двух. Все зависит от воспитания. Воспитаешь вот таких, нет проблем у человечества, оно будет процветать и у него всего будет больше и больше. И людей будет больше, и ресурсов будет больше. Если ты воспитаешь вот этих вот стервятников, которые друг друга крошат, конкурируют, которые рвут, которые только потребляют, они перебьют друг друга и человечество погибнет. Вот собственно, альтернатива. И в этом смысле геополитика, с ее агрессивностью, с ее ставкой на то, что нам всегда что-то не хватит, эта наука чисто западная. Того самого Запада наука, который стремился всегда эксплуатировать кого-то. И нам нужно ее знать и знать, как они действу-

ют, но это не значит, что мы должны стать такими же. Мы не должны изменять своим традициям. Не должны идти на поводу у них, и мы не должны заменять свое мышление, творческое, толерантное, мирно живущее с другими народами, стремящееся к общей пользе, на их мышление звериное, хищническое.

И вот в этой связи я как раз хотел сказать о современной геополитической теории. Назвать несколько имен. Есть теория русского философа, ученого, Владислава Савина. Он ныне живущий. Он публиковался немного, но не сильно. Он такой вот, как бы, гений, который пишет какие-то статьи, сам живет сейчас где-то в Китае. Он сформулировал теорию, которая в значительной степени не похожа на западные геополитические теории, и которая очень, по духу своему, русская и полезная для всех. Теория такого мирового баланса. Во-первых, Савин исходил из того, что человеческое сознание устроено так, что оно может контролировать $7+/-2$ единиц информации одновременно. То есть, более сложная система, которая включает в себя более чем девять элементов, для человека является слишком сложной, и он ее не будет понимать. То есть, он не способен быть в ней даже экспертом. Он всегда в ней что-то будет не догонять, скажем так. Что-то он будет не контролировать. Поэтому, если ты строишь модель какой-либо реальности (реальность же вообще сложна и мы оперируем только с моделями реальности) то ты ее должен упростить да такой степени, чтобы в ней было не больше девяти элементов. В противном случае эта теория будет нереалистичной, неспособной к использованию. Поэтому он взял и разделил мир на девять исторических типов. Он разделили мир на девять пространств. Культурно-исторических пространств. Если уж раз-

бираться в мире, то не больше девяти их должно быть. Вот он и разделили их на девять. Евразия наша, та самая материковая сердцевина. Российская империя, Советский Союз, как угодно назовите, Северная Евразия. Отдельно Западная Европа, потому что она действительно имеет свои культурно-исторические истоки одни, из Римской империи выходила, в значительной степени, всегда и России противостояла, и мы с ней в течение всей истории танцевали друг вокруг друга. Понятно, отдельно Западная Европа. Отдельно, совершенно понятно, арабский мир. Потому что был когда-то арабский халифат, была Османская империя, это мусульманские страны, там своя специфическая культура. Все с ней понятно. Отдельно Черная Африка. Это та, которая за арабским миром, идет вниз, на юг. Древние племена, которые в значительной степени еще живут до сих пор в первобытном состоянии, языческом. И у них там множество племен, отношения свои какие-то, обычаи, табу и так далее. Индия, отдельная культура, с кастами, с ее духовностью, со специфическими вещами. Китай совершенно отдельный. Отдельная планета, можно сказать, полтора миллиарда населения, ну, как и Индия. То же со своими традициями, со всем на свете. Наконец, Австралия с Океанией, он отдельно выделил, хотя они в значительной степени под английским, европейским влиянием. Но он выделил их отдельно, потому что они просто географически отдаленный от всех и составляют из себя отдельную историю. Да, сейчас они под неким влиянием, да, сейчас они культурно идут. Но это не значит, что так будет через сто лет. Они могут совершенно оторваться от этого, и там будет совершенно свой мир. Ну и конечно отдельно, Северная Америка, которую мы все знаем, нашу Америку, ис-

ключительную сверхдержаву. И Южная Америка, Латинская Америка, которая собственно возникла в результате испанской и португальской колонизации, перемешивание с индейцами и так далее. Вот девять. Между ними есть некие лимитрофы так называемые, то есть пограничные территории. Как эти девять пространств должны между собой взаимодействовать? И вот тут Савин вводит прекрасный принцип, который он взял как бы у Китая, а с другой стороны он был всегда известен всем геополитикам. Если на тебя кто-то напал или может напасть, дружи с его врагом, который находится в тылу. Чтобы он всегда знал, что может попасть между молотом и наковальней. Поэтому всегда стремились союзы заключать именно так. Вот великий наш император, Александр III Миротворец. Ему навязывали союзы с Германией, а он дружил с Францией. Почему? Потому что она в тылу у Германии находится. Так и здесь. Что предлагает Савин? Он говорит, что каждое пространство должно дружить с тем пространством, которое находится в тылу у других. То есть дружить через одного. И тогда каждый будет держать друг друга за одно мягкое место. И тот не посмеет, что называется, напасть. Когда мы все дружим через одного вперемешку, то тогда мир находится в состоянии гармонии и баланса, как инь и янь. И тогда никто никуда не дернется, потому что у каждого в тылу есть его враг. И тогда мы можем развивать всяческое сотрудничество, друг на друга не нападать. Мир будет стабилен. Тройка, треугольник, самый стабильный элемент, пирамида самая стабильная вещь. Вот он и предлагает упростить. Девять пространств шить в три супер-пространства. То есть еще больше упрощает. В три больших коалиции пространства.

Вот эти девять он делить по трем коалициям. Наша коалиция как звучит. Это Северная Евразия, (Россия), Индия и Латинская Америка. Почему именно эти? Потому что мы не граничим с ними нигде. С Индией у нас нет никаких проблем, ни территориальных споров, мы никогда за тысячу лет не вели с ними никаких войн, вообще. Мы всегда были нейтральны, мы всегда, можно сказать, дружили. Афанасий Никитин к ним ходил. А вообще современные генетические исследования говорят, что славяне, протославяне, и индийцы, северные, которые там касты устанавливали, это одна и та же генетическая гаплогруппа. То есть, мы просто братья, не двоюродные даже, абсолютно родные, одни и те же – генетически. Сто миллионов славян в Индии живет. Или можно сказать, что здесь живет 200 миллионов индусов. В общем, это одно и то же. Когда-то, пять тысяч лет назад, произошло разделение генетическое, и вот так вот получилось. Вообще родственники. Вот. Никаких с нами проблем нет. Латинская Америка следующая входит в наше пространство. Почему она входит? Потому что мы тоже с ними не имеем ну никаких ровным счетом конфликтов. Мы даже с Испанией не имели и не имеем. Российская империя никогда никак не пересекалась с ней. А уж с их колониями, с Латинской Америкой, вообще не имеем никаких проблем. Но зато Индия находится в тылу у арабского мира, который всегда наше подбрюшье поджигает, мусульманский мир, опасен для России. И она находится в тылу у Китая, который тоже всегда такой тенью на наш Дальний Восток ложится. А она уравнивает все. У нее населения как у Китая. Она у них в тылу находится, и если мы с ними входим в союз, партнерство и коалицию, в абсолютный, в военный

союз, любой другой, они у себя в тылу будут иметь мощнейшего врага. И то же самое с Латинской Америкой. У кого она в тылу находится? У Северной Америки. У США. Поэтому американцы беспокоятся страшно, что мы ездим там и дружим с Чавесом, с Кастро, с Ортегой и так далее. Что там режимы, симпатизирующие России. Сейчас Путин совершил визит, он с Индией встречается и завязывает активные отношения. Мы продаем им оружие, строим для них авианосцы, электрические станции и так далее. И огромный вояж, который сейчас Путин совершил в Латинскую Америку, союзнический. Это правильно он делает, он завязывает вот этот треугольник. Треугольник, который на самом деле является могущественным, и он не даст никому никуда дернуться, если мы его скрепим. У наших врагов, скажем так, или партнеров мировых, есть другие треугольники. Скажем США. Для них партнерами являются, прежде всего, Арабский мир и Австралия. Австралия, потому что она находится в тылу, как бы, у Китая и Индии. На них фонит Австралия с Океанией. Да и вообще может контролировать Тихий океан, и в том числе Латинскую Америку, отсвечивать на них. То есть это такой большой авианосец Австралия, которая и на Латинскую Америку, и на Индию с Китаем. То есть может быть такой базой, контролирующей Тихий океан. Вот для них гигантский партнер. А другой гигантский партнер для них, это Арабский мир, который может все время дышать и на Африку, на Черную, и на Европу все время наезжать, так сказать, они уже проникли во всю Европу, и на Россию, и на Индию. На всех. Арабский мир в центре Евразии. Поэтому сейчас там Арабская весна, поэтому там сейчас переформатирует Америка все очень сильно и очень серьезно, я бы сказал так,

«кидает» Израиль. Потому что раньше они в этом мире опирались на Израиль и балансировали. Они то Израилю помогают, то арабам, то еще кому то. Они все время как бы разводящие. Приезжают и какие-то сделки заключают, и американский президент осеняет все мирные союзы. И как только они завраждуют, он тут же мирит всех. И без Америки прям никуда. Сейчас они подумали: «А зачем нам сейчас этот Израиль? Пусть его бы не было лучше». Они думают: «Ах, гад этот Сталин, который придумал этот Израиль и создал из-за этого там проблему...». А пускай будет единый арабский халифат, который в союзническом отношении с нами будет находиться, очень националистичный, мусульманский, но который будет мочить Россию, мочить Европу, мочить Индию, мочить Черную Африку и всех на свете. И будет агрессивно выполнять нашу волю, а мы ему будем покровительствовать из-за океана и сделаем его нашим оружием. Аль-Каида, которая будет не против нас, а на нашей стороне. А может просто – посеять там хаос и всех разводить, как раньше... Я не знаю, что у них получится, но им важен это регион. Вот их коалиция. Ну, и наконец, Китай. Точнее третья коалиция. Китай, Европа и Черная Африка. Сейчас Черную Африку Китай окучивает по полной программе, забирает у них все ресурсы. Везде там китайские инженеры работают, везде китайские рабочие. Вплоть до того что уголовников китайских туда присылают, для того, чтобы они там работали на каких-то работах, предприятиях и так далее. Союз идет, прежде всего, касательно земледелия, фруктов-овощей, ну и конечно полезных ископаемых, которых огромное количество в Черной Африке. Все они там сейчас завязаны на Китай, Китай все это покупает. Ну и Европа. Европа в этом треугольнике

ке, они контролируют Арабский мир, они контролируют Россию. Им сам Бог велел дружить между собой. И с Европы могут быть, конечно, и технологии, стандарты и все на свете. Вот три коалиции больших пространств. Если они оформятся окончательно друг с другом и будут друг друга держать за мягкое место, то мир может вступить в некий такой баланс, сбалансированность такую, когда никто никогда не сможет покуситься на эти пространства. Внутри этих пространств, естественно, будет развиваться некая своя специфика. То есть человечество не едино, оно многолико, но поскольку оно живет вот в этом балансе, в котором оно не может трогать друг друга, и осознает свою разнородность и вот эту сбалансированность, оно может развивать внутри этих пространств свою специфичность определенную. Каждый может на чем-то специализироваться внутри этого мира. Зная о своей самобытности, он может это развивать и не стремиться всех под одну гребенку подстроить. То есть, мир будет с одной стороны сбалансированный, с другой стороны очень разный. И это хорошо, что он будет разный.

К сожалению, пока у нас господствуют другие геополитические теории. И если мы говорим о современности, то мы можем говорить, как бы заключительная часть лекции, о том, какой стратегии придерживается каждая из сторон в этой ситуации.

Первое – США. США придерживается той стратегии, о которой я практически говорил сегодня в течение всего времени. Это геополитика, которая у них родилась. Они считают себя мировым островом. Они считают, что нужно сдерживать Россию и максимально ослаблять ее. И вообще они считают, как Бжезинский говорил, что нужно играть на мировой шахматной доске. А играть на ней, это

значит разделять и властвовать. По сути дела, современная теория американская, это теория управляемого хаоса. То есть, их геополитика упростилась до максимальной простоты. Она состоит в том, чтобы везде было плохо, тогда у нас будет хорошо. То есть доллар тогда будет мировой валютой, когда у нас будет самый лучший инвестиционный климат. Мы будем тогда сильны, когда все остальные слабы. Вот представим, что весь мир передрался. Везде идут войны, везде какие-то нестабильные режимы, какие-то революции, какие-то гражданские войны, еще что-то такое. Ну, разве может какой-то бизнесмен вкладывать деньги в ситуации, когда такой хаос творится? Конечно, не может. Тогда где он будет вкладывать деньги, или как минимум хранить? Вкладывать он может где угодно, делать какие-то гешефты, маленькие бизнесы, что-то добывать. А где он их будет хранить? Он будет хранить их здесь, в Америке. Мы дадим ему юрисдикцию и так далее, и будем его крепко держать за одно место. И если он дернется куда-нибудь, то мы ему всегда скажем: «Ай, ай, ай! Или мы у тебя все забираем или ты будешь соблюдать наши интересы и будешь проводником». Возникает такой спрут, который везде за что-то дергает, везде вносит какую-то нестабильность и при этом получает у себя на острове вот этот вот гешефт, богатство, которое может всем демонстрировать. А заодно перекачивать к себе мировую элиту: ученую, культурную, предпринимательскую. «Смотрите ребята. Мы самые богатые, мы самые красивые, мы самые умные, у нас лучше всех все. Поэтому, пожалуйста, делайте, как мы говорим. Если мы лидеры, если мы самые красивые, берите с нас пример, в том смысле делайте, как мы говорим. Не просто берите

пример, а делайте как мы. Мы вас научим». Самое основное богатство, которое есть, которое высасывается со всего мира, это человеческие мозги. Творцы, вот те самые, про которых я говорил. Творцы, те люди, которые умеют творить новый прибавочный продукт, технический прогресс, гуманитарные какие-то новые вещи, модные вещи. Высасываются со всего мира. Американский университет это место где русский профессор читает лекции японским студентам. Здесь поэтому все самое модное, технически совершенное, самое лучшее и здесь самые высокие стандарты потребления. Все смотрят на Америку и говорят: «Конечно, как прекрасно, как здорово, конечно, они мировой лидер». Ну, естественно, военная мощь. Чтобы всегда можно было послать авианосец и со всеми разобраться. То есть, везде вводится, с одной стороны, глобальное управление. Доктрина американцев это глобальное управление. Они считают себя единственной глобальной державой, то есть державой, которая над всем миром, и управляет всем. То есть, им есть до всего дело, до самого маленького последнего острова где-нибудь там в каком-нибудь Тихом океане. До всего есть дело. Все остальные державы региональные. Вот Россия, вы, пожалуйста, занимайтесь своей Россией. Германия, занимайтесь всем вокруг Германии, но не надо лезть в другие места. Во все остальные места может лезть только Америка. Но обратной стороной этого глобализма, вроде бы стандартов определенных, что везде есть Макдональдс, везде есть Старбакс, везде есть Айпад, везде есть какие-то другие американские стандарты, интернет, в конце концов, обратной стороной медали является очень большое разнообразие в этом мире. Условием глобального господства американцев

является что? Войны. Различия! Чтобы люди всегда друг с другом воевали, чтобы они были друг на друга не похожи. Поэтому американская доктрина состоит в том, чтобы сеять различия. Они говорят: «А это защита прав меньшинств». «Вот вы люди какой-то особой национальности и такого-то языка, мы вас защищаем. А у вас там какая-то специфическая религия. А у вас специфические половые потребности и качества. А вот у вас какие-то еще есть особенности идеологические. А вы вообще имеете другую историю. А вы еще что-то». И чем вас таких разных больше, тем всегда легче, с одной стороны, вас друг на друга натравливать, потому что вы разные, вы же будете свое защищать, вы же не похожи на других, вы же каждый сам по себе, а, следовательно, ощетинившись, ощущаете весь мир как врагов, которые мешают вашей идентичности. И чем вот этих стойких и крепких идентичностей больше, чем больше все будет атомизировано, тем больше этих войн будет. Но зато чем больше войн, чем больше конфликтов, тем больше потребностей в суде, в едином стандарте, в едином законе, который придет и вас разведет. Кого надо защитит, кого надо похвалит, кого надо уничтожит, кого надо зачистит в соответствии с интересами данного конкретного момента. Через пятьдесят лет это может быть по-другому. Сегодня самый лучший друг, потом враг. Пожалуйста, Вьетнам. Был в свое время врагом Америки, потому что по доктрине Спайкмэна нужно было, чтобы Индокитай был в зоне влияния Америки. Следовательно, Америка должна была этот кусок Индокитая захватить, а это Вьетнам. Вот они воевали, вводили войска, миллион человек уничтожили. Сейчас поднялся Китай. Американцы решили окружить Китай со всех сто-

рон своими сателлитами. А тут Вьетнам. И тут же стали американцы лучшими друзьями вьетнамцев. Сейчас уже вьетнамцы американцев любят, хотя они их уничтожили миллион человек, если не больше. Я точные цифры не знаю, может быть и больше. Наверняка больше, кстати. Все забыто, все нормально, сейчас вьетнамцы лучшие друзья. А китайцы с вьетнамцами, в конфликте между которыми погибло всего несколько десятков тысяч человек, все еще дерутся и США подначивают этот конфликт. Вот умудряются американцы манипулировать всей ситуацией. И еще раз повторю, это две стороны одной медали, глобализм и унификация, и вот эти вот различия между всеми, различными нациями, народами и различными меньшинствами. Потому что ими тогда глобально легче управлять в этом мире.

Как ведут себя другие страны? Позиция Китая состоит в определенном выжидании. Он считает, что он сейчас тихо и мирно растет. И как говорит китайская народная пословица: «Нужно сидеть на вершине холма и ждать, когда труп твоего врага проплывет мимо». Он считает что Америка и Россия, и так далее, столкнутся в этом мире. И когда они там столкнутся, то мы китайцы, потом приобретем весь мир, ничего не делая. Воевать китайцы не собираются, хотя у них мощнейшая, вторая по мощности в мире, армия. Но они не собираются, они не очень-то умеют это делать. Глобальное управление для китайцев тоже вещь довольно тяжелая. Эта нация националистическая. Китайский язык и специфика его состоит в том, что он не способен принять в себя иностранные слова. Любое слово, допустим лист бумаги, слово «лист» на китайском языке должно быть разделено на два ие-

роглифа. Например, ли-ст, причем «ли» будет иметь несколько значений, «ст» тоже будет иметь какое-то значение. Мы не можем вставить. Вот мы берем, например слово айпэд и вставляем спокойно в русский язык, и употребляем его наравне с обычными словами и он обозначает вещь. А у китайцев нужно разделить его на «ай» и «пэд», и «ай» будет обозначать там что-то, и «пэд» что-то, и он будет слышать совершенно другое. И нельзя вот эту вещь назвать этим словом, обязательно нужно перевести на китайский язык. И оно у них будет как-то по-своему звучать. То есть абсолютно язык не включающий в себя. Точно такое же у них и мышление. То есть, они националистическая нация, они не включительная нация как русские. Националистической нации очень трудно глобально управлять. Китайцы могут проникать в те или иные системы управления других стран. Они так это и делают по Юго-Восточной Азии. Они могут диаспорами присутствовать по всему миру, они могут быть некой такой сильной доминирующей, в том числе в экономике разных стран, страной или диаспорой. Но у них нет опыта мирового глобального управления, и нет умения, и нет, наверное, такого желания, пока, на сегодняшний момент. Они мечтают быть, и хотят быть самой крупной региональной державой и державой, без которой не решаются никакие мировые дела, в том числе. И при этом усиливать свою мощь за счет слабости каких-то соперников. Поэтому Китай будет помогать поочередно, то Америке, то нам, то всем остальным. В данном случае он видит, что Россия находится в некоем уязвимом положении, что американцы на нас начали атаку, они помогают и поддерживают нас. Если будет какая-то слабость в Америке, то они

будут поддерживать Америку. Тем более, что они и с Америкой, и с Россией, довольно серьезно интегрированы по финансовому потоку. То есть, они будут стремиться вот такой вот баланс соблюдать, при этом наращивая собственный авторитет. От Китая пока какого-то удара в спину ждать не приходится, но нужно иметь его всегда в виду, что такая возможность может быть осуществлена. Потому что Китай для нас все-таки является соседом, и между нами существует демографическая, экономическая напряженность. У нас семь миллионов человек на Дальнем Востоке, от Байкала и до Дальнего Востока. У Китая на этой же территории живет 200 миллионов человек. Дисбаланс огромный. Понятно, что китайцы больше стремятся на юг, что не особенно их интересует вроде бы север. Но с другой стороны, там у нас находится лес, это очень большое богатство строительное для Китая, и там находится пресная вода. Самое большое богатство в этом мире, это пресная вода. Самый большой дефицит в этом мире, это пресная вода. А озеро Байкал, если его по рыночным ценам продавать, оно стоит больше чем стоимость всех Соединенных Штатов. То есть у нас в России есть такое богатство, озеро Байкал, самое глубокое озеро. Вот если взять цену литра воды, чистой, которая у нас в киосках продается, и взять литрами воды измерить этот Байкал и посчитать, сколько это по рыночной стоимости. То это стоит больше чем все богатство, все золото, все банки, все заводы, все-все-все Соединенных Штатов. Поэтому мы обладаем колоссальным богатством. А нехватка, самая большая в мире, именно пресной воды. Поэтому уже айсберги хотят гнать в Африку, и много чего. То есть это большая проблема при растущем населении, и арабском на-

селении, и африканском населении, да и китайском, собственно говоря, и индийском. Поэтому, конечно, на наш Байкал они смотрят, и на сибирские богатства смотрят, там энергетика, там все. То есть, они не хотят там жить, они хотят, чтобы это шло и добывалось. Пока Россия это обеспечивает, они спокойно на это смотрят. Если по какой-то причине возникнет такая случайность, что они будут иметь возможность это захватить, то они это смогут захватить и сделают это. Естественно пока мы являемся атомной державой, пока у нас есть субъектность, они на это не посягнут. Америка, в свою очередь, вот я говорил, что она сеет вражду, сейчас ей нестабильность особенно выгодна. Америка имеет большой внешний долг, ну как многие европейские страны. Америка и ее банковская система находится в большом кризисе. То есть, собственно говоря, там нет новых идей. Экономика, нынешняя, заемная экономика, это экономика, которая занимает у будущего. То есть предполагается, что когда мы занимаем, печатаем деньги, что в будущем мы отдадим. А в будущем мы способны отдать только тогда, когда у нас растет производительность труда. Производительность труда растет очень медленно, к сожалению, в Западном мире, несмотря на новые изобретения, интернет и прочее, потому что общество потребления, которое существует последние 20-30 лет, привело к тому, что мы вырастили большое количество потребителей, а не производителей. Производительность труда растет медленно, научно-технический прогресс замедляется, следовательно, те займы, которые мы одалживаем у будущего, забираем, они накапливаются и не отдаются. Поэтому будущее, как говорится, требует вернуть долг и если исходить из грече-

ской космогонической теории, у них время течет из будущего. И если в мире случаются какие-то сбои, какие-то вещи, то это из будущего к нам как бы приходят такие события, которые меняют разрывы постепенности. Так вот те авансы, которые мы у будущего делали, деньги которые мы забирали, вообще все, что, мы одалживали у будущего, оно теперь требует назад. Оно в виде кризисов, в виде войн стучится к нам в наше настоящее. И американцы хотят, как они уже это делали в Первой и Второй мировых войнах, сбросить на нас, на плечи Европы, основное бремя этой войны. Первая мировая война, напомню, произошла на территории континента. В этой войне пострадали, Германия очень сильно, Франция очень сильно, Россия пострадала. В выигрыше оказалась одна Англия. Она сумела всех друг с другом сравить. Все пострадали. Англия молодец, и Америка тоже. Вторая мировая война то же самое. Пострадали, Германия, вся Европа в руинах была, Советский Союз был в руинах, 50 миллионов человек погибло. Даже Англия пострадала, потеряла колонии. Выиграла Америка во всей этой ситуации. Она всем потом помогала, доллар стал мировой валютой, всем все стало хорошо. Сейчас, когда пришел очередной кризис, задача Америки состоит в том, чтобы война списала все долги. Чтобы опять в Европе были руины, а Америка опять там, за океаном отсидится. Самое слабое наше место. Товарооборот между Россией и Европой составляет 500 миллиардов долларов. К тому же соединение русских ресурсов и европейских технологий, в том числе гуманитарных дает невиданную в мире силу. Товарооборот растет. Это очень большой товарооборот, он больше чем товарооборот между США и Китаем. Поэтому если мы нане-

сем удар сюда, думают американцы, то сейчас в результате мирового кризиса у России слабый экономический рост, 2-3%, у Европы там, 1% экономический рост, если мы наносим этот удар по товарообороту, то просаживается Россия, просаживается Европа. Выгодно кому? Выгодно Америке. Слабое звено, Украина. Которая в силу отсутствия государственных традиций, отсутствия на протяжении истории государственности и специфического менталитета, специфического географического исторического положения оказалась слабым звеном, которое оказалось можно запутать, обдурить. Вложить пять миллиардов долларов в мозги, в перековку этих мозгов, подвесить им морковку в виде европейской сладкой жизни, которой естественно никогда бы не было, внушить русофобские настроения, которые воспитывались 25 лет. Крайний национализм, конечно, антироссийский. В результате этого, через нее, через Украину проходит газовый транзит, между Россией и Европой, страдает производитель Россия, страдает потребитель Европа, что и нужно Америке. Естественно, в качестве запала выбрана Украина. Вот она сейчас загорелась. В результате этой войны, гражданской, уже идут обмены санкциями, товарооборот между Россией и Европой падает, экономические показатели все будут падать. То есть пока Америка достигает успеха в своей стратегии... Пока! Слава Богу, что Россия может объяснять это Европе, и Европа тоже уже догадывается кому все это выгодно. Может случиться так, что в ближайшее время, через полгода, например, мы с Европой окажемся союзниками. Сейчас люди уже говорят о том, что нужно освободить Германию, Европу от американской оккупации, в Европе многие люди говорят. Эти голо-

са все слышнее. И может случиться так, что таких людей сегодня 20%, а завтра будет 40%, а послезавтра 60%. И тогда уже американцам будет довольно трудно все это сделать. Возможно, что наш подход, говорящий, что людям с мировой суши надо объединяться, против агрессора с другой стороны, он сработает, и мы не дадим себя друг с другом поссорить. Хотя это, конечно, довольно трудно, потому что в значительно степени элементы колониальной системы американской распространены на Европу. Там военные базы, там господство СМИ американских и спецслужб американских, золотые запасы европейских стран хранятся в США... Поэтому задача России, в чем состоит? Искать себе как можно больше союзников. Такими союзниками, конечно, может быть Китай, который не доволен тем, что Америка окружает Китай по периметру своими марионеточными режимами, Монгольским режимом, террористы в Уйгурском автономном округе, Тайвань, Япония, Вьетнам, сейчас попытка проамериканского переворота была в Тайланде, Тибет, Далай-лама который живет в Америке и всяческие антикитайские вещи транслирует. То есть полностью окружен Китай. Китай этим недоволен и мы используем это недовольство, мы дружим с Китаем. Второе, мы дружим с Индией, которая видит, что Англия и Америка продолжают их эксплуатировать. Элементы колониальной системы остались. Сейчас правительство Моди, которое пришло, индийское, оно крайне националистично, не в том смысле, что оно за каких-то индусов, в Индии 60 официальных языков, у него вообще не может быть национализма, там националистическая партия, которая рассматривает Индию всю как отдельную нацию, которая будет достигать своих интере-

сов, отстаивает их в борьбе с империализмом, американским, прежде всего. Потом мы за Латинскую Америку, которую самым нещадным образом в XX веке эксплуатировали США. Везде в Латинской Америке были поставлены диктаторские режимы, именно диктаторские, которые самым жестоким образом обращались с населением Латинской Америки. То есть, там буквально были фашисты практически во всех странах, которые убивали, расстреливали простой народ. Везде эти фашисты, сейчас, свергнуты, практически, везде к власти пришли демократические правительства. А учитывая, что мы помогли очень многим латиноамериканцам, они у нас учились здесь, Советский Союз вообще очень много им помогал в борьбе как раз, с диктаторскими режимами. Сейчас эти люди, многие из них, интеллигенция пришла к власти, они в целом очень позитивно настроены к России и очень негативно к США. То есть вот, союзники. Мы имеем позиции хорошие. Есть позиции и в Африке, которой мы тоже в свое время помогали бороться с колониализмом, Советский Союз помогал. Именно благодаря Советскому Союзу сейчас в Африке 50 или сколько-то государств, типа этого. Раньше там их было меньше. Именно благодаря автомату Калашникова, нашим поставкам, национально-освободительным движениям, там появилось очень много разных государств, которые воевали с колониализмом. Поэтому они за нас. И наконец, Арабский мир, который видит и видел то, что сделала Америка с ним сейчас. Что американское вмешательство привело к тому, что все в Арабском мире лежит в руинах. Если мы получим авторитет в Арабском мире, у нас действительно живет 10% мусульман на территории России. Можно это рассма-

тривать как минус, что вот это некая пятая колонна мусульманского мира внутри нас, а можно рассматривать как плюс. То есть можно рассматривать этих людей, как тех, которые будут нашими агентами и проводниками в мусульманском мире, если мы их всех туда направим и настроим. Но для этого нужна специфическая политика, нужно чтобы здесь эти мусульмане окрепли. Можно им тут даже собственный университет создать, потому что они сейчас ездят учиться куда-то в Каир, в Турцию. А почему бы им здесь не учиться, почему бы здесь не создать особую мусульманскую школу со своим течением и так далее? Которое будет постепенно захватывать, влияние на весь мусульманский мир оказывать. И показывать, что мы-то, как раз несем мирное сосуществование с исламом, а вмешательство Америки, оно всегда вредоносно для них, как собственно, мы видели. Америка эксплуатирует их недра, берет их нефть и у них же устраивает всевозможные бомбежки и все на свете. В конце концов, мы можем напомнить и Израилю, что у истоков его создания стоял Советский Союз. И что мы всегда с евреями мирно жили и спасали их, в том числе от геноцида немецкого.

А Европа? Можно напомнить, что мы никогда не были с ней во вражде, и мы никогда не нападали на нее. Они нападали на нас, да, вражда в этом смысле была. Мы на них никогда не нападали и им бояться совершенно нечего. Что вообще вся эта история с НАТО была чисто американской разводкой, что в 1946 году, в 1949 году, в 1948 году, они внушили Европе, американцы, что Россия страна вдов и инвалидов, которая только что потеряла 25 миллионов человек с разрушенной экономикой, может им чем-то угрожать, каким-то страшным

коммунизмом. И они создали этот блок НАТО, под американским покровительством. Хотя, например, Де Голль, француз, сразу это видел. Он не хотел в НАТО входить, он считал, что это явная американская попытка установления американского доминирования и колониализма в Европе. Поэтому мы создали Варшавский договор в ответ на создание НАТО. И мы всегда стремились к мирному сосуществованию с Европой. Мы строили газопроводы, еще в 70-е годы, а Америка всегда мешала этого делать. Мы стремились объединить Европу и Азию, стремились быть мостом между ними, а Америка всегда мешала этому. Если американское иго над Европой падет – Евросоюз обретет собственную субъектность, потому что сейчас он субъектом не является. Мы знаем, что есть Евросоюз, что есть валюта евро, и мы знаем, что архитектор этого Евросоюза, Германия и Франция, тайную мысль имели выйти из-под покровительства Соединенных Штатов. То есть французы, голлисты, они имели эту цель, восстановления, и немцы имели цель вернуть доминирование Германии в Европе. Вот они совместно объединились. Но сейчас, вместо того чтобы отстаивать свои интересы против Америки, мы видим как Олланд и Меркель, по сути дела, предают интересы Европы и своих стран. Играя в санкции, играя вот в эту американскую дудку. Почему они это делали? Европа, как я уже говорил, имеет низкий экономический рост, маленький. Они рассчитывали, что за счет Украины они приобретут некий новый рынок и это поможет им чуть-чуть выжить и подняться. Поэтому они, конечно, стремились к этой ассоциации с Украиной, хотели ее хорошенечко пограбить. Но сейчас, когда они увидели, что от Украины осталась мертвое место, го-

рящая пылающая страна, и она не представляет из себя никакого рынка. Интерес у них к ней пропал. По идее, все предпосылки для того, чтобы теперь уже не союзничать с США в этом вопросе у них есть. «Агрессивный Путин, агрессивная Россия», которая вот-вот может кого-то захватить, если не дай Бог не будет сил НАТО, конечно, для них является угрозой какой-то. Но это, по большому счету, наша информационная недоработка. Если бы мы культурно и ментально Европу покоряли, если бы они здесь чаще бывали, если бы они здесь на нас смотрели, если бы они чаще общались – все было бы для нас гораздо лучше. Не мы к ним туда приезжали! Потому что у нас русский народ любит приезжать, если он на отдыхе, он отдыхает. Он там выпивает, закусывает, веселится. Нормальному мирному гражданину, который живет нормальной мирной жизнью, это веселье кажется немножко диковатым. Поэтому они могут считать, что мы там варвары. А вот если бы они к нам приезжали? Сейчас Европа отдыхает в основном у себя же на юге, по 70-80 миллионов человек. Если бы они путешествовали по Сибири, по Золотому кольцу, по Дальнему Востоку, любовались бы на вулканы Камчатки и так далее. **То есть, нам надо отменять с Европой визовый режим, вообще полностью.** Чтобы они спокойно здесь перемещались. Тем более что курс рубля и евро и суммы зарплат делают их отдых у нас дешевым. Чтобы они смотрели на нас мирных, чтобы они видели нашу историю, чтобы они дорожили этой историей. Чтобы мы, наши экскурсоводы пропахали им все мозги. Тогда у них будет совершенно другое отношение. Вот американец, я совсем недавно встречал здесь, он приезжал, американец из Техаса, который никогда практиче-

ски не покидал территорию своей страны. Он приехал, посмотрел на Сергиев Посад, посмотрел на Москву и говорит: «Слушайте, а нам рассказывали, что у вас здесь одни военные и танки. А я не видел ни одного военного и ни одного танка, пока находился в Москве и в Подмосковье». И вот, если также бы мыслили еще 100, хотя бы, миллионов американцев, которые бы побывали у нас, наверное, было бы для страны, для нашей безопасности очень хорошо. Поэтому я бы говорил, у меня книга посвящена этому, «Суверенитет духа», что самое главное богатство, это культура. И если мы духовно светим для других наций, если мы являемся ценностью для других наций, то это наша самая главная гарантия собственной безопасности, гораздо больше, чем любая атомная бомба. Вот у Ватикана нет атомной бомбы, а он сосредотачивает в себе огромное количество богатств. Защищает его всего лишь триста гвардейцев швейцарских. Почему бы его не захватить? Причем там не демократия, там правит всем Римский Папа, это абсолютная монархия, тоталитарная абсолютно. Почему бы не захватить Ватикан? Ну, вот Европа говорит, что Лукашенко, это последний диктатор Европы. А у Папы Римского гораздо больше власти, чем у батяки Лукашенко, там вообще никакой демократии нет. Давайте сейчас будем бороться за права простых ватиканцев. Тоталитарный режим давайте свергать в центре Европы находящийся. Тем более его можно пограбить. Но никто не тронет Ватикан, потому что это центр мировой религии, с которой, так или иначе, соотносит себя полмиллиарда человек. И если ты Ватикан тронешь, то эти полмиллиарда очень сильно обидятся. Точно также Мекку нельзя трогать. Точно также других нельзя трогать. Хотя вро-

де в Ватикане нет атомной бомбы. Так вот нужно стать вот таким вот Ватиканом, своего рода. Такой страной, которую никто не тронет, потому что дорожат ей. В Японии есть закон, что каждые десять или двадцать лет, по-моему, нужно сносить дома, чтобы обновлять. Вот ты построил дом, потом нужно будет через двадцать лет снести, чтобы новый строить, чтобы ветхого жилья не было, за исключением исторических памятников. Вот страна должна быть таким историческим памятником, чтобы его никто никогда не мог сносить, чтобы его любили. Я могу относиться очень плохо, например, к Англии, я знаю, что в течение всей истории они нам вредили, царей наших убивали, революции у нас устраивали. На руках у англичан море крови русских людей. У меня нет никаких иллюзий по отношению к ним. Но я могу приехать в Лондон, и я вижу этот прекрасный город, и это само по себе культурная ценность. И никогда, ни у меня, ни у какого-то другого человека не возникнет мысли нажать кнопку, чтобы Лондон стереть с лица Земли. Ну, просто потому, что это варварство будет. При всем притом, что они с нами такое делали. Вот нужно добиться такого же отношения к нам. Чтобы было невозможно нанести вред России, просто потому, что эти люди должны быть влюблены в Россию. А это культурполитика. Это как бы уже геополитика, давно вышедшая за собственную грань. То есть здесь уже не география, не природа определяет, а определяет культура. Мы должны свою культуру пропагандировать, навязывать всем. И тратить на образование и культуру не меньше, чем на оборону.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

Часть 1

Что такое информационная война?

Здравствуйтесь! Сегодня мы начинаем курс из шести лекций, касающихся информационных войн и способах борьбы в этих информационных войнах, как эти информационные осуществляются, кто их ведет, как можно в них противостоять информационному воздействию и как самим тоже вести это информационное воздействие.

Первая лекция из этого цикла дает представление о понятии «информационная война», значение информационных войн в истории.

Мы часто, в публицистике, или вообще, для себя, считаем, что информационные войны, это что-то совершенно непохожее на настоящую войну. Вот есть война, которая с танками, с пушками,

с взрывами, с убитыми людьми, с ранеными и так далее. То есть что-то такое, к чему мы привыкли по фильмам, по каким-то хроникам. А информационная война это что-то идущее в газетах, где-то далеко, и вообще-то бескровно и не так страшно, как война настоящая. На самом деле, вот это представление о том, что информационная война является войной не настоящей, оно глубоко ошибочно. На самом деле всякая война сама по себе, по своей сущности и своим целям, является, прежде всего, информационной войной. То есть дело обстоит не так, что есть настоящие, горячие войны, и где-то в сторонке холодная война, в качестве какого-то довесочка, или сопровождения, чего-то вторичного такого. На самом деле сущность даже горячей войны, настоящей войны с убитыми и ранеными, сущность этой войны это информационная война. Что стоит за этим утверждением? Что воздействие, которое хочет оказать горячая война, настоящая война, на человека, на государство, на страну, это воздействие, прежде всего, на волю и на сознание стороны, с которой воюют.

Для чего вообще воевать? Для чего один царь, государь воюет с другим царем, или одно государство с другим государством? Просто так, людям делать нечего, они берут и уничтожают население друг друга? Конечно, нет. Война возникает там, где есть какая-то война амбиций. То есть, например, один говорит, что данная земля моя, а другой говорит, что она его. И возникает некий спор. Возникает несогласие по территориям, или по экономическим вопросам, или по политическим вопросам. Раньше могли воевать и из-за религиозных вопросов. Да и сейчас тоже. Даже из-за браков могли воевать, что кто-то там не на той женился. Любая

причина может быть. Но смысл в том, что один говорит: «Нет, я сильнее, я прав». А другой говорит: «Нет, я прав». Так вот, война это способ доказать другому лицу, или другому народу, или группе людей, элите какой-то, то, что они не правы, или что они слабее. Вот мы сильнее, мы свою точку зрения проведем. То есть война это способ воздействовать на сознание противника и на волю противника. Сознание и воля являются ключевыми вещами. А убийства мирных граждан, столкновение войск, эти битвы и так далее, это только средство воздействия на сознание и волю. Не более того. Это средство, а не цель. Потому что если бы какой-то человек, или какой-то правитель, армия какая-то имели бы способ воздействовать на волю и сознание противника каким-то иным способом, кроме как введения армии, введения войск, то они бы, наверное, другим способом это бы и делали. Если воля противника побеждена настолько, что он готов сдаться... Вот ты говоришь, что данная территория моя. И он говорит: «Все, я сдаюсь. Забирай». То какой смысл с ним вести какую-то дополнительную войну? Все, он уже готов. Если у нас есть такое средство, то не нужна никакая горячая война. Надо ли тратить свои силы? Нужно ли идти каким-то войскам погибать в борьбе за какие-то амбиции, за какие-то речи, если противник и так сдался?

Или у тебя есть средство, на него каким-то образом воздействовать, чтобы он сдался. Поэтому, конечно, этим средством воспользовались бы, если бы его имели. Или представим себе, что есть такое чудесное средство, волшебная палочка. Ты ею махнул, а противник взял и убил сам себя. Для многих это было бы тоже великолепным выходом. Многих войн бы в истории не было, если бы у кого-то была

такая волшебная палочка. И многие сказки нам рассказывают, что такие своего рода волшебные палочки существовали в мечтах. Сами сказки воплощали такие мечты.

Или, допустим, у нас есть средство заставить противника работать на нас. То есть одно дело, что он там себя убивает или сдается, то есть остается просто чистая территория. А представьте, противник со всей его огромной силой, со всеми его мощностями, он начинает полностью работать на твое государство, на дальнего претендента. Тоже прекрасно и чудесно, это тоже воздействие на волю.

Или представьте себе, что противник до такой степени поражен вашим чудо-оружием, что он идет и сам умирает в борьбе за тебя, идет с другими твоими врагами воевать и драться. То есть не ты своих людей посылаешь на смерть, и не свои ресурсы тратишь, не свою экономику, например, а идет противник это все делает. Разве отказался бы какой-то правитель в истории, с амбициями, от таких средств. И действительно все в истории правители искали это средство. Они понимали, что прямое воздействие на сознание, прямое воздействие на волю, является самым важным. Лучше стратеги в истории, они именно непосредственным образом так и действовали. Можно привести много примеров. Например, знаменитые китайские стратеги. Когда находится советник в одном осажденном городе, к нему подходят войска противника, а сил защитить свой город нет. Тогда советник придумывает хитрость: «Откройте ворота города и пусть метельщики подметают улицы». Когда противник подошел, он увидел, что ворота города открыты. И дальше противнику пришлось думать, что что-то тут не то, скорее всего здесь какая-то ловушка.

После этого войско, подумав, развернулось и ушло. Что здесь было применено, в чем суть хитрости? Суть хитрости – воздействие на сознание этого противника. Если ты так умеешь информационно воздействовать, если ты каким-то способом формируешь сознание своему противнику, то иногда можно обойтись и без кровопролитных жертв и без всевозможных штурмов.

Поэтому информационная война часто ведет к цели напрямую, без чисто военных горячих действий. И во-вторых, эффект от информационной войны гораздо выше, больше, чем эффект от чисто военных действий.

Вот мы часто говорим, у нас в публицистике такое пишут, что Россия, Советский Союз, проиграла Холодную войну. И это вроде бы не так страшно, как если бы мы проиграли Первую мировую войну, Вторую или еще что-то. Вот тогда было бы много убитых, было бы много раненых, разрушенные города. А на самом деле давайте поедем в российскую глубинку и посмотрим, 200 километров от Москвы достаточно отъехать, и вы увидите села, в которых не живут люди. Стоят печки от домов, стоят разрушенные коровники, разрушенные фермы, точно такие же, как когда-то мы видели в хронике, например, Второй мировой войны. Вот фашисты прошли по Белоруссии, по Украине, и показывает нам военная хроника, что осталось после них. И вот мы видим такие же разрушенные здания, разрушенные заводы, разрушенные фермы. Мы можем увидеть их сейчас. Только никакие фашисты не проходили по нашим вологодским, или архангельским селам, или курганским, сибирским каким-нибудь, уральским. Хотя все это там можно увидеть. Как это получилось? Кто разрушил все эти

фермы, коровники, заводы на окраинах наших городов, вот сейчас. Разрушили сами люди. Вот в той же деревне, колхозники, так называемые, бывшие, которые почему-то решили, что без колхоза им будет жить лучше, стали жить хуже. А потом они стали воровать с этих ферм, бывших колхозных, себе стройматериалы. Сначала стекла вытащили, потом все деревянное забрали, крышу, потом кирпичи стали растаскивать и в итоге получилось то, что получилось. И то же самое было с другими объектами. Так вот эти люди, которые сначала все растащили, и потом не увидели дальнейшего смысла жизни, они потом еще и пить стали больше, чем пили до этого. И в итоге, мы еще имели и убыль населения в среднем по 700 тысяч человек в год все 90-е годы. И если мы это все посчитаем, то это намного превосходит жертвы наших людей, которые наша Российская империя потеряла в Первой мировой войне, намного больше, чем мы в Гражданской войне потеряли. И спрашивается тогда, что было страшнее, вот этот проигрыш в Холодной войне, или те горячие, так называемые, войны? Вроде бы никто вот так вот не умирал, вроде бы как бы убийств никаких не было, геноцида никакого не было. А на самом деле населения погибло также как от любой другой войны, и даже больше. И это все говорит только о том, что результаты любой холодной войны, они гораздо больше. И вот какая штука, что после горячей войны мы можем мобилизоваться, мы можем взять и начать строить страну, восстанавливать. А после холодной войны мы до сих пор не можем мобилизоваться, мы до сих пор не понимаем, что с нами произошло. Разруха как бы продолжается, потому, что она является разрухой в головах. Помните как в известном кино «Собачье сердце» сказал профессор Преображен-

ский, когда ему сказали, что свет гаснет в доме, потому что в стране разруха, он ответил, что разруха в головах у людей. Что если мы все будем петь песни, вместо того чтобы делать свое дело, если мы будем сами мусорить, если мы сами будем ходить мимо туалета, а не в туалет, тогда в туалете настанет разруха. Вот эта разруха в головах она собственно и порождается информационным воздействием, она и есть главный результат вот этой самой холодной войны. И основная цель информационных войн, это информационные бомбы, которые разрушат сознание, которые разрушат волю. Задача именно и посеять разруху в головах. Именно там и проводятся кампании, спецоперации, в информационных разных носителях, средствах массовой информации или каким-то другим способом, для того, чтобы сложившиеся у человека ценности, которые в голове у него есть. Разрушается видение прошлого, разрушается виденье будущего, символы, которые делают людей одним народом. Иерархии какие-то, структуры, понимание какого-то порядка, того как нужно поступать, того как не нужно поступать. Эти вещи разрушаются с помощью информационного воздействия, и возникает та самая разруха в головах, которая уже приводит к разрухе в жизни.

Средств для ведения информационных войн было очень много всегда, во все времена. Я привел только что пример, как хитрый китайский стратег обманул целую армию. Были другие способы. Изготавливали поддельные документы, например. Известны нам всем «Константинов дар» в Средневековье, которые католики использовали для обоснования своего права господства над другими. Или другие различные фальшивые документы изготавливались. Шпионы всевозможные воз-

действовали с помощью доносов ложных, клеветы. Перехваченные письма, якобы, от одного короля к другому, или от одного полководца к другому. И этим людям потом голову рубли, за то, что они предали кого-то. Много было всего. И мы, наверное, всего сейчас не упомянем, не расскажем. История вещь очень большая. Имеет смысл посмотреть на нашу недавнюю историю. Хотя бы XX век взять и посмотреть какие-то эпизоды информационного воздействия. Тем более что XX век был в значительной степени веком информационных войн, а XXI вообще выходит на чистые информационные войны.

Ну XX век. Возьмем Первую мировую войну и подготовку к ней. Россия, как известно, была в союзе с Англией и Францией, это была Антанта. А противник наш в Первой мировой войне это Германия и Австро-Венгрия, две империи. И одна из крупных спецопераций, которая касалась нашей страны, которая касается сейчас нас, и мы постоянно об этом помним и постоянно об этом говорим. Это воздействие на жителей Западной Украины, превращение большого количества людей в противников России. Что происходило, что было на Западной Украине в конце XIX века? Это был центр русского патриотизма. Все люди, которые жили во Львове и вокруг, называли себя русскими. Слово украинец использовалось не как национальность, а как житель определенной территории, окраины. Украинец – окраинец. Это было такое же название, как уралец, сибиряк, то есть человек, житель определенной области, а не определенной национальности. И люди по национальности сами себя считали русскими. И они очень сильно сопротивлялись Австро-Венгерской империи, в со-

став которой они входили. Они мечтали о соединении с Россией, они мечтали о том, что они будут со своими братьями православными. Там, правда, было деление, кто-то был православный, кто-то был униат-католик. Но, по крайней мере, они мечтали быть вместе со славянами. И люди, которые приезжали туда, говорили, что патриотизму русские люди должны учиться у львовских братьев, у жителей Западной Украины. Вот как надо любить Россию, говорили они. Граф Бобринский, например, в Государственной Думе выступал, и говорил, что мы все русские должны поучиться русскому патриотизму у жителей Западной Украины. Это вот то место, где самые главные голосовальщики за майдан. Сто лет прошло с тех пор всего лишь. Чем тогда занималась Австро-Венгерская империя? Она придумала проект превращения жителей этих территорий в отдельную нацию. Нацию украинцев. Было затрачено огромное количество денег на этот проект. Был профессор Грушевский специально выписан из Киева, ему дали кафедру, открыли во Львове специальную кафедру украинской истории. Он тут же написал несколько томов так называемой «украинской истории», где просто взял всю русскую историю, и там где было слово «русский», написал «украинец». Был русский князь Владимир, он стал украинским князем Володимиром. И так далее, и так далее. Так возникла целая украинская история огромная. То же самое с языком. Был, конечно, язык народный, как и у всех. Сибирские деревни на одном языке говорили, донские на другом, Русский Север – на третьем. Всегда были диалектные особенности. И конечно диалектные особенности были и у тех жителей. Но это взяли за основу, объявили украинским языком, а ког-

да поняли что в этом украинском языке не хватает огромного количества слов, например научной терминологии и прочих, то просто взяли тупо из польского. Не из близкого русского, а из польского. И таким образом дополнили язык до полного объема. Та же самая, информационная спецоперация осуществлялась. Не говоря уже про то, что молодых людей тренировали в специальных лагерях, воспитывали у них ненависть к Российской империи. И потом эти люди, когда собственно начались военные действия, настроенные соответствующим образом, просто начали убивать тех, кто продолжал называть себя русским. Но даже в 30-е годы половина жителей Западной Украины продолжала называть себя русскими. Сейчас таких людей осталось несколько процентов. Спрашивается, куда они делись? Это одни и те же люди, их потомки. Просто их паспорта, их национальная идентичность поменялась. Сейчас там центр самого большого русофобского антирусского движения, в этом самом месте. Вот, пожалуйста, спецоперация. Это все отражается вот сейчас на нашей жизни. Результат операции, которая была проведена 100 лет назад. Подробнее смотрите об этом в моей книге «Американское сало».

Возьмем другой проект. Первая мировая война, если мы будем дальше про нее продолжать. Поддержка немцами и англосаксами и их союзниками нашего революционного движения. наших эсеров, наших большевиков, меньшевиков и так далее. наших людей, которые у нас внутри России воевали против нашей власти. Вот кем была Россия накануне Первой мировой войны? Это была величайшая сверхдержава мира. Вот представьте себе нынешнюю Россию, границы, добавьте сюда все, что вхо-

дило в СССР. Вся Средняя Азия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и так далее. Добавьте сюда Польшу. Добавьте сюда Финляндию. Это все тоже были земли, которые были под российской короной. И были еще проекты присоединения Монголии. Были проекты вхождения части Китая в Российскую империю. И Англия, собственно говоря, уже вела диалоги о разделе Турции. И проливы Черноморские, Босфор и Дарданеллы, должны были тоже перейти под протекторат России и войти в состав Российской империи. И Черное море стало бы нашим внутренним морем. Вот до какой степени была сильна и велика держава. Когда короновался Николай II в России, во Франции был объявлен национальный праздник и выходной день. Казалось бы, где Россия и где Франция. Вот до такой степени был важен авторитет Российской империи. Когда европейские послы хотели встретиться с Александром III, он в это время удил рыбу, а его торопили. Он сказал: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Вот был какой авторитет. Я уж не говорю о всевозможные экономические достижения. Мы были первыми по золотовалютным запасам в мире, мы построили огромную сеть железных дорог. И так далее, и так далее. Я перечислять не буду, но Россия в любом случае по многим показателям, практически по всем показателям, входила в четверку-пятерку самых крупных мировых стран. И к нам ехали сюда люди. Эмиграция была не отсюда, как у нас сейчас, как в XX веке, когда русские все больше и больше уезжают по границам, а наоборот, сюда ехали и немцы, и французы, жители совершенно разных стран, чтобы жить здесь, потому что жить здесь было лучше. Мы начали осваивать Дальний Восток, это был огромный

проект царя Николая II, когда он бросил силы на Дальний Восток. И что мы в итоге получили? Что должны были получить? По итогам Первой мировой войны ко всем этим богатствам, ко всей этой силе, мы должны были еще получить и контроль над всей Восточной Европой, и те же самые проливы, потому что разговор о них отложился до итогов. То есть наше могущество в мире должно было еще больше возрасти, как и наша экономическая мощь, наше благосостояние. Все это должно было возрасти. И главное что Австро-Венгрия, Германия, эти страны, они по сути дела проиграли эту войну. Если они проиграли, если Антанта, в которую входила Россия, выиграла, то где наш приз? Почему мы не получили всего этого? Мы получили прямо противоположное. Мы, наоборот, потеряли территории, мы погибли как Российская империя. Как произошло так, что победитель, не то чтобы потенциальный победитель, а настоящий победитель, на самом деле взял и проиграл? Как получилось что Франция, Англия и Америка стали победителями, а мы, которые положили 2 миллиона жизней стали проигравшими? Все очень просто. Мы сами себя разрушили изнутри. Вот та самая разруха в головах у нашей армии, у наших солдат и офицеров, которые были распропагандированы эсерами, большевиками, либералами. Они же читали статьи Ленина, читали статьи Троцкого, где было написано, что мы желаем поражения собственного правительства в войне. Нам радостно если царь проиграет эту войну. Нам здорово будет, если все разрушится, потому что царь плохой почему-то вдруг оказался. И вот в итоге армия, которая говорила: «Нам нужен мир, нам нужен мир, нам нужен мир», бросала оружие, перестала фактически воевать. Если на

первом этапе войны мы одерживали достаточно убедительные победы, то постепенно чаша войны на немецком, Восточном фронте, стала колебаться в их сторону. А плюс у нас случается еще и революция. Плюс немцы быстренько в plombированном вагоне Ленина и всех горластых агитаторов перебрасывают сюда, в Россию, чтобы они продолжали мутить воду здесь. А англосаксы забрасывают сюда Троцкого. Здесь случается потом октябрьский переворот, Октябрьская революция. И все. И Ленин дает приказ подписать с Германией Брестский мир на их, немецких, условиях. И мы приходим и сдаемся проигравшим. Германия, которая уже практически умирала, которая проиграла все на своем Западном фронте, которая в общем-то проиграла Первую мировую войну, и потом Версальский мир это подтвердил. Мы этому проигравшему сдаемся, отдаем огромные территории и подписываем мир на их условиях. А наша страна разваливается. Вот как хорошо воздействуют информационные бомбы.

Большевики пришли к власти под лозунгом мира. Первый декрет Ленина, был «Декрет о мире». Люди не хотели умирать в войне. Два миллиона погибло в Первой мировой войне наших людей. Но после того как они пришли к власти, после того как началась Гражданская война и государство наше рухнуло, в Гражданской войне погибло 9 миллионов человек. То есть Гражданскую войну устроили для того, чтобы не гибли люди на войне. Погубили 9 миллионов, для того, чтобы не погибло 2. Это все равно, что зажечь сто рублей, чтобы подсветить и найти упавший рубль. Разрушение государства гораздо большими бедами обернулось, чем та самая Первая мировая война. И восстановление этого государства, потом, подготовка ко Второй мировой войне, это тоже огромными трудами обернулось.

Это коллективизация, это индустриализация.... Все эти вещи вынуждены были проводить, потому что страна лежала в этой самой разрухе, о которой профессор Преображенский говорил из «Собачьего сердца».

Ко Второй мировой войне давайте перейдем, как там эффективно осуществлялось информационное воздействие. Одним из самых больших мастеров этого был Гитлер, который в своей книге «Майн Кампф» подвел итоги Первой мировой войны, посмотрел, как работала пропаганда в Первую мировую войну и, конечно, сделал выводы, как должна работать пропаганда во Второй мировой войне. И он это пропагандистское воздействие начал. Он распространял слухи о том, как великолепно воюют его немецкие летчики, что сильнее силы в мире нет. Он внушал страх перед бомбами, и не просто внушал, он снял бомбежку Герники и этот фильм разошелся по всей Европе, его увидела вся интеллигенция: как это страшно. Он Мюнхенскую Олимпиаду превратил в торжество немецкой силы. Фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли», о съезде национал-социалистской молодежи, о том, как сильна немецкая нация, тоже разошелся среди всех. Это огромные пропагандистские фильмы. Везде распространяют страхи про вездесущих немецких парашютистов. Вся Европа, которая только что победила Германию, которая мужественно с ней сражалась в Первой мировой войне, а прошло всего двадцать лет с тех пор, трепетала в страхе, что Гитлер на них нападет. И когда Гитлер напал, объявил аннексию Австрии, когда он объявил аннексию ряда территорий Чехии, все поспешили в Мюнхен и сказали «да, Гитлер, забирай все, это твое, ты только нас не трогай», и поддержали все

его хищнические стремления. Когда Гитлер напал на Польшу, ему всего понадобилось две недели, чтобы захватить это государство. А считалось по всем канонам, что оно будет сопротивляться несколько месяцев. По договору Польши с Францией две недели нужно было, чтобы французы могли мобилизоваться, объявить войну Германии и ударить немцам в тыл. Французы успели мобилизоваться, только через две недели Польши уже никакой не было. Они не смогли выполнить свои союзнические обязательства, потому что Польша просто убежала от Гитлера. То есть все бравые воюки взяли и просто убежали от Гитлера, напуганные этим всем. Бомбежки Варшавы Гитлер тут же заснял на пленки, и тут же эти пленки появились в Англии, во Франции, в Голландии, в Дании, во всех странах. Все увидели этот ужас и у них еще больше затрепетали нервы, что не дай Бог с ними случится что-то подобное. Когда Голландия, Бельгия были захвачены Гитлером за те же самые несколько недель, никто даже не пытался, что называется, оказать сопротивление. В основном это была просто паника, воздействие той самой информационной войны, воздействие страха перед якобы вездесущими немецкими парашютистами, которых на самом деле было достаточно мало, привело к тому, что люди просто стали бояться. Бояться каких-то лучей смерти, отравленной воды, отравленного шоколада, шпионов, диверсантов, которые везде якобы находятся. Везде распространялись слухи о том, что предатели какие-то засели в верхах. Голландское общество было уверено, что их предало собственное военное руководство, хотя оно не предавало. Ну и потом дальше победа над Францией. Я специально приведу цифры, чем была Германия, и

чем была Франция. Так вот у Германии было 62 дивизии, у Франции 85 дивизий. Плюс к 85 французским дивизиям нужно добавить 23 бельгийских и 8 голландских, и столько же английских дивизий еще. То есть превосходство над немцами было двукратное у всех этих стран! Причем Голландия и Бельгия, это сейчас мы рассматриваем их как маленькие европейские страны, где курят гашиш и что-то еще делают. А тогда это были мощные колониальные державы, у них были колонии по всему миру. Это огромные, богатые государства, которые имели возможность содержать и армию, и полицию, и что угодно, технически развитые. И вот эта сила с двукратным преимуществом над Гитлером, сопротивлялась Гитлеру меньше, чем наша Брестская крепость. Всех их Гитлер просто разгромил. Разгромил даже не чисто военной силой. Да, военным гением он обладал, там были военные спецоперации. Но прежде всего основное воздействие было информационным воздействием. Люди были просто запуганы немецкой военной мощью, которой не было. На Францию постоянно транслировались на французском языке передачи Геббельса, где разные астрологи предсказывали, со ссылками на Нострадамуса, гибель Франции именно в этом году, где рассказывали, что подожжены хлопковые склады Марселя, где рассказывалось, что генералы их предали и уже разбежались куда-то и так далее. То есть прямая дезинформация привела к тому что, люди сорвались со своих мест и уехали вместе с семьями на юг Франции. Когда военные хотели перебрасывать свои части по железной дороге, то обнаружилось что начальников станций, стрелочников и всех остальных просто нет на своем рабочем месте, потому что они в свои повозки собрали

свою семью и уехали на юг Франции, подальше от немецких полчищ.

И вот так была захвачена вся Европа. Но не захвачена была Россия, не захвачен Советский Союз, потому что здесь умели противостоять информационному воздействию. Здесь не дали пропаганде фашистской развернуться ни в 30-е годы, ни в 40-е годы. Поэтому там пропаганда принесла результаты, а здесь не принесла. Но это не значит, что она сама по себе слабодействующая. Я только что показал, как вся Европа была захвачена. При этом эта же самая Европа выиграла войну у Германии, у кайзера, двадцать лет назад, обладая меньшими ресурсами. Просто та война, Первая мировая, все-таки в большей степени была чисто военной, там воевали ружьем, а в середине XX века, когда Гитлер покорил Европу, он воевал, прежде всего, с помощью радио и газет.

Но теперь вернемся поближе к нашей стране, к нашей истории. Это Холодная война, с которой я начал, которая была проиграна Советским Союзом. Только что на русском языке вышла книга, и вы можете купить ее в магазинах, Питера Швейцера. Называется она «Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря». Вообще в оригинале книга называлась «Победа», когда она вышла в Америке. На русский язык ее перевели давно, и она выходила уже в Беларуси в начале 2000-х годов. В Беларуси эту книгу издали. В интернете эту книгу тоже можно найти, сканированную, ее можно прочитать. Вообще сейчас ее легко можно купить в магазинах или заказать на «Озоне». Питер Швейцер. Слово «Победа» в заголовке почему-то исчезло.

Что это за книга? Высокопоставленный журналист Питер Швейцер, известный журналист, аме-

риканский, с очень хорошими связями, условный такой наш какой-нибудь Познер или Соловьев, вот такого уровня. Человек, который легко имел доступ к бывшим советникам и самым высокопоставленным лицам администрации президента Рейгана. Вот эти лица, то есть люди, которые занимали должность руководителя Госдепартамента, руководителя ЦРУ, секретарей, помощников, советников президента. Эти люди откровенно совершенно поделились с журналистом информацией о том, как они воздействовали на Советский Союз и что они делали, для того чтобы разрушить СССР и кто им в этом противостоял. Противостояли, оказывается, собственные же люди. Когда Рейган пришел к власти, он сказал примерно так: «Ребята, я знаю силу рекламы, я знаю способы информационного воздействия. В Америке и в СССР живет одинаковое количество народу. Но если мы сумели окопачить с помощью наших рекламных кампаний американцев, 250 миллионов, то почему бы нам просто также не окопачить 300 миллионов людей? Давайте возьмем и выиграем выборы у Советского Союза, коротко так, возьмем несколько лет и просто победим. Начинаем информационное воздействие». Многие советники просто ушли в отставку, многие просто покрутили пальцем у виска: «как можно разрушить Советский Союз?». Все экономисты мира говорили, что Советский Союз к 2000-му году в четыре раза увеличит ВВП собственный и так далее, и так далее. Нам нужно его бояться, потому что мы отстаем. А Рейган сказал: «Да, мы во многих отраслях отстаем от СССР. Когда-то мы были первыми. В годы Карибского кризиса мы были на равных. А сейчас мы отстаем. Но мы должны победить». И Рейган спланировал

несколько этапов информационной войны, как нужно воздействовать. И вот они там описываются в этой книге, какие спецоперации. Описывается как дестабилизировалась обстановка в Афганистане, как нагнеталась истерика вокруг южной страны. И сколько СССР не мучился, какие не устраивал штурмы дворцов Амина, что он там не делал, он все равно был вынужден ввести войска в Афганистан. Скорее всего, это была действительно ошибка. Но американцы тут же за эту ошибку ухватились, они устроили истерию по всему миру, развернули против нас очень большое количество людей, блокаду Олимпиады. Мы хотели, чтобы Олимпиада-80 была самым светлым праздником для всего мира, который бы шел в Москве. Они устроили блокаду этой Олимпиады, и большое количество спортсменов не приехало. Но самое главное, что они сделали, они уговорили весь арабский мир быть против России. Это очень большое поражение, потому что всю вторую половину XX века арабы были вместе с СССР. Америка поддерживала Израиль, в их войнах Арабо-израильских, а их было четыре. А СССР поддерживал арабов, и арабы всегда были за нас. И вот эта война поссорила нас с огромным арабским мусульманским миром. И не только поссорила, а американскому президенту и его советникам удалось уговорить арабских шейхов увеличить добычу нефти, и цена на нефть упала в несколько раз. Она стала стоить до 10 долларов за баррель. Сейчас хорошо все в ценах на нефть разбираются, сейчас знают сколько стоит. И вот это было мощнейшим ударом по экономике Советского Союза. У нас сразу стало меньше валюты, сразу стал ощущаться серьезный дефицит продовольствия.

Дальше. Вот сейчас вы знаете, Путин уже несколько лет боролся за строительство Северного

потока, Южного потока. Это новые газопроводы. А тогда тянули другие нитки газопроводов в Европу, потому что это тоже поступление валюты за продажу газа. Америка всеми силами затормозила строительство этих газопроводов, оттянула получение валюты. Вели переговоры с руководствами тех стран, прежде всего Германии, и тормозили строительство.

Другой способ, это технический, технологический. Технологическая война, которая осуществлялась, когда нам не продавали технологии, которые нам нужны были для промышленности, для машиностроения, и для той же нефтегазовой промышленности. Специально были приняты законы, которые, по политическим мотивам, запрещали продавать нам технологии. И были проведены спецоперации, через которые продавали нам фальшивые технологии. Когда мы покупали технологию, строили завод, а потом оказывалось, что это не работает. Деньги оказывались выброшенными на ветер. Все это в этой книге описано.

И конечно, «Солидарность», польское движение, когда в союзники был взят целый Римский Папа американским руководством. Поскольку он был поляк, они взяли его в союзники и он через свои структуры, и американцы через свои резидентские структуры дестабилизировали обстановку в Польше. И она уже как пожар потом распространилась по Восточной Европе.

«Звездные войны», известная спецоперация Рейгана. Америка по освоению космоса отставала от России. У нас были обитаемые станции, у них их не было. У них только челноки. Прилетел в космос – улетел. У нас годами люди находились в космосе, делали всевозможные опыты, изучали.

А они не имели возможность делать такие опыты. Мы имели спутников на орбите в несколько раз больше чем США, к тому времени. То есть мы опережали их в космосе. Как удалось Рейгану убедить и запугать наше руководство, что он сейчас потратит миллиарды долларов и обгонит нас в космосе, и сделает наши ракеты совершенно бесполезными? При том, что наши ученые говорили, что легко нейтрализуют все американские спутники. Блеф Рейгана это чисто информационная атака и не более того, но Горбачев согласился на «разоружение» на американских условиях! Рейган плакал и поверить не мог, как вспоминают его советники.

Примеров, как информационные бомбы могут разрушать сознание руководителей и целых народов – множество, Мы привели некоторые из них, которые касаются нашей истории. И нашему руководству надо обратить внимание на это, на то, что называется «мягкая сила», потому что мы привыкли обращаться только к военной силе и доверять только ей. Наши ракеты и техника находятся в руках людей и наши войска это тоже люди, если их мозги будут разрушены – вся военная мощь будет просто железным хламом. Вот что нужно понимать в первую очередь. И на «мягкую силу» надо тратить не меньше, чем на Министерство обороны. Подробнее можно обо всем этом прочитать в моих книгах «Суверенитет духа» и «Повелительное наклонение истории».

Часть 2

К вопросу об идеологии

Здравствуйтесь! Сегодня вторая лекция, о том, как нам противостоять этим информационным войнам. И эту лекцию я бы хотел посвятить нашему совершенно недавнему прошлому, нашей новейшей истории. Если в прошлой лекции мы говорили о информационных войнах вообще, более менее подробно проанализировали XX век, Холодную войну, то сейчас мы анализируем и будут вспоминать те события, которые на нашей непосредственной памяти находятся, и конечно мы можем в принципе их вспомнить. Хотя как показывает практика, опыт, современные какие-то дискуссии, мы очень легко научились какие-то вещи забывать. Разворачиваются целые кампании, предъявления различных обвинений президенту Владимиру Путину. И люди читают, соглашаются, что да, действительно, все плохо, власть плохая. Так вот нужно понимать, что мы не живем в каком-то безвоздушном пространстве, власть проходила в определенный исторический момент и находилась в определенных исторических условиях. Вот эти условия я бы хотел, для начала, напомнить. А потом, собственно говоря, из этих условий мы вместе и увидим ту логику действий, которые должна была предпринять наша власть, и предпринимает сейчас, и почему они движутся в том или ином направлении. Как делали, правильно или неправильно, и каких успехов достигли на этом пути.

В прошлый раз мы остановились на развале СССР, рассказывал о книге Швейцера, которая все-ми может быть найдена и легко прочитана. И вот мы смотрим теперь, что получилось в 90-е годы, когда, собственно состоялся распад одной из мировых сверхдержав. И также как я говорил в прошлой лекции, про великую Российскую империю и недоумевал, грубо говоря, чего нужно было нашей интеллигенции, нашим революционерам. Страна по всем показателям входила в пятерку мировых держав. А их там была сотня стран. Ну, находишься на пятом месте, ну и радуйся! Прославляй свое собственное государство и благословляй Бога, за то, что ты родился в такой стране, в такой великой стране. Если почитать их произведения, то любому читателю покажется, что они жили в самой страшной, адской стране, которая только может быть. То же самое случилось в СССР. Пусть он не в пятерку входил, а по некоторым показателям он и в двойку входил, был второй державой мира. По каким-то там – третьей, четвертой. По каким-то там тридцатой. Но и стран-то стало двести! И, в конце концов, тоже можно было говорить что да, не все благополучно. Что давайте что-то переделаем, пойдем куда-то вперед. Это не будем делать, а это будем делать. Как Китай делал свои реформы. Но опять-таки действительность нашего массового сознания была такая, что мы живем в самом страшном аду, который только можно придумать, и мы взяли и разрушили это великое, действительно, государство, и получили то, что можно действительно назвать адом. Кто-то помнит 90-е годы, кто-то не помнит. Кто-то помнил, но забыл. Но я на всякий случай все-таки напомним к чему мы пришли.

Начну я не с экономики, как свойственно часто начинать, я про нее тоже скажу. Начну с тех вещей,

которые считаю самыми важными. Это вещи, которые можно назвать абсолютными вещами. Это наука, культура, гуманитарная сфера. И вот здесь конечно мы увидим самое большое, страшное падение. Почему я с таких вещей начинаю? Потому что это то, чем гордится нация. Вот кончится история, будет какой-нибудь Страшный суд, в конце концов, мы не знаем, как все будет там, на том свете. Спросят там... вот Россия, просуществовала тысячу лет, или две тысячи лет она просуществовала, что дала миру? Чем она может гордиться? И мы выставим людей, заступников таких. Это будут великие наши писатели. Это будет Пушкин, Толстой, Достоевский. Поэты. Это будут наши святые, Александр Невский, Серафим Саровский и так далее. Это будут философы наши, наверное. Федоров, Соловьев. Наши первопроходцы. Лазарев, Хабаров, Гагарин там будет. Ученые великие, Менделеев, Павлов... Это то, ради чего существуем все мы. Мы не существуем для того чтобы жрать да спать. Культура сама является целью нашего существования, индивидуально, и всей страны. Именно вот этот слой, который не так просто создать. Любая другая страна мечтала бы хотя бы одного Достоевского породить за 500 лет своего существования, но она не может. Потому что нет условий для рождения. Или там, в их стране, в библиотеке столько книжек нет, сколько Достоевский уже в 15 лет прочитал. А у них, в другой стране, всего на их национальном языке столько книг. Они мечтают создать великий фонд культуры. Это великое достижение, когда за тысячу лет рождается великий поэт или писатель, ученый. И вот мы породили огромный слой таких людей за эту тысячу лет. И за 90-е годы мы его фактически уничтожили и разрушили. По различным данным,

500 тысяч ученых за эти годы уехало на Запад. Почему эти люди уехали на Запад? Видимо, потому, что они на Западе нужны, других у меня вариантов нет. Их, наверное, кто-то туда звал и приглашал. Там, на Западе, люди понимают, что ученые нужны, а мы считали, что это не самое главное. Главное, как тогда идеологи говорили, развивать предпринимательство, чтобы у нас мелкий бизнес был развит, всевозможные такие материальные вещи. И получилось так, что какое-то другое количество ученых, которые на Западе не оказались, они пошли торговать в ларьках, или стояли сигаретами торговали возле переходов. В нищем существовании проводили остаток жизни. И таких ученых я лично многих знаю, людей, которые были великими физиками, математиками, или в гуманитарной области, которые деградировали, спились. Вот тот самый слой был уничтожен.

Что такое культура, во что она у нас превратилась? Даже при всех претензиях к Советской культуре, можно сказать, что у нас было достаточное количество великих фильмов, которые, в том числе, и на Западе признавались, Оскары получали... Великие книги были, великие писатели. Все что угодно было. Это деградировало, все превратилось в попсу. Настолько непрофессиональная стала та же музыка, какой-то «Ласковый май» был в 90-е годы. Настолько непрофессиональными, бездарными стали фильмы даже тех режиссеров, которые вроде бы прославились в советское время. Возьмите фильмы Эльдара Рязанова советские и перестроечный, 90-й год, как будто снимали разные люди. Потому что тогда снимала у него вся система, в том числе та, которая цензуру осуществляла. Возьмем авангардное искусство, художники и про-

чее. Это вообще не поддается никакому сравнению или описанию. Люди, которые профессионально, в течение десяти лет, а кто-то и больше, занимались тем, что просто поливали грязью нашу историю. С утра до вечера, во всех средствах массовой информации очерняли все, что только можно. Любой положительный факт, они находили в нем что-нибудь плохое, отрицательное. Если не находили, то выдумывали. И эти мифы, их может быть удастся систематизировать. Вот есть книга, очень неплохая, несколько томов, Мединский написал, «Мифы о России». Они же все, многие мифы, родились не в начале XX века, не сто лет, или двести лет назад, хотя многие имеют происхождение и то еще. Большинство из них укрепилось, обосновалось, родилось в 90-е годы. Если мы возьмем журнал «Огонек» за 89-90-91-й годы, там все статьи были одной сплошной подборкой грязи на нашу историю. После этого какие ценности будут, какая молодежь вырастет? Кто будут те люди, которые это все прочитают, как они будут к стране своей относиться? Естественно, что они будут ее ненавидеть. А если они ее ненавидят, то они либо уезжают из нее, либо они в будущее ее не верят. Живут одним днем, следовательно, воруют. Страна, не имеющая патриотов, она просто исчезает. Поэтому Россия на грани исчезновения стала находиться. Поэтому политика, экономика, это как раз уже производные вещи. В политике, если вы помните, тот же позор, мы все идентифицируем себя политически, как граждане определенного государства. У нас есть флаг, герб. У нас есть президент. Помните, такой у нас президент, который постоянно позорил нашу страну, и постоянно мы имели отклик этого позора. Мы помним, как он не вышел к какому-то английскому,

или ирландскому министру из самолета, потому что пьяный уснул. Мы видели, как он пьяный дирижировал оркестром в Германии и пел «Калинку-малинку», когда выходили наши войска оттуда. Это были войска победителей вообще-то, и с позором уходили. Получил за это какие-то несчастные гроши, хотя за это мы могли поторговаться каким-то другим образом. И вот этот человек воплощал нашу страну, представлял нас на международной арене. Мы помним, что творилось по его словам: «Берите суверенитета сколько хотите». И когда у нас во всех уставах и конституциях различных областей и республик было написано все что угодно. И масса всяких прав, и внешнеторговая деятельность, и право объявлять войну. Только не было написано, что они являются субъектами Российской Федерации. Все президентами стали во всех республиках и областях. Когда приезжал какой-то губернатор какой-то области в Кремль, его встречали на уровне Главы Администрации Президента, ковровые дорожки перед ним стелили, и он садился как король и торговался: «У меня такие-то предприятия, такие-то ресурсы, а я вам так и быть обеспечу какое-то голосование». Вот что происходило, и таких субъектов было много. Где-то дошло уже до раковой опухоли, как в Чечне. Когда уже просто дошло до сепаратизма. И целая война, когда погибло 15 тысяч, только по официальным данным. Вспомним, что у нас творилось ранее в средствах массовой информации. Когда у нас сидел шарлатан Кашпировский, в прайм-тайм, и человек заряжал там воду, или показывали зал людей, которые кивали головами, засыпали или кричали что-то... И это все было на центральных телеканалах. Это могли смотреть иностранные корреспонденты, иностранные

туристы и прочие, которые приезжали и смотрели: «Господи, что делается в этой стране?!» Вспомните, как приезжал лидер тоталитарной японской секты Аум Синрике, и его встречали на высшем уровне, наши министры, наши мэры, целовали ему руки и говорили, что вот приехал какой-то гуру.

Или на центральных телеканалах реклама. В лучших передачах реклама, и сидит Мавроди и рассказывает о том, какой он замечательный и потом всем денег даст. И как миллионы людей потом остались без своих денег, без своих сбережений. Были обмануты и все.

Я уже не говорю про то, что наш внутренний валовый продукт упал в два раза, так же как и во время Великой Отечественной войны. Когда немцы захватили все до Сталинграда – на 40% упал ВВП. Полстраны захвачено, с предприятиями, с людьми. Вот это все то же самое с нами произошло.

Когда сейчас ругают, орут что у нас коррумпируемая страна, мы забываем, что тогда, в 90-е годы, не просто там какая-то коррупция, когда к какому-то министру пришли, что-то ему дали, и он там какой-то подряд, что там бывает, землеотвод, разрешил. Вот что коррупция. А тогда брали, и целые отрасли отдавали в руки отдельных лиц, за какие-то совершенно нелепые смешные деньги. Вот те же самые залоговые аукционы, про которые нужно вспомнить и красными буквами написать везде, и показывать их как пример коррупции, и чего угодно. Когда все наши нефтяные предприятия, когда наш «Норильский никель», какие-то крупные предприятия были приватизированы по стоимости в 80, 100, 120, 200 миллионов долларов. По-моему, самая большая цифра была 230 миллионов. При чем эти деньги не то что кто-то достал, заработал

и положил. Это деньги, которые в этих же банках лежали на счетах. Это были государственные деньги, остатки по счетам, которые потом как бы отдали и зачли. То есть, по сути дела, людям, которые сегодня являются нашими миллиардерами, подарили все эти миллиарды, все это богатство. А сколько стоил тот же самый «Норильский никель» на мировом рынке? Может быть, в том состоянии он стоил несколько миллиардов долларов. Сейчас он там стоит 20 или 40 миллиардов долларов. Кто как оценивает, есть разные оценки. Считается что многие наши активы недокапитализированы, и можно их капитализировать.

Что вытворяли эти олигархи, которые считали себя хозяевами жизни?! Рулили всем телевидением, рулили всей культурой, рулили всей политикой, командовали нашими губернаторами и нашими министрами так, как хотели эти люди. Вы говорите, что сейчас какая-то коррупция! Сейчас только попробует какой-то предприниматель пойти и командовать кем-то! Если он действительно к кому-то пошел, какую-то взятку дает, то это еще не то положение, по сравнению с тем, что было в 90-е годы, когда все эти министры, целые кабинеты министров просто находились у олигархов на содержании, зарплату получали. Приезжали в Клуб Березовского, находившегося, по-моему, на Новокузнецкой улице, и зарплату там получали. Разве можно сравнивать?! Это небо и земля! То, что было в 90-е годы, и то, что сейчас.

Я уж не говорю про криминал, все эти фильмы про «Жмурки», про «Бригаду», наверное, все видели, что творилось. Я сам в это время жил в Екатеринбурге, там «Уралмашевское сообщество» было. Эти люди не гнушались совершенно ничем. Когда,

например, я утром мог проснуться и узнавал, что в городе Нижний Тагил во время каких-то разборок одних бригад с другими бригадами был угнан танк с завода, и разбирались на танке, и стреляли друг в друга из танка. Не просто как в американских боевиках, с пистолетами или с винтовками-автоматами, а на танке. В общем, системно ходили. Или допустим широко известный факт, когда здание областной администрации, так называемый Белый дом в Екатеринбурге, было обстреляно из гранатомета. Или глава УВД, не помню фамилию, был крестным отцом, или у его детей были крестными отцами лидеры так называемого «Уралмашевского сообщества». Сейчас можно себе такое представить? Мы не можем себе сейчас такое представить.

Мы сейчас ругаемся, что есть там какие-то криминальные милиционеры и так далее. Но можно ли сравнивать с тем, что было? И вот ходили эти люди в малиновых пиджаках и вытворяли все что угодно, они были полными хозяевами жизни. Вот сейчас мы говорим, что у милиции много власти появилось, что она там что-то вытворяет. А тогда, когда у милиции не было никакой власти, как люди жили? Я жил в общежитии, и к нам могли просто приехать какие-то отморозки, взять изнасиловать девушку и уйти. Никто даже заявление не писал, просто потому, что знали, что откупится. Я это все прекрасно помню. И не хочу все это забывать. И поэтому я дорожу тем, что есть у нас в стране, и той более-менее какой-то стабильностью, которая установилась.

Пьянство, одно из самых главных причин смертности в нашей стране. Если мы говорим о смертности у нас в России, то это огромные страшные цифры.

Когда все начиналось в 90-м году, население России было 147 миллионов 665 тысяч человек. В 2007 году население составило 142 миллиона 200 тысяч человек. Потеря за 17 лет – 5 с лишним миллионов. Это чисто по демографической статистике. Но мы учтем что сюда, в Россию, прибыло порядка пяти, а может быть 10 миллионов мигрантов, трудно это понять, которые компенсировали вот это. То есть на самом деле потеря, именно от смертности, от низкой рождаемости и высокой смертности, составила миллионов 10. А может быть больше, точно это все не считаешь. Вот такая страшная вещь.

А теперь посмотрим, что до Перестройки в России население росло на 1 миллион в год. То есть за эти 20 лет с 90-го года у нас должно было стать на 20 миллионов больше. А стало, грубо говоря, на 10 меньше. То есть 30 миллионов разница, если брать неродившихся людей. Мне возразят, скажут, что нельзя считать 30 миллионов, это больше чем погибло в Великую Отечественную войну, потери составили от Перестройки. Нельзя считать неродившихся, потому что тенденция по миллиону в год была в прежние времена, а сейчас в Европе и в других местах, там тоже рождаемость низкая. Ребята, ничего подобного! Опять-таки, цифры. Население Германии за это время выросло на 3 миллиона человек. Не упало, как у нас на 10, а на 3 миллиона выросло. В Англии – на 4 миллиона выросло, во Франции – на 5 миллионов человек, в Испании – на 6 миллионов человек. Так у них исходное население меньше, там живет по 40, по 60, по 80 миллионов человек, то есть и рождающих людей соответственно меньше. В Японии, например низкая рождаемость, но там 122 миллиона, в Рос-

сии 147 должно быть, так вот у них на 6 миллионов человек выросло. То есть, по идее у нас население должно было вырасти на 8-10 миллионов, даже если мы берем те самые цивилизованные страны. А у нас упало на 10. Все равно получается, что эти реформы обошлись нам в 10-15-20 миллионов населения. Вот какие страшные цифры. У нас Гитлер на оккупированных территориях 11 миллионов уничтожил, когда геноцидом нации занимался. А мы сами себя уничтожили вот таким образом.

А откуда это все идет? То же самое пьянство, по которому мы занимаем одно из первых мест мире, по употреблению алкоголя. Это аборт, которые у нас на первом месте в мире. Мы опережаем всех, и негров, и латиноамериканцев, индусов, китайцев и всех на свете. А это проблема соответственно с нравственностью. Вспомним невыплаты зарплат, когда по полгода в 90-е годы люди не получали зарплату. Вспомним, какие митинги и демонстрации постоянно стояли. Я просто помню, что митинги, не сейчас, какие-то марши несогласных, раз в месяц, раз в три месяца по двести человек, тогда стояли десятками тысяч людей. И они стояли чуть ли не постоянно, то один завод, то другой, то третий, и что-то все время происходило.

Вот в какие 90-е годы мы жили, и это было совсем недавно. И я еще раз говорю, что это ни в коем случае не нужно забывать. А молодежь, которая была маленькая в это время, кто родился в 80-е годы, кто-то родился уже даже в 90-е годы, она естественно все это не помнит, это все прошло как бы мимо. А на самом деле эти вещи, конечно, нужно знать.

И приход к власти Путина был ознаменован разворотом большинства из вот этих трендов, вот этих явлений, которые я сейчас назвал.

С чего начал Путин? Начал он с Чечни, которая превратилась к тому времени в агрессивное бандитское государство. Они сами декларировали, что, мол, дайте нам независимость, и мы будем спокойно себя вести. Хорошо! Вот у вас фактическая независимость, что же вы не ведете себя спокойно? Почему происходят атаки на Дагестан? Почему идут террористические акты на территории России. Когда они перешли границу, Путин начал войсковую военную операцию, которая прошла впервые нормально, профессионально. Не так как раньше. Потому что в 90-е годы на Чечне делали деньги. Когда приказ давали армии то отступить, то наступать, то еще что-то делать, и всем это было выгодно, потому что в мутной воде можно было списывать любые деньги, любые бюджетные траты и так далее. Вот выделили деньги на восстановление какого-то района, или какого-то дома. Можно его не строить, а потом просто отчитаться, что была какая-то атака и его просто разрушили. Вот и все! А развалины показать те же самые. И то же самое с военной техникой, и со всем остальным. Творились страшные вещи.

Так вот первое, что было сделано, это в Чечне был наведен порядок. И это не для нас хорошо, это для самой Чечни хорошо, потому что там, наконец-то, в конце концов, население мирное спокойно начало жить.

Второе действие, которое было произведено. Произошло так называемое равноудаление олигархов. Люди, которые у нас полностью управляли всем массовым сознанием, то есть телевидением, радио, печатью, Гусинский, Березовский, те люди оказались за пределами страны. И потом из Лондона пытались что-то там вещать, учить нас жить.

Но их туда отправили, а принадлежащая им собственность была приведена в компании с большим участием государства. История с Ходорковским тем же самым. Человек хотел совершить страшную вещь, накануне нефтяного бума, когда нефть стала в 2-4 раза взлетать в цене, и благодаря который, мы получили так называемые нефтяные деньги. Так вот Ходорковский хотел объединить две компании, свою, «Юкос» и «Сибнефть» Абрамовича, и таким образом сконцентрировать у себя в руках треть всей российской нефти, по недрам, по запасам, по добыче, и продать это за считанные несколько миллиардов американской фирме. Ему было сделано предупреждение, что такие вещи, по крайней мере, с правительством надо решать. А он говорит, что он свободный человек, что кому хочу, тому и продаю. Совсем забыл, что ему это за 100, за 200 миллионов подарили совсем недавно, несколько лет назад. Естественно, что ему пришлось об этом напомнить и арестовать. И это стало сигналом, судьба Березовского, Гусинского, Ходорковского, стало сигналом для других олигархов, что они теперь не хозяева в стране, в конце концов. Что они не живут на территории, как выразился один из этих олигархов, Каха Бендукидзе: «Что в России надо воровать, а в Грузии надо, так сказать, для родины работать и служить». Вот для олигархов ситуация была точно такая, что в России надо воровать, а жить где-то в Лондоне, или в других местах.

Дальше. Реформа Путина, введение федеральных округов и института уполномоченных представителей Президента. И первое, что было им поручено, это приведение в соответствие с российской Конституцией всех законов субъектов Российской Федерации, тех самых, у которых было напи-

сано все что угодно, кроме того, что они субъекты Российской Федерации. Все их излишние нормы, все их излишние полномочия, все вещи, которые в итоге провоцировали сепаратизм, были сокращены. И Россия, наконец-то, стала государством более менее единым, а не сборищем губернаторов, которые могут делать все что хотят со страной. Не нравится им Генеральный прокурор, взяли и отстранили его, не проголосовали в своем Сенате, где они сидят. Захотели выборы какие-то проводить, захотели еще что-то сделали, говорили все что угодно не в рамках государственной политики и государственного подхода. Вот эта вся разногласица, Лебедь, Рак и Щука, все это исчезло.

Возвращение авторитета России на международной арене произошло. Можно даже визуально посмотреть и увидеть, что Путин умнее всех западных лидеров и на голову выше. Он умел их убеждать, умел их запутывать. Я знаю, мне просто рассказывали люди, которые вели, готовили какие-то различные переговоры, как часто за столом переговоров, там, где Путину хотели, скажем, предъявить какие-то обвинения, Путин брал слово и, перед несколькими президентами, мало того, что разоблачал все эти обвинения, которые ему предъявляли, квалифицированно с цифрами и фактами в руках, но и задавал им такие неудобные вопросы, на которые они не готовы были ответить. И они там, бушты всевозможные и блэры, просто обращались к своим помощникам и говорили, что дайте мне цифры и факты, для того чтобы я мог рассказать, ответить на этот вопрос, потому что они были не готовы. И потом эти помощники краснели и увольнялись, потому что им говорили: «Вы мне тут суете бумажку, чтобы я Путину что-то предъявил. Во-первых,

цифры там не правильные вы выдали мне. Вторых, вы меня подставили и не уберегли меня от ответного удара. Готовьте встречу следующий раз лучше». Путин умел быть среди них всех авторитетом. Впервые нам стало не стыдно за своего Президента, после 90-х годов, после стольких лет, после всех этих ельцинских дирижирований оркестрами, и танцами, которые он там делал, и его речами. И Черномырдиным, с его великолепным умением смачно выразиться. Не говоря уже про то, что один из мифов, который есть у нас, что нефтяной дождь, который на нас свалился в 2000-е годы, это просто так откуда-то нам кто-то сделал подарок. Это на самом деле величайшее заблуждение, что это все свалилось на нас просто так. На самом деле тот же самый экономический рост в нашей стране, он сам по себе спровоцировал определенный рост цен на нефть, потому что один из основных и серьезных поставщиков нефти на мировой рынок часто брал часть ресурса и на себя. Нужно было внушить Бушу, и, кстати говоря, коллегам из арабского мира, определенную картину видения будущего. И Путин это сумел сделать! А если еще учесть что Буш сам зависит серьезно от нефтяного лобби и он выходец из тех структур, которые всегда контактировали с арабами, то грубо говоря, был просто сговор нескольких людей, в том числе Путина, которого допустили к участию в этом сговоре. А могли бы и не допустить, там ситуация тоже определенная, могли конечно вызвать нефтяной дождь, но Россия была бы не причем. Как, например, с продажей той же самой «Сибнефти» и «ЮКОСа». Продали бы все американским компаниям, сказали бы, что это было бы условием каким-то, нашу нефтянку, и они бы, а не мы, получали эти доходы. Так вот, все

были заинтересованы, чтобы цены на нефть росли, и Путин сумел быть партнером на тех переговорах, где это решалось, сумел отстоять точку зрения, что мы участвуем в повышении этих цен на нефть, и мы будем получать дивиденды от повышения этих цен на нефть. Не говорю уже про то, что строились, начали строиться и планировались, огромные проекты, «Северный поток», например.

Ну и Стабилизационный фонд, который возник. Выплата всех наших долгов. И, в конце концов, в России появилась какая-то невнятная, но какая-то идеология, по крайней мере, началась реабилитация нашего исторического, патриотического прошлого. Впервые стали сниматься фильмы на тему нашего прошлого, впервые стали появляться учебники в школах нормальные патриотические. Потому что у нас в 90-е годы во многих школах дети обучались по учебникам, которые заказаны были Джорджем Соросом, американским спекулянтом, ненавистником России. И в этих учебниках, например, было написано, что главная битва Второй мировой войны, это не Сталинградская битва, в которой участвовали два миллиона человек, а битва возле какого-то Эль Аламейна, где англичане воевали с немцами, их там вроде погибло тысяч 50, или даже 30 тысяч человек. Со стороны немцев было 50 тысяч, со стороны союзников 8 тысяч участвовало. Можно ли это сравнить с нашими огромными битвами, с нашей Второй мировой войной? Вот таким образом вымарывалась история.

И вот, наконец-то, мы стали возвращать историю себе. Впервые продемонстрировал Президент то, что есть нравственные ценности. Когда он поддерживал, когда он своим президентским авторитетом показал, что он ходит в Церковь, что он прикла-

дывается к мощам, к иконам, и не стесняется этого делать. Он человек, который выступает за нравственность, за государство, за армию, которая была тоже ошельмована. И эти вещи были обществом увидены и поддержаны, особенно в результате этого страшного беспредела.

Если более конкретно говорить, чтобы опять-таки эмоционально это все не воспринималось, то некоторые итоги правления первых двух сроков Путина в цифрах. Золотовалютные резервы страны в 2000 году, на 1 января 2000 года, составляли 12,5 миллиардов долларов. На конец 2007 года они стали составлять 476,4 миллиардов долларов. Сравните разницу, 12 и 476. Вот итоги правления. И вот эти резервы помогли нам пережить кризис, то, что мы смогли не в катастрофической ситуации оказаться. Представьте себе, что у нас продолжались бы 90-е годы, и мы бы остались с вот такими резервами, и Ходорковский бы был у нас на свободе, который продал бы всю нефтянку на Запад и в Куршавелях отдыхал бы, и все эти нефтяные деньги шли бы не в этот стабилизационный фонд, а Ходорковскому в карман, или пошли бы американским акционерам, после вот этого нефтяного дождя, который случился. Представьте, что у нас точно также целые отрасли бы приватизировались. Это здесь бы Березовский, Гусинский все были, которые урвали бы свою часть доходов. И вот после этого бы всего грянул бы мировой кризис. Что бы получилось, где бы мы сейчас были, что бы было с нашей страной? Еще нужно учесть, что мы отдавали долги. Когда я называл цифры 12,5 и 476. Это то, что по итогам осталось. Но мы же еще отдавали и долги. Внешний долг государственный Российской Федерации, сократился со 148 миллиардов, у нас было 148,5

миллиардов долга, и он сократился до 48 миллиардов долларов. А если это брать по отношению к нашему ВВП, бюджет, то нужно сказать, что вот у нас был внутренний валовый продукт на то время, в 2000-м году. Так вот 75% того что мы производили, делали и так далее, это был наш долг. Мы должны были отдать 75%, а к концу правления второго срока Путина, долг составил 2,3% ВВП. Соотнесите это со своим карманом.

Дальше... Банковский сектор, отдельно активы, наверное, не буду рассказывать, но они действительно тоже увеличивались на 32%, и капитал увеличивался очень сильно. Кредиты гражданам выросли на десятки процентов. Капитализация фондового рынка выросла очень сильно. Но не буду сейчас об этом говорить, потому что они действительно во время кризиса упали и так далее. Понятно, что также как и во всех странах это произошло.

Реальные доходы населения росли в среднем на 10% в год. Это реальные доходы, это не денежные, которые инфляция могла съесть. Это реальные доходы, когда каждый из нас становился богаче на 10% в год. По сравнению с 99-м годом в 2,3 раза средний россиянин стал богаче. Это, в общем-то, немало. ВВП мы восстановили практически к докризисному уровню и многое другое.

Но действительно эти итоги отменить нельзя. Именно эти итоги, при том что, наверное, можно критически относиться к какой-то определенной деятельности, которая была. Так вот эти итоги все-таки помогли нам в значительной мере в кризис. И если бы было продолжение 90-х, то страны бы нашей уже давно бы не существовало. Она уже давно была бы разделена между Японией, Китаем, Арабским миром. Был бы какой-нибудь Чеченский

халифат на Кавказе, все что угодно. Охотники разделить страну нашлись бы очень быстро.

Говорят о недоработках, о том, что мы могли бы расти быстрее, должны были вкладывать в инфраструктуру, а не в стабилизационный фонд и так далее. Можно сказать, что для любой экономики рост выше 10-12% в год является уже мобилизационным и надрывным. Такие темпы в войну можно обеспечивать, или перед войной. И мобилизационные темпы они всегда дадут некие последствия потом, в качестве нежелательных негативных эффектов. То есть можно всех людей в лагерь загнать и заставить работать. В итоге люди выйдут из лагеря и расслабятся так, что будет опять падение. То есть, если ты перегнешь в какой-то области, то потом она выгнется обратно. Так вот, 10-12% это действительно оптимальные темпы, которыми может расти экономика. Мы в среднем росли под 7-7,5% в год. Ну, грубо говоря, это можно назвать некоей недоработкой. Но некоей недоработкой, а не катастрофической, страшной ошибкой, фатальной, что мы там упустили 2000-е году. Никуда не упустили! У нас был экономический рост. В отличие от 90-х годов, когда было сплошное падение, у нас был экономический рост. Вот представьте себе стакан, и представьте себе ведро воды. Вот мы получили доходы, нефтяные. Можно же взять эти деньги и влить это ведро в стакан. Стакан наполнится до краев, все остальное ведро, все остальные деньги тут же будут, что называется за границей. И они бы оказались все за границей, если бы мы стали бездумно вливать, что называется, в экономику. Экономика, конечно, отличается от стакана, тем, что она эластичней. То есть, когда мы вливаем медленно и тихонько, она сама растет. Как воздуш-

ный шар, если в него вливать, он увеличивается. И можно, в принципе, если аккуратно, влить ведро. Ну, ведро, наверное, в воздушный шар не вольешь. Поэтому аккуратно можно. Но есть все равно риск, чуть дернулся, чуть-чуть перелил, шарик порвался и вообще конец. Поэтому мы, может быть, недостаточно ювелирно работали, может быть не совершенно. Можно было работать, наверное, и лучше. Но еще раз говорю, что это не означает, что нужно опять по принципу «давайте все крушить». Да, Николай II не был идеальным царем, все мы знаем, но давайте тогда империю ломаем. Ну, сломали! Кому лучше стало? Съежились в два раза, потом Гражданская война – 10 миллионов человек. Да, Горбачев, Брежнев были не идеальными руководителями, с кучей ошибок. Так давайте тогда разрушим Советский Союз! Ну, разрушили Советский Союз. Кому лучше стало? Потеряли, опять, 10-15 миллионов человек, пережили страшные 90-е годы и потеряли территории. Путин у нас опять какой-то не такой. Давайте эту Россию разрушим. И к чему мы тогда вообще придем? К чему мы вернемся? Мы все хотим каких-то идеалов и говорим о каких-то мифических идеальных руководителях, которых меряем непонятно какой мерой. Сами на своем месте иногда мало на что способны, а к руководителям, которые точно такие же люди, предъявляем совершенно необоснованные завышенные требования.

Так вот, эти руководители прекрасно понимают, что страна, стабилизировавшись, должна перейти к развитию. Что от стабилизации и восстановления разрушенного в 90-е годы мы должны перейти к росту. К инновационному росту, прежде всего. И мы переходим на новую стадию. Грубо говоря,

мы когда-то находились под властью, из истории знаете, были не суверенной державой, когда платили дань Золотой Орде, монголо-татарам. И в разное время были нужны Александр Невский, который сам же первый договорился с этими же монголами о том, что он дань будет сам собирать, сам отвозить. То есть он не дал полностью татарам монополизировать Русь, оставил на ней наше местное самоуправление. В разное время нужен Иван Калита, который накопит, сконцентрирует деньги, при этом будет задабривать владык. Вот почему Стабилизационный фонд накоплен в долларах, лежит где-то в Америке и так далее? Потому что больше нигде. Сейчас Америка это Золотая Орда сегодняшнего времени. И грубо говоря, мы поступали как Иван Калита, который и дань платил монголам, и себя не забывал, свое государство. А был бы у нас Дмитрий Донской, когда нужен. Дмитрий Донской вышел и с монголами поспорил, и на Куликовом поле их победил. А если бы мы на 100-200 лет раньше попытались это сделать, если бы Иван Калита был борзый какой-нибудь, он бы кончил тем, что был бы убит, были бы перерезаны все князья и монголы бы насадили бы своих наместников. Сказали бы: «Что с этими русскими делать, они нам ножи в спину кидают?», и не было бы сейчас ни русской культуры, ни государства, ни Православной церкви, ни всего остального. Поэтому в разное время по-разному нужно себя вести. Поэтому и Стабилизационный фонд у нас в долларах находился, и в евро, и в других местах. Потому что мы не можем пока еще позволить «не позволять». Мы не настолько сильны. Если мы сплотимся вокруг нашей власти, вокруг государства, и усилим ее, то тогда мы сможем себе позволить. А если оно на международ-

ной арене воюет, а мы ему ножи в спину втыкаем и говорим, что «там Путин и Медведев не то сделали, это не то сделали», то конечно оно не сможет себе позволить. Потому что ему нужно с внутренней опозицией бороться, и еще на международной арене пытаться бороться. Мы в два раза увеличиваем работу своим вот этим неединством.

Мы должны стать инновационной экономикой, а не традиционной, потому что все страны, которые совершали прорыв в XX веке, это страны инновационные. Мы должны делать, государство должно делать у себя инфраструктуру, то есть будет строить дороги, коммуникации, интернет, спутниковую связь и так далее. Мы отдаем приоритет интеллекту, а не физическому труду, машинному какому-то труду. То есть не потом и кровью будем добиваться признания на международной арене, а прежде всего за счет интеллекта. Ставка делается на человеческий капитал. Главное богатство России это люди. И отсюда социальные гарантии государства, которыми во время кризиса не поступилось государство. У нас не были снижены ни материнский капитал, не были снижены пенсии или еще что-то. Хотя всегда можно было сослаться на кризис и сказать «ребята, давайте затянем пояса, давайте социальные выплаты уменьшим». Хотя у нас есть проблемы со Стабилизационным фондом. Поэтому люди должны быть здоровыми, образованными. Одна из речей Президента о здоровом образе жизни. Наконец-то мы эту проблему, пьянство, про которую я говорил недавно, мы ее наконец-то стали решать. И наконец-то это дало, впервые, результаты. Был зафиксирован положительный прирост населения. Тоже, правда, чуть-чуть миграция помогла. Но впервые мы выш-

ли из того, что называлось «русский крест». Когда у нас раньше рождаемость росла, а смертность падала, и потом на периоде 90-х годов у нас рождаемость стала падать, а смертность выросла. И вот возник этот «эффект русского креста», была убыль населения, у нас впервые получилось так, что мы стали увеличивать, постепенно, снижать смертность, и постепенно увеличивать рождаемость, и снижать эту дельту, долю людей на которую уменьшается население нашей страны. Реформы, которые два-три года назад были начаты, связанные со здоровым образом жизни, с ростом рождаемости и уменьшением смертности, начали давать свой эффект. И когда сегодня, опять говорю, критикуют Путина, критикуют вообще государство, власть, это в высшей степени не патриотичное поведение, потому что прикрываются патриотизмом, болью за страну. Идут попытки аннулировать результаты 2000-х годов, назвав их какими-то нулевыми годами, когда не было ничего сделано, например. Тот, кто недавно спокойно относился к Путину, а сегодня записывает себя во враги Путина, должен понимать, что он находится в одной тусовке с Шамилем Басаевым, террористом, с Масхадовым, с Хаттабом, с олигархами Березовским, Гусинским, Ходорковским, Невзлиным, с Мадлен Олбрайт, с Бжезинским, со всевозможными людьми, которые всегда желали зла России. С какой-нибудь Боннер, правозащитницей, с Соросом, с Новодворской, с Саакашвили, с Ющенко и Порошенко, Маккейном, Лугаром и прочими врагами России, которые где-то в Америке и в Европе все время выступают против нас. Вот эти люди не любят Путина. Все нелюбящие Путина, вы попадаете в одну и ту же команду с этими врагами, если пытаетесь заниматься такого рода критикой.

Кто на самом деле действительные враги России и кто представляет сейчас наиболее серьезную опасность, прикрываясь, правда, какими-то лозунгами, благочестивыми какими-то вещами?

Первое. Это сторонники внешнего управления Россией, навязывания России чужих стандартов. Что означает идеология Путина, которую он сформулировал? Она означает простую вещь, что народ каждой страны и каждое государство является суверенным государством, и оно само выбирает для себя, то есть в нем осуществляется народовластие, то есть, оно суверенно. Оно само выбирает для себя цели и ценности, к которым оно будет стремиться, и темпы движения к этим целям и ценностям в истории. Будет двигаться так, как оно захочет, и это внутреннее дело народа. Вот и все. А всевозможным внешним навязываемым нам стандартам, западным или восточным, или еще каким-то, мы можем их слушать, мы можем про них говорить, но мы не обязаны подчиняться. Тогда как различные люди, особенно Запада, говорят, что есть некие демократические стандарты, неизвестно кем и когда придуманные, которым не соответствует ни одна страна в мире, вот им нужно соответствовать, и стремитесь, пожалуйста, к ним. И Россия не влезает в их какое-то прокрустово ложе. Это большая ошибка думать, что где-то есть какая-то демократия, о которой написано в учебниках. Потому что та же самая Америка, она вообще стала той страной, которую мы сейчас знаем, 20-30 лет назад. В 70-е годы там везде таблички висели «вход только для белых», и осуществлялся режим расовой дискриминации везде. У них рабство было отменено позже, чем у нас крепостное право. У них равные избирательные права появились позже,

кстати говоря, не только в Америке, но и в Англии, чем у нас в России. И они нас будут учить какой-то демократии! И много-много других вещей, к которым они пришли гораздо позже. То же самое трудовое законодательство и много чего. Поэтому и сейчас к ним есть очень много вопросов. То, как они третий мир эксплуатируют, как они являются виновниками того самого, мирового кризиса. Они нас учат чему-то, а они устроили такую серьезную историю на весь мир. Поэтому мы вовсе не обязаны слепо следовать их ценностям, которым они сами не следуют, и мы сами думаем о том, в каком темпе и к каким ценностям следовать. А еще лучше это выражает такой известный анекдот: «Чем демократия отличается от диктатуры? Диктатура это когда все делают то, что говорит главный диктатор. А демократия, это совсем другое. Это когда все делают то, что говорит главный демократ». Это и есть суть американского подхода. Делайте все то, что говорит главный демократ. А демократ у нас главный сидит в Вашингтоне, в НАТО ил в Брюсселе, и всеми управляет. Так какая это демократия?

Поэтому мы говорим, что мы за суверенитет. Мы сами определяем, как нам жить. Вот это путинская идеология. Мы перестали прислушиваться к МВФ, мы повыгоняли из правительства всех этих западных советников, которые нам в 90-е годы советовали того, к чему мы пришли. К внешним огромным долгам и к свернувшейся экономике. А лауреат Нобелевской премии Стиглиц, который некоторое время Всемирный банк возглавлял, рассказал о том, что эти организации придуманы для разрушения чужих экономик. А мы сидели и слушали.

Кто еще является нашими врагами? Террористы, которые продолжают вести дестабилизацию.

Мы должны понимать, что каждый террорист убивает людей не для того чтобы были убиты люди. Вот в метро эти люди, 20 человек, 80 человек, они ничем никакому Хаттабу, Басаеву не помешали. Терракт осуществляется для того, чтобы произошел информационный повод, и где-то там, в Лондоне, какой-нибудь Закаев имел возможность собрать все СМИ и сказать, что в связи с терактом в Москве, я заявляю, что нужна независимость Чечни, или переговорный процесс, или еще что-то просто рассказать и о нем напишут в газетах. То есть ему терактами вот этими собирают аудиторию. А еще теракт нужен для того, чтобы огромное количество правозащитников здесь, у нас в России, начало говорить: «А! Спецслужбы! Они проспали теракт. Они виноваты в том, что... Нужно было сделать все по-другому, нужно было отследить. У нас плохо работает ФСБ. И вообще президент лично и премьер-министр несут ответственность». Тут же переводятся стрелки с конкретных убийц на силовые структуры, на государство Российское в целом. Тут же происходит раскол общества. Вот для того чтобы раскалывать общество эти теракты и нужны. Вот в Беслане погибли дети и у этих детей были матери. И вот люди, которые придумали этот страшный теракт, люди, которые убили этих детей, они рассчитывали именно на то, что матери будут обвинять власть, что не защитили и так далее. И действительно, ряд матерей объединились и стали это делать. Представляете в чем ужас и парадокс ситуации? Вот есть мать, у нее убили ребенка, для того чтобы она работала против власти. Не денег заплатили, а, наоборот, ребенка убили, и она работает. То есть она делает ровно то, что они, убийцы, от нее хотели. Только одним они деньги платят,

правозащитникам, за то, что они делают, нападают на нашу власть, а у других детей можно убить и они тоже будут нападать на власть. И мы бездумно это делаем. Мы часто повторяем правозащитников, часто тиражируем какие-то выступления, что вот там власть не доглядела и так далее. Террористы тоже не дураки. Они для того и делают эти теракты так, чтобы тихо и незаметно обмануть власть. И не всякие теракты можно предотвратить. Какие-то можно, какие-то нельзя. Но если уж он случился, то мы должны сделать оргвыводы, улучшить нашу систему, предупреждение, слежение, агентурную работу и так далее. Специалисты знают, что им нужно лучше, чем писаки. Не просто брать и демонстрировать национальную рознь, когда мы начинаем пинать власть и критиковать всех подряд.

Следующие враги это всевозможные революционеры, радикалы, майданщики, все люди которым нужна некая движуха, которым нужно как-то интересно пожить. Еще раз повторяю, это вся одна и та же тусовка бездельников, которая когда-то вот так просто, ради какой-то движухи, разрушила величайшую Российскую империю. Та же самая тусовка, которая ради движухи разрушила Советский Союз. Вот Путин плохо управляет страной, у него какие-то ошибки, давайте все разрушим, давайте революцию произведем. С тем же успехом можно сказать: «А разве не правы эти люди, которые на Украине вышли на майдан, и говорили «Янукович управляет страной плохо, у него коррумпированный режим». Ведь люди вышли туда против коррупции. Они говорили: «Коррумпированный режим Януковича. Мы вышли против него. Мы хотим его сломать». Они правы, получается, что ли были? Получается, когда они разрушили украинскую экономи-

ку, когда они как оккупанты вели себя, изменили систему образования, когда они везде украинский язык навязывали, газовые войны вели, когда Украину отбросили на 10 лет назад? Эти люди что ли были правы? У Януковича действительно был коррумпированный режим. Просто нужно отличать улучшение, которое можно делать в государстве, и нужно делать, от того, чтобы просто взять и разрушить все. Террористы, вот эти вот сторонники революции, движухи, радикалы всевозможные и сторонники десоверенизации России в навязывании каких-то стандартов. Они и есть основные критики государства, которые и не дают этому государству толком развиваться, потому что они его постоянно дестабилизируют. И соответственно, логика Путина состоит в том, что мы должны развиваться стабильно и его лозунг такой как когда-то сказал Столыпин: «Им нужны великие потрясения (он имел в виду различных революционеров, радикалов), а нам нужна Великая Россия». Мы должны поступательно двигаться и по этому направлению, еще раз повторюсь, очень много сделано. Ну что нам еще надо? В мире 200 стран. Да, есть недостатки, но мы движемся в правильном направлении. Давайте помогать нашей власти, нашему государству, и к этому сотрудничеству призываю. В 2000-е годы не росла ни одна экономика, кроме Азербайджана и Китая. Мы за 2000-е годы по темпам роста были на 3-м месте в мире. Ну, разве можно это скидывать со счетов или кому-то предъявить и сказать, что он там недоработал. Нужно, мол, быть на первом месте. Ну, наверное, надо было. Наверное, на первом месте лучше быть, чем на третьем. Но и на третьем из двухсот тоже неплохо. Нужно от добра добра не искать. Нельзя критиковать определенное благо,

только за то, что это именно одно благо, а не совокупность всех благ сразу. 15 лет назад мы были на уровне Эквадора, Свазиленда, Самоа и Вануату, а также уступали Намибии и Суринам. Теперь мы вышли во вполне цивилизованные страны по ВВП даже на душу населения. Поэтому, конечно, движение правильное, власть в принципе видит проблемы и видит перспективы, знает, как их решать. И если ей, этой власти, не мешать своей иногда бездумной и часто эмоциональной критикой, а наоборот помогать, то меньше власть будет отвлекаться на всякие марши несогласных, огрызаться на какую-то критику, заниматься каким-то внутриполитическим давлением, попытками усмирить каких-то там экстремистов или националистов, которые тоже соответственно действуют по принципу разделяй и властвуй, а займется напрямую своими обязанностями. Собственно говоря, увеличением благосостояния народа и увеличением мощи и авторитета государства в мире. Если мы будем поддерживать в этом власть, то она лучше только будет работать. Если мы будем ей мешать, то у нас будет все больше и больше поводов для того чтобы ее потом еще покритиковать. Потому что, мешая ей, мы заставляем ее работать, воевать на два фронта, на внутренний и на внешний. А это любому тяжело очень сделать.

По идеологическим моментам, наверное, я больше останавливаться не буду, а на следующих лекциях мы перейдем собственно к технологиям информационных войн. Если кому-то интересно про те вопросы, которые я обсуждал выше, может подробно прочесть в моей книге «Что делать, Россия? Прорывные стратегии третьего тысячелетия».

*Часть 3***Стратегия
информационных кампаний**

Здравствуйте! Сегодня я начинаю третью лекцию из небольшого цикла из шести лекции об информационных войнах. И сегодняшняя лекция будет посвящена стратегии информационных кампаний и составным частям информационных кампаний, принципам организации информационных кампаний, то есть уже неким технологиям.

В отличие от прежних двух лекций я буду говорить именно о технологиях. Первая лекция, как вы помните, была посвящена понятию информационной войны, вторая лекция – идеологии, нашей новейшей истории и тому, что у нас происходило в государстве. А сейчас я буду говорить больше о технологиях информационных кампаний.

Кампания – это единица информационной войны. Или скажем так, война это понятие более художественное, а на самом деле, как и обычная война, информационная война состоит из отдельных кампаний. А уже кампания в свою очередь, как и в войне, состоят из отдельных сражений, отдельных эпизодов, которые можно смотреть. Но кампания это такая единица, это что-то целостное, поскольку у нее есть свои определенные этапы, определенный сценарий и это некое целостное действие.

Так вот, всякая информационная кампания начинается всегда с исследовательского этапа. Своего

рода исследовательского этапа, при котором разными способами субъект этой кампании, тот кто эту кампанию ведет, начинает воздействовать, скажем так, изучает объект воздействия. При этом мы должны понимать такой момент, что ситуация не всегда такова, что есть субъект воздействующий, объект воздействия и все. Дело в том, что объект это общество, это люди, и он тоже коммуницирует, определенным образом воздействует, и возникает ситуация взаимной рефлексии, взаимного отражения, диалога, коммуникации. Поэтому не всегда корректно говорить, что есть просто субъекты и объект. Тем не менее, вот эти два субъекта, скажем так, они друг друга изучают, но в данном случае мы говорим о субъекте кампании как о том, кто кампанию планирует, проводит и будет действовать. Потому что как на нее отреагирует воспринимающая сторона, это бывает совершенно по-разному. Она может просто все воспринять. Может пойти в совершенно неожиданную сторону. Может начать диалог, может начать и ответную кампанию. Это уже детали.

Так вот, субъект начинает исследовательский этап. Есть методы, с помощью которых проводятся различные исследования.

Метод первый – это сбор открытой информации. Иногда он бывает эффективней, чем любые разведданные. В интернете иногда мы можем узнать больше, чем из всевозможных отчетов ФСБ или еще кого-то. Открытая информация обязательно анализируется, собирается.

Второй метод – это анализ статистики. Потому что одно дело то, что в открытых источниках пишется и публикуется, что люди говорят и думают, и другое дело, это, скажем так, более-менее научные

и выверенные данные. Они иногда совершенно отличаются от того, что думают люди на данной территории о самих себе и окружающей действительности. Иногда это могут быть совершенно противоположные вещи. Люди могут быть уверены, что у них растет промышленность, или падает, а оно происходит ровно наоборот тому, что они думают. Поэтому статистика должна собираться и про нее должны знать.

Есть полевой опрос граждан, когда люди необязательно присутствуют в открытом пространстве. Почему нужен полевой опрос? Потому что люди часто не выражают себя в открытом пространстве. У них нужно спросить, что они думают о той или иной теме, и они ответят. Потому что просто анализ интернет-источников, или анализ открытой информации о том кто на данной территории является губернатором, мэром, или какие общественные объединения, партии есть, или как проходили выборы в прошлый раз, или анализ каких-то прошлых социологических исследований, все это открытая информация. Но что именно думают на данный конкретный момент люди можно выяснить только путем социологического опроса, и опросы, естественно, бывают разные. Бывают поквартирные опросы, бывают уличные опросы, бывают телефонные опросы. У них есть, так называемая выборка. То есть, чтобы опрос был репрезентативным, представлял действительно мнение людей, он должен удовлетворять определенным критериям. Там должны быть соблюдены определенные пропорции, определенные количественные характеристики должны быть. И когда возникает погрешность выборки сколько-то процентов, тогда мы можем с определенной степенью вероят-

ности говорить, что то, что мы получили в опросе, то и соответствует общей картине. Социологи все эти вещи знают, это отдельная особая наука социология этими вопросами занимается и она должна, конечно, здесь быть на высоте, чтобы не давать неправильные кривые данные.

Есть еще глубинные интервью экспертов. Когда человека не просто спрашивают, где-то на улице поймали, в квартире, задали ему какой-то вопрос, а эксперты опрашивают, может быть на полчаса, на час, иногда на два часа, о тех проблемах, о той теме, которая в данный момент интересует организаторов кампании. Потому что эксперт иногда заменяет собой большие массивы людей, потому что является экспертом, а не просто обычным рядовым опрашиваемым респондентом. Потому что он владеет тоже большими пластами информации, открытой информацией, статистической информацией, а часто и закрытой информацией, которую в принципе кроме него, эксперта, никто не знает.

Еще один из методов – это фокус-группы. Когда людей собирают за круглым столом, по определенным критериям отбирают этих людей, опять-таки наука социология имеет разные методы отбора этих людей, по каким характеристикам их нужно выбирать, и специальный человек, он называется модератор, ведет дискуссию. Потому что именно в дискуссии можно вытащить из людей какое-то мнение, и когда вас спрашивают, о чем-то на уличном каком-то опросе, вам, как правило, дают готовый ответ, меню, и вы должны вписаться в эти рамки. Часто бывает так, что человек не согласен ни с одним из утверждений, он просто не отвечает или отвечает каким-то первым попавшимся образом. Поэтому исследования эти справедливо называются

количественными исследованиями. Даются просто количественные характеристики: эти за белых, эти за красных, эти за зеленых и все. На фокус-группе мы можем вытащить то, что стоит за этими цифрами, люди отвечают, почему они за белых, почему они за красных, почему они за зеленых и так далее. Поэтому исследования фокус-группы называются качественными исследованиями. Не в смысл того, что на них знак качества стоит, они такие хорошие, а потому что они в противовес количеству дают некую содержательную информацию об объекте исследования.

Еще один метод – это контент-анализ прессы, средств массовой информации. Когда за определенный период изучается массив, и мы понимаем: какой теме, каким проблемам было посвящено основное количество публикаций в СМИ. С каким знаком были эти публикации, с плюсом, минусом. Какую роль играли те или иные проблемы, которые мы хотим увидеть. И соответственно, это тоже очень интересная информация.

Есть такая экспериментальная социология, когда совершается некое событие, которое само по себе является своего рода зондажем общественного мнения. Событие произошло, и сразу же мнения откликаются на него, и мы понимаем: заметили его или не заметили, важным оно является или не важным, и как реагирует общество по отношению именно к этому событию, а не какому-нибудь другому. Скажем, я не говорю, что 11 сентября это было социологическим исследованием, но когда произошло 11 сентября в Америке, люди разделились на тех, кто обвиняет в этом, например, мусульман, тех, кто не обвиняет в этом мусульман, и тех, кто за террористов, кто поддерживает террористов, кто обви-

няют в этом правительство, например, говорит что они проспали, и людей, которые обвиняют в этом собственно террористов. И эти характеристики людей американского общества гораздо важнее, чем их характеристики по полу и по возрасту. Ну, знаем мы, допустим, что в Америке столько-то миллионов пенсионеров, столько-то миллионов детей. Но это нам для работы мало что дает. А вот когда мы знаем что 60% после взрывов, обвинили Буша не в том, что он взорвал, а в том, что он проспал, то мы понимаем что общество очень серьезно больно и расколото, потому что террористы и хотели того, чтобы был обвинен именно Буш. Или наоборот, люди обвиняют террористов, но не обвиняют действующую власть. Тоже понятно, что общество в значительной степени является консолидированным. Вот эти цифры гораздо больше иногда говорят, и понятно, что отдельные события, отношение к ним, зондаж такого рода, это тоже очень важное исследование при планирования кампаний.

Есть, наконец, такая вещь, как включенное наблюдение. Когда человек, что называется, как шпион мимикрирует, внедряется в какую-то среду и там изнутри какого-то объекта наблюдает, смотрит за ним и пытается понять. Все видели, наверное, по крайней мере, статистика нам такое говорит, что очень много людей посмотрело фильм «Аватар», и некоторые его посмотрели несколько раз. И вот там как раз был этот аватар, который, что называется, методом включенного наблюдения внедрен в среду этого инопланетного племени и там внутри находился. В принципе американцы показали, как они действуют в аналогичных условиях. То есть, есть планета, есть у них какой-то ресурс, полезное ископаемое, и планета окружается и первые кто

туда идут, это не военные, не те, кто будет копать и вытаскивать из земли это сокровище, первыми идут ученые, первыми идут исследователи. И они различным способом измеряют этих людей, но прежде всего через изучение языка, изучение повадок, флоры, фауны, собирают определенные базы данных. Внедряются и потом узнают особенности менталитета, особенности языка, особенности отношения к разным вещам, и всевозможные слабые места, которые военным, в том числе, могут пригодиться.

Вот, пожалуйста, методы. Наверное, я не все методы изучения перечислил, но, тем не менее, изучение ситуации является первичным. Да, конечно, многие бои, информационные, бывают, что называется, с листа, когда некогда и невозможно изучить ситуацию, особенно когда на тебя напали. И нужно иногда бывает отвечать, иногда не обязательно это вообще делать, мы об этом будем еще на следующих лекциях говорить. Тем не менее, очень важно исследования проводить, если есть такая возможность.

Почему важность исследований так возросла? До недавнего времени, в XIX веке, начале XX века, исследования не считались принципиально важными. Господствовал условный евроцентризм, западоцентризм, в науке нашей, нашего человека западного, который считал другие общества, других людей своего рода дикарями, нецивилизованными людьми, которых, собственно говоря, незачем исследовать. Прежде всего, ты должен их либо превратить в рабов, либо уничтожить, либо, в конце концов, сделать такими как мы. Самые гуманные говорили, что нужно их просто сделать такими же, как мы сами. То есть дать некий стандарт, навязать

этот стандарт, чтобы потом он должен был к нему стремиться. И вот этот подход господствовал и в отношениях различных наций, народов и информационных групп друг к другу. То есть не изучать друг друга, заниматься ерундой, так сказать, а воздействовать, излучать свою идеологию и ей заражать всех остальных. То есть пропаганда, она как раз по принципу субъекта и объекта устроена. То есть, мы на вас воздействуем, мы вас облучаем, мы на вас давим и превращаем во что-то другое. Поэтому принципы старой пропаганды, я их сейчас перечислю, они очень мало внимания оказывали исследованию ситуации. Я сейчас перечислю эти принципы, и вы поймете, почему изучать было не главное. Я перечислю принципы, которые были сформулированы в так называемой Венской школе или Австромарксистской школе. Одним из ярких представителей был Отто Нейрат, такой был пропагандист и агитатор, марксист. Были еще другие люди. Из этой, кстати, школы вышли потом интересные философы позитивистские, они в контакте с ними находились. Но главное, что эта школа повлияла очень серьезно на два крупнейших направления, идеологических пропагандистских, мысли. Это с одной стороны, поскольку эти ребята были марксисты, они оказывали очень сильное влияние на марксизм, и наши пропагандисты-агитаторы большевики учились у австромарксистов. Многие из них были тайными позитивистами, поклонниками венских философов. Там и Луначарский был, одним из главных, первый министр культуры Советской России. И в то же самое время в Вене в те же годы зарождался фашизм, и Адольф Гитлер был одним из читателей вот этих вот пропагандистов. И если наши ученые мало оставили таких систем-

ных книг по агитации, по пропаганде, каких-то статей, их можно в разбросанном варианте найти тут и там, у Ленина, у Троцкого, у Сталина даже есть статья, какие-то отдельные куски, которые с этим связаны, то у Гитлера есть целые главы по пропаганде в «Майн Кампф». И в частности он там буквально перечисляет несколько принципов.

И вот я специально выписал, систематизировал.

Во-первых, один из принципов пропаганды это количество. Ее должно быть много. То есть пропаганды мало не бывает. Лидер, говорит он, чистый такой субъект, а масса для него чистый объект, которая его мало интересует. Он говорит: «Масса тупа». Поэтому чем больше ты на нее выльешь, тем больше, наконец-то, она пошевелится и что-то там поймет. Поэтому пропагандируйте без устали. Не волнуйтесь, вы можете работать очень долго, а потом обнаружите, что вас не услышали, не поняли и вообще занимались своим делом. Поэтому: количество, количество, количество. Потом уже появились более точные оценки, в течение XX века определяли, сколько нужно этой самой пропаганды. И даже какие-то ученые выяснили, что нужно не менее восьми информационных контактов, чтобы человек отразил и запомнил, что ему что-то хотели сказать.

Второй принцип, в свободном порядке. Пропаганда должна быть тупой и максимально примитивной. То есть она должна быть рассчитана на самого последнего негодяя в обществе, на самого примитивного человека. Ни в коем случае никаких умностей, никакой интеллигенции, никакой науки, ничего подобного. Масса, опять-таки, тупа. И раз она такая, то ее большинство. А нам большинство и нужно. Если большинство будет за какую-то

идею, то, следовательно, это большинство и будет вести все общество. Интеллигенция потом примкнет, она никуда не денется, она тут же переориентируется, меньшинство подстроится под большинство. Если какой-то тезис понятен дураку, то он будет понятен и умному, само собой. А вот наоборот необязательно. Поэтому расчет на дурака.

И следующий принцип. Никакой дифференциации и каких-то различий в подходах. Что вот мы одним говорим одно, другим другое, третьим – третье, и как то запутываем людей. Это людей только запутывает. Нужно всегда чтобы был один единственный лозунг данного момента, данной партии, или данной информационной кампании, и вот этот лозунг как гвоздь вы должны везде вбивать. Никаких различий. Если мы в одном месте представимся Иван Ивановичем, а во втором месте представимся Петром Сергеевичем, то люди нам перестают доверять. Они не понимают, кто мы – Иван Иванович или Петр Сергеевич? Вы всегда и всюду Иван Иванович и у вас на лбу это должно быть написано. Поэтому никаких дифференциаций, никаких различий внутри вот это самой массы. Один подход для всех и один слоган для всех.

Наконец, пропаганда должна действовать на чувства, а не на разум, говорит Гитлер. Повторяет идеологов пропаганды, что масса действует эмоциями, она живет по принципу «нравится – не нравится». А сложные какие-то вычисления, аргументы, доказательства, разумное любое поведение, это все не для нее. Эмоции, низменные инстинкты, которые есть у большинства, они должны господствовать в пропаганде.

И наконец, пропаганда должна быть шокирующей, она должна привлекать внимание, она должна

резко выделяться на фоне чего-то другого. Нейрат как раз и предлагал огромные биллборды ставить, был основоположником этих вещей. Такие наглядные картинки. Если вы говорите о росте чего-то, то должна быть стрелочка нарисована вверх, если о падении – то стрелочка вниз. Человечки должны какие-то быть нарисованы и так далее. Главное чтобы очень громко, очень ярко, огромные цветочные пятна должны быть.

Вот это все должно быть. Если уж утверждения какие-то, то утверждения должны быть категорическими. Вы помните эту фразу, которую все цитируют, она правда не геббельсовская, кстати, она была и у Гитлера: «Чем больше ложь, тем скорее в нее поверят». Потому что когда страшное, вроде бы лживое, и шокируемое утверждение появляется, то человек простой, он думает так, что поскольку он сам не в состоянии выдумать подобную ложь, он думает, что и другие не в состоянии. А, следовательно, рассуждает он, за этим что-то есть. Нет дыма без огня. И это то, что собственно и требуется человеку, который организовал эту информационную кампанию.

Вот эти принципы, я их перечислил. И мы можем их видеть в течение XX века и в политической пропаганде, и, прежде всего, в коммерческой рекламе, обычной, которая вообще никак с политикой никак не связана. Они вообще могут бюсты Гитлера у себя ставить, рекламные агентства, прямо в офисе, потому что их действия полностью подчиняются вот этим принципам, которые мы имеем.

Возьмите любой рекламный ролик и посмотрите. Количество? Их всегда много, они везде стандартные и из любого утюга. Вот началась кампания какого-то пива и нам все время долбят и долбят.

Казалось бы, покажи один раз? Нет! Мы каждый всегда посмотрим и восемь раз, или десять раз, а скорее всего и пятнадцать раз. И в том фильме, и в другом, и в третьем. Никто не останавливается. Если какую-то песню начали крутить, она везде на всех радио. Просто по десять раз в день ее услышишь. Пожалуйста, вот принцип количества.

Принципы примитивизма тоже. Для кого снимают эти совершенно глупые оскорбляющие разум ролики, когда сиди какая-то унылая семья, у которой кругом грязная посуда, а тут вот бабушка должна приехать. И тут врывается такая соседка, и которая говорит: «Вот я привезла вам порошок!». «Тайд», или еще какой-то. И все сразу заулыбались как дураки, и начинают мыть этим порошком, все у них там блестит и так далее. Абсолютно такой примитивный сюжет, рассчитанный непонятно на кого. И, тем не менее, всегда любой заказчик этого рекламного агентства, или любой так называемый профессионал рекламы, исходя из этих принципов примитивизма, скажет: «Не надо сложных роликов. Вот такой должен быть. Он должен быть рассчитан на идиотов. Потому что когда идиоты купят, остальные... бизнес купит тоже, оптовики будут покупать это. Следовательно, мы вытесним с рынка другие марки, и умным не останется ничего другого как покупать то же самое». Вот и все.

Дальше мы видим, как воздействуют на чувства и на разум. Мы видим, как там возникает то красивая девушка, то какое-нибудь яркое вкусное блюдо, которое рекламирует майонез. То какая-то природа возникает, то старики, то дети. Те, кто вызываю всевозможные положительные эмоции. То какое-то море, то горы. Вот они эти самые воздействия на чувства.

И наконец, мы можем увидеть, что во всех рекламных щитах, роликах, радио, видео господствует всегда рекламный слоган. Например «Всегда Кока-Кола». Мы всегда знаем что «Всегда Кока-кола». Или «Жилет, лучше для мужчины нет». Все эти принципы тоже здесь подходят.

Ну и про то, что пропаганда должна выделяться, шокировать, привлекать внимание, конечно, тоже здесь это аксиома. Потому что щиты всегда яркие, они выделяются вдоль дорог. Громкость рекламы выше, чем громкость фильма, в который она вставлена. И всевозможные какие-то утверждения резкие. И парадоксальные какие-то вещи, которые специально должны навести человека на какие-то мысли, заставить обратить на себя внимание. Потому что если ты не привлек внимание, то тебя не будут слушать, ты не получишь содержания. Представьте себе, что сидит какая-то кошка, отвернувшаяся от меня. Я сначала должен ударить по столу кулаком, чтобы она повернулась ко мне, и потом ей показывать мышшь, чтобы она ко мне подошла. Если я не ударил кулаком по столу, а размахиваю этим мышом, она может просто не увидеть, не заметить, что я ее чем-то хочу привлечь. Поэтому это удар, это бух, этот шок, он обязателен, и он везде, тем или иным способом, используется.

Вот принципы старой пропаганды. Той самой, которая у нас была на протяжении XX века и продолжала быть сейчас. И она, в общем-то, только начала меняться после Второй мировой войны. Потому что после Второй мировой войны произошло изменение самого населения, того самого объекта, той самой массы о которой говорил Гитлер. Во-первых, люди стали грамотными. Раньше, в начале XX века, даже в европейских странах, было

большое количество безграмотных людей, и в России чуть ли не 80% было неграмотных людей. Потом Россия кстати обогнала. В 60-е год в России уже не было неграмотных людей, а во Франции еще были. Поэтому произошли серьезные изменения. И люди стали требовать других подходов, другого отношения и вместо пропаганды вот той самой, и вместо рекламы, появилась такая вещь как PR. PR, две буквы, которые обозначают public relations, то есть связи с общественностью. То есть это иной подход. Мы теперь не субъект, который воздействует на объект, мы теперь связываемся с общественностью, которая тоже может иметь свое слово, которая рефлектирует, которая может что-то такое сказать, которая может неожиданным образом себя повести. И поэтому на почве уважения к общественности начинается изменение. PR сразу заявил, что он не будет врать как реклама, не будет приукрашивать действительность, он будет говорить истину. То есть он будет давать некую объективную правильную информацию, потому что он уважает людей. Он уважает людей, поэтому он отказывается от примитивизма, который свойственен рекламе и пропаганде. Он будет давать какие-то сложные рассуждения. И действительно, сколько я занимался выборными кампаниями, я сразу понял, что какой-то слоган, будь он самый лучший, он на людей не действует, каким бы он ни был. Человек делает свой выбор в процессе размышления. То есть он размышляет, у него есть какая-то логика. Это называли такой «теорией логик». Человек размышляет, идет от одного к другому, выстраивает какую-то цепочку. Может быть, эта цепочка быть какой-то замысловатой, логически научно неправильной. Но, тем не менее, это процесс рас-

суждения. Так вот, именно не слоганы, а такого рода логика. И слоганов или логик, разных таких вещей, может быть много, в зависимости от разных групп. Вот поэтому здесь уже требуется то самое изучение ситуации, вот оно где появляется. Когда мы кластеризируем группы. Когда у нас не масса, так называемая, которая как тесто, или творожная масса, однородная, а когда она наоборот, рассыпчатая, когда видны различные группы, различные камешки, крошки и так далее. И тогда с каждой из них работают совершенно отдельной информационной кампанией. И естественно там и лозунг может быть совершенно разный, и иногда даже прямо противоположный. Возьмите кампанию, скажем, Юлии Тимошенко, которая стремилась стать общеукраинским лидером. На западе она была националисткой. Говорила там, что «никаких русских, нет русского языка» и так далее. А когда она была в Крыму или в Восточной Украине, то говорила, что «конечно, русский язык надо, а во мне вообще никакой украинской крови нет». То есть даже когда она так прямо не заявляла людям, которые работали с ней в штабе, они везде объясняли: «Ну что вы. Тимошенко это же совершенно другое. Она вообще там полуармянка, полуеврейка, полурусская. И какие вообще к ней вопросы? Не бойтесь. Она вас не заставит украинскую мову учить». Видите, каждому совершенно свой подход, и акцентировались на разные целевые группы, на разные аудитории совершенно разные тезисы. И соответственно был и результат.

Далее. Такой принцип как ставка на эмоции или на разум. В значительной степени пропаганда стала воздействовать на разум, а не на эмоции. По своему опыту я помню, что кампании, которые

ставили на определенные рассуждения, на определенные цифры, определенным образом, они часто оказывались лучше, чем кампании, которые ставили на психологическое какое-то воздействие. То есть, грубо говоря, мы работали, например, против какой-нибудь команды, которая имела психологическое образование, так называемое НЛП (нейролингвистическое программирование). И вот они делали по всем законам психологии некие воздействующие позитивные листовки. Определенным образом выделяли буквы, комбинировали слова, вводили человека, что называется, в транс, старались его как-то зомбировать. Ну, человек читал эту листовку, и, может быть, даже проникался к этому какой-то симпатией, и как-то даже зомбирровался. Но когда он получал листовку, грубо говоря, с надписью «увеличу бюджет области в два раза», то четко знал за кого нужно голосовать. Здесь вся психология сразу шла куда-то там... Психология может дополнять, помогать рациональным аргументам. Но человек прежде всего существо разумное, и разум вот этими зомбированиями, этой психологией не отменишь. Есть основное блюдо, а психология это гарнир, это рамочка вокруг основной картины. Разум это главное.

И, наконец, шокирование для привлечения внимания. То, что выглядит как реклама, не работает. То, что выглядит как пропаганда, не работает. Это наоборот, наша задача показать, что наш враг, он наоборот рекламирует, он пропагандирует себя, то есть он пытается на вас воздействовать, он вас зомбирует и с вами разбирается. А мы нет, мы вообще чистые и пушистые. И возникает та самая косвенная реклама, косвенная пропаганда. Есть такие статьи, такие рекламные объекты, которые вообще

не упомянут, или упомянут один раз имя рекламируемого объекта, одной какой-то фирмы. Вы часто наверняка с таким встречаетесь. Вот рассказывают, например, про какие-нибудь старые древние русские традиции, как будто пишет историк, кандидат наук. Люди внимательно читают, они узнают все про традицию. И там, совершенно где-то там в конце, рассказывается о том, что... даже не рассказывается, а так краем упоминается, о том, что пили именно самогон, а не водку. И вообще самогон лучше водки, потому что водка это яд, а чем чище яд, тем хуже. Понятно, что кампания заказана производителями или самогона, или виски, или каких-то таких вещей, которые направлены просто против водочников. Но это сделано совершенно незаметно. Это и есть принципы этой самой косвенной рекламы. Или, новости, например. Люди не делают специально своих роликов, а маскируют свои подходы под новости. Например, какие-то научные статьи. Сейчас ведь до того дошло, что в уважаемых научных журналах, на Западе в том числе, большая часть статей написана учеными, которые получали финансирование с определенных фондов, содержащих этих ученых. То есть, по сути дела, ученый заинтересован в определенных результатах исследования. Если ему фирма Sony говорит, что мы исследуем какую-то такую штуку, он занимается этим исследованием, это финансируют, потом он пишет в какой-то научный журнал, который рассказывает о каком то благотворном воздействии каких-то там аппаратов или еще чего то. То есть, уже трудно отличить науку от коммерции. Вы сами видели, ролики по телевизору идут, когда Общероссийская стоматологическая ассоциация поддерживает там Colgate или еще что-то. Есть ли вообще эта «ассо-

циация» или нет, или это под новость можно маскировать. Ну, в общем вот способ незаметно внедриться.

Product placement, известная штука, которая получила распространение в последние 25-30 лет. Когда все фильмы насыщаются, продается на корню что называется каждый кадр. Когда Джеймс Бонд ездит на машине BMW, если кофе он пьет, то Nescafe. Или открываешь фантастический роман Дина Кунца, и в первых же строчках герой рассуждает для чего стоит жить. Для детей! И еще для того, чтобы выпить пиво Heineken. Очень любит герой это пиво. И вот этот Heineken упоминается несколько раз на протяжении всей книги. Что говорят? Одной из первых продактплейсментовских вещей была знаменитая фраза Мэрилин Монро о том, что «лучшие друзья девушки это бриллианты». Между прочим, в начале прошлого века бриллианты не были какой-то суперроскошью, их было много, открыты искусственные способы их создания и вообще фирма «Де Бирс» не была достаточно известной. И только огромная рекламная кампания сделала так, что бриллианты стали великой ценностью, и что каждый парень, который делает предложение своей девушке, должен обязательно подарить ей кольцо с бриллиантом, на свадьбу должно это все дариться и так далее. Это все продукт информационной кампании, информационного воздействия, в том числе product placement.

И вот очень важно в информационных кампаниях ту информацию, которая появляется, в то же время и дозировать. Появилось такое понятие как «спин». Спин это английское слово, которое родственно нашему русскому слову «спина». И слово «спиннинг» мы все знаем. Это слово означающее

поворот, разворот. Когда мы ведем информационную кампанию, очень важно дозировать информацию. Сначала сбрасывается один кусочек информации. Когда он привлекает внимание, добавляется какое-то количество информации. Потом третий кусочек информации и так далее. Мы сначала показываем вещь с внешней стороны. Потом начинаем показывать ее боковину, потом показываем ее обратную сторону. И так, как бы ее поворачиваем со всех сторон, что называется, обжевываем. И собственно это обжевывание и каждый поворот составляют определенный этап в кампании.

И еще скажу один тезис. Мы говорили про большинство, про количество рекламы, про то, что один из принципов пропаганды рекламы, что ее должно быть много. Теперь ставка делается в пиаре, в новой пропаганде ставка делается на события, эксклюзивные индивидуальные события. Вот я провожу пресс-конференцию, я ее провел, она одна. Все! Это одно событие, одно сражение информационной войны. Если я буду каждый день делать по десять пресс-конференций, это будет смешно выглядеть. Или, грубо говоря, такой Вексельберг, мы знаем такого человека, который прославился тем, что купил яйца Фаберже на аукционе в Англии. Сделал такой патриотический поступок для страны. Бизнесмен, непонятно какая у него была репутация, где он взял свои активы? А тут он раз! Яйца, которые могли бы продать кому-то неизвестному, он купил и привез в Россию. Сейчас они тут гастролируют. Вот если он один такой поступок сделал? То это да! А если бы он каждый день эти яйца стал покупать, то это сразу же эффект весь терялся. Поэтому событие должно быть единичным, эксклюзивным и оно должно выделяться именно этим.

И вот когда мы понимаем эти все вещи, когда у нас есть этот спин, поворот темы, когда мы понимаем, что должны быть эти самые события, то возникает потребность в стратегии информационной кампании. Потому что в прежней пропаганде никакой стратегии, собственно говоря, не было. Все очень просто! Мы придумали некую тему, что Кока-кола самый лучший напиток, или Пепси-кола, неважно, назову и ту, и другую, чтобы меня не обвиняли, что я что-то рекламирую. Сняли ролики, в которых везде один и тот же слоган «всегда Кока-кола». Потом точно так же мы сделали макет радиоролика, потом макет, который пойдет в газету или в журнал, потом такой же макет который будет на биллборде. А потом тупо берем и расписываем, сколько миллионов долларов, даже миллиардов, пойдет на ту или иную штуку. После этого мы поручаем неким рекламным агентствам все это разместить. И вот у нас появились миллионы биллбордов, роликов. И вот они идут, идут, идут. И вот кампания закончилась. Идут они полгода, и ладно. Народ устал уже, наверное, давайте по-другому над ним поиздеваемся, другой какой-то ролик придумаем и запустим заново. И новые миллиарды дали. Где стратегия, где здесь тактика информационной кампании? Здесь все это совершенно не нужно. А когда есть те сложности, о которых я сказал, в связи с изменением пропаганды, то возникает, конечно, проблема стратегии.

Стратегия придумывается не просто так, она придумывается на мозговом штурме в какой-то креативной группе. Это тоже некий этап ведения информационной кампании. Это штаб, это карты со стрелочками, это различные очень сложные вычисления, как и что нужно делать. И люди действи-

тельно штурмуют, люди действительно думают. Штурмов этих разное количество. Есть, например, мозговые штурмы по американскому типу, когда все клеят себе табличку с именем, чтобы друг друга по имени называть, чтобы всем было комфортно, чтобы ни в коем случае никто никого не должен критиковать. Все предлагают свои идеи, они записываются и потом идею получившую большинство голосов они выберут. Может это не совсем правильный подход, потому что мы, например, и мои коллеги используем другой принцип. Когда мы наоборот максимально конфликтные делаем мозговые штурмы, и мы берем не те идеи, с которыми все соглашаются, а те идеи, которые вызывают максимальный всплеск эмоций. Не в смысле, что они более эмоциональные, они всплеск разума тоже вызывают. Мы берем идеи, которые имеют больше всего согласившихся и больше всего несогласившихся с ними. Если с идеей все согласны, то она тухлая. Если идея вызывает дискуссию до крови, когда люди по два часа спорят, мы понимаем, что когда мы ее вбросим в общество, то именно также общество будет вокруг нее спорить. А это очень важное качество идеи. Она должна как вирус распространяться и о ней должны все говорить. Или событие то же самое. То есть идея в данном случае может быть событием или поступком каким-нибудь.

Есть более сложные мозговые штурмы. Вот группа великого нашего стратега, очень уважаемого человека, Сергея Борисовича Переслегина, она в Питере разработала такую технологию как «знаний реактор». А потом они сделали даже «знаний коллайдер». Когда очень сложная структура. Одни люди выполняют роль такого атомного стерж-

ня, другие роль лепестков, третьи безопасностью руководят. Потом есть трансформатор, который трансформирует энергию, люди-трансформаторы. И вот эта сложная человеко-машинная штука, она позволяет из людей вытягивать идеи, вытягивать креатив, причем из людей совершенно некреативных даже. Тем не менее, она так сконструирована, что она это делает. И вытягивает очень много. Тот, кто хочет, может поинтересоваться.

Многие информационные кампании строятся по принципу драмы. То есть когда возникает некий герой, потом возникает антигерой, потом идет борьба добра и зла, потом победа белых сил и так далее. Это позволяет привлечь внимание. Вот когда вы, представьте себе, вот если описать таким образом, что некие люди заходят в темную комнату и два часа смотрят на белую простынь. Можно сказать, что это дураки какие-то. А на самом деле таких дураков каждый день многие миллионы, это люди в кинотеатре. То есть, они все входят в темную комнату и два часа смотрят на белую простынь, не отрываясь. Так вот, что заставляет людей поступать вроде бы таким парадоксальным образом? Сидеть на месте, на стуле, и смотреть. А заставляет интерес, который приковывает их. Так вот, принципы драмы, принципы кинематографа, принципы театра, они применимы в информационных кампаниях, потому что информационная кампания это тоже определенное шоу. Но мы являемся, все читатели, зрители, телезрители, радиослушатели, являемся зрителями, а вместо белой простыни, вместо экрана, вместо подмостков театральных, используются средства массовой информации, которые показывают определенное шоу с неким продолжением, или без продолжения, если это не

нужно. И вот у каждой информационной кампании должна быть такая драматургия. Стратегия – это когда мы достигаем определенной цели кампании и концентрируемся на неких слабых местах противника, и того, кто ведет контринформационную игру против нас. Стратегия – это искусство наносить ошеломительные информационные удары, которые позволят донести нашу мысль определенной, наш месседж, причем, делать так, чтобы зритель сам догадывался об этом месседже, а не мы ему навязали его. Искусство стратегии это искусство ломать планы противника и заставлять противника незаметно для себя работать иногда против себя же самого. И это часто случается сплошь и рядом. Это основная, в общем-то, задача делать так, чтобы противник своими действиями работал против себя самого. Информационными действиями. Например, начал оправдываться. Известный, например, случай, когда на Украине Ющенко, распустив слух о том, что Янукович сидел в тюрьме за изнасилование, заставил Януковича оправдываться. Янукович начал свою кампанию в президенты, первую, которую он проиграл, с того что пригласил всех журналистов Украины к себе в родной город, и там какие-то бандиты и колдыри, бывшие подельники Януковича, сидели и рассказывали всем журналистам о том, что Витька никого не насиловал, а он всего лишь часы снял, или шапку снял, и в общем, он нормальный мужик. Вот с этого началась вся президентская (!!!) кампания, и вся Украина естественно вздрогнула. Вместо того, чтобы рассказывать, как он пенсии поднял, как он 300 миллионов долларов с Газпрома получил дисконта, как он подписал соглашение об избежании двойного налогообложения НДС, которое давало миллиарды

долларов Украине плюсом, он рассказывал о том, что он всего лишь часы снял. Ну, все! Значит его нужно в президенты сразу, раз он такой хороший. Соперник повел себя таким образом.

Стратегия – это ответ на вопрос: почему именно мы должны победить. Стратегия это ответ на вопрос «почему именно мы донесем наше информационное сообщение до людей?». Почему не противник донесет, или кто-то другой? А мы, понимая, как мы управляем информацией, вбрасываем определенную информацию, мы понимаем, как на нее будет реагировать зритель, читатель. Что будет делать противник, который не хочет, чтобы именно такое информационное воздействие оказывалось. Понимая все эти рефлексивные связи, отражения, мы уже вбрасываем что-то другое. Смотрим как на это опять отреагирует противник и люди, которые это будут смотреть, и с учетом того будем вбрасывать третье. Это все должно быть запланировано нами и это все мы должны предвидеть. Вот это стратегия. А когда мы просто говорим, что в городе N мы разместим 100 биллбордов, а на «Первом канале» 1000 роликов выпустим, это не стратегия, это отсутствие полностью какой бы то ни было стратегии.

Определенная информация, определенные события, определенные поступки, и увязывание их в определенную логику является этой самой стратегией. И такие стратегии позволяют экономить ресурсы, и в этом смысле стратегия является тем, что позволяет тебе иногда выиграть и в отсутствие ресурсов, и при превосходящих ресурсах противника. Когда две армии сошлись, в одной сто человек, в другой сто человек, и они молотят друг друга дубинами, это тоже не стратегия. Это просто кто сильнее, кто храбрее и на этом все закончилось. Если мы

придумали способ, как этих сто человек заманить в какую-то расщелину, а тут будет стоять всего двое и по одному долбить каждого. И вот они сто прошли, и они вдвоем все сто уничтожили. Вот это уже стратегия. Мы помним, как 300 спартанцев смогли противостоять 200-тысячной персидской армии, используя особенности местности. Вот это уже стратегия. Это концентрирование на слабом месте противника или создание ему «слабого места».

И вот одна интересная вещь. Я расскажу сказку, или притчу, для того чтобы закончить. Представьте, что есть белый король и есть черный король. Есть у них территории и, скажем, черный король пошел на белого воевать. И вот белый король собирает какой-то военный совет. И мудрецы, различные советники говорят: «А давайте там сделаем подземный ход, прорвемся в лагерь и там изнутри все разрушим». А другой говорит: «А давайте с воздуха сделаем нападение, привяжем к птицам какие-нибудь факелы, горящие тряпки. Они в лагерь прилетят и подожгут его». Третий, например, говорит: «А давайте по реке какой-то поплывем». А четвертый говорит: «Давайте на гору заберемся, и когда они пойдут, мы с горы их будем...». И вот пока они спорили, черный король пришел и всех уничтожил. Споры должны заканчиваться в определенный момент, и очень часто задача, стратегия информационной кампании в том и состоит, чтобы спровоцировать споры с противоположной стороны, спровоцировать у нее кризис определенный. И напасть как раз тогда, когда они каждый думает о том, что им делать. Очень важно владеть инициативой. Потому что если ты первый напал, то ты всегда произведешь раскол, то есть каждый советник соперника поведет в свою сторону. Каждый

план у них в отдельности хорош. Но они начинают тянуть каждый в свою сторону, и пока они думают, ты проводишь свою информационную кампанию. Раз, раз, раз, и как говорил Владимир Владимирович Путин, они уже пыль глотают, потому что ты уже далеко ушел. Поэтому очень важный фактор в стратегиях, это время. Иногда нет времени на размышления, на исследования, на раздумывания всевозможные. Это слова Наполеона: «Лучше принять любое решение, чем не принять никакого». И если бы белый король сказал, что мы вот так действуем, то тогда все бы получилось у него. Но демократия, что называется, оказалась вредна в данной ситуации, когда все в разные стороны пошло. Ну, допустим, белый король отступил, и он сделал выводы, собрал новую армию, союзников и теперь он нападает на черного короля. Он принимает определенное решение, что вот мы сделаем подземный ход, проберемся и захватим армию. Принял решение, реализовали стратегию, пришли, захватили. Черный король убежал. Мы продолжаем наступать на него дальше, чтобы его где-то, так сказать, в Берлине, достать. И вот он сидит и думает: «Ага! Простой раз они вырыли ход, теперь я им не дам. Как только они где-то будут рыть, то я там сразу же выставлю стражников, и мы их всех поймаем». И вот тут очень важно не быть заложником собственной победы и опять рыть ход. А наоборот, сделать отвлекающий маневр, как будто ты ход роешь, чтобы он действовал, а самому в это время использовать другой план, который у тебя в резерве есть. Когда там птицы полетели горящие и подожгли лагерь сверху. А на третий раз план с горой, четвертый с рекой, использовать. Здесь «демократия», в этом смысле полезна, когда у тебя каждый раз есть мас-

са новых планов, и ты никогда не повторяешься. Искусство непрямых линий, как назвал это Михаил Ковалев в книге «Воины креатива». Всегда действуя тупо каким-то одним способом, ты придешь к поражению. Это способ не приведет тебя ни к чему. Его научатся копировать, против него научатся бороться. И нужно всегда придумывать стратегии, что-то совершенно неожиданное. Эффект неожиданности в этом смысле является ключевым, потому что он в информационной войне помогает и завладеть инициативой, тем самым расколос соперников и, собственно говоря, успеть провести те вещи, которые ты хотел провести.

Про стратегии кампании читайте мою книгу «Предвыборная кампания. Практика против теории». Она, кстати, целиком есть в большом сборнике «Уши машут ослом. Сумма политтехнологий». В этом же сборнике есть и книга «Уши машут ослом. Современное социальное программирование», в которой излагается теория пропаганды и примеры стратегий. Ее можно и отдельным изданием купить. Следующая наша лекция будет про средства массовой информации. Спасибо.

Часть 4

Работа со СМИ

Здравствуйте! Сегодня у нас четвертая лекция из небольшого шестичасового курса об информационных войнах. И эту четвертую лекцию я хотел бы посвятить средствам массовой информации, их роли в информационных войнах и тому, как СМИ воздействует на общество и как осуществляется манипуляция общественным мнением с помощью средств массовой информации.

Начать нужно с истории средств массовой информации, когда СМИ вообще появились в обществе. Это были какие-то средневековые СМИ, и в основном это уже новое время, Эпоха Просвещения. Они стали кардинальным образом на общество воздействовать и такой знаменитый канадский исследователь средств массовой информации Маршал МакЛюэн даже заговорил о том, что мы переселились как бы в новую галактику. Он назвал это Галактикой Гутенберга. Радикально он различает мир, в котором есть средства массовой информации, и мир в котором их нет. МакЛюэн связывал рождение нового мира прежде всего с печатью, то есть когда возникает стандартное печатное слово, то возникает и стандартное восприятие, и вообще стандартизируется сознание человека. В отличие от рукописного слова, которое достаточно индивидуально, в душу человека как бы проникает стандарт. Дальше, в связи с тем, что средства массовой

информации множатся, то есть возникают всевозможные газеты, журналы, а потом уже радио, телевидение, то это все оказывает огромное влияние на психику человека, на человеческий слух, который раньше не был приспособлен к тому, чтобы что-то слышать и не видеть источник в постоянном режиме. За чудо почли бы древние люди, когда я вижу каких-то своих друзей или события, происходящие на другой стороне земного шара. Это действительно чудеса, и к этим чудесам современное сознание стало приспособливаться, оно очень изменило восприятие. Маршал МакЛюэн говорил, что средства массовой информации превращают мир в большую деревню. Была у него такая метафора. Если раньше все новости распространялись очень медленно, иногда уже мог какой-то царь умереть, уже мог быть кто-то другой на престоле, а подданные в каких-то отдаленных концах страны могли этого и не знать. Это подобно свету далеких звезд, то есть звезда уже не светит, а свет все еще идет к нам. Теперь ситуация в корне изменилась. Все мгновенно становится известным. Самое главное, что далекое становится близким, а близкое становится далеким. Скажем, мы все прекрасно знаем Путина, Медведева чуть ли не как соседей своих, потому что они каждый день находятся у нас дома, присутствуют постоянно в нашем сознании, точно так же как другие мировые лидеры, звезды, совершенно вроде бы далекие персонажи от нашей жизни. И в то же самое время мы можем не знать имена и фамилии, и тем более образ жизни наших соседей по лестничной площадке, в доме, в котором мы рядом живем. Получается, что мир как бы вывернут наизнанку. Близкое стало далеким, далекое – близким. Эти феномены все исследовали, они очень интересны,

как например скорость распространения информации влияет. Также Маршал МакЛюэн исследовал СМИ на предмет воздействия на воображение. Он, например, делил СМИ на холодные и горячие. К горячим средствам он относил радио, тем что дает звук, заставляет сознание достраивать некий воображаемый образ, таким образом активизирует его. Активное сознание постоянно находящееся в активной фазе генерирует определенную энергию. И в этой связи МакЛюэн говорил, что Гитлер не пришел бы к власти, если бы не было радио. Точно также популярность Рузвельта во многом была благодаря радио. Популярность Сталина во многом была благодаря радио.

А вот телевидение он относил к холодным средствам массовой информации, оно заставляет сознание засыпать, никакой визуальный образ не достраивается. Наоборот визуальный образ уже дан человеку вместе с аудиальным образом. И человеку не нужно ничего фантазировать, если все дано. В этом смысле телевидение, говорил он, идеальный инструмент для действующей власти, поскольку не пробуждает никаких лишних энергий или эмоций.

Но все эти теории воздействия СМИ на восприятие и психику человека не есть тема сегодняшней лекции. Наша задача смотреть на то, что СМИ делают с обществом и как они используются в политике, и в информационных войнах, прежде всего.

Как только СМИ появились, сразу же возникли и две теории, которые давали разные ответы на вопрос «что такое СМИ в обществе?».

Первая теория, назовем ее наивной теорией, или наивно-демократической теорией, утверждает, что средства массовой информации это всего лишь некое средство массовой информации, соб-

ственно говоря. То есть способ, средство информировать большие массы народа о чем-то случившемся, о том, что где-то там что-то произошло, а мы об этом рассказываем. По принципу что вижу, то пою. Люди, соответственно, имеют возможность критически к этому отнестись, как-то оценить это все. Нравится – они смотрят или слушают, читают. Не нравится – они могут это не смотреть. А журналисты это простые медиаторы, простые посредники, которые просто где-то длинными ушами услышали что-то и большим длинным языком это разболтали. То есть они всего лишь посредники никак не влияющие на информацию. Вот что говорит наивная такая теория.

Другая теория, прямо противоположная, которая возникла практически сразу. Мы можем вспомнить Наполеона, который говорил, что одна газета, страшнее, чем полк солдат. Другая теория утверждает, что средства массовой информации это способ влияния на массовое сознание. Что СМИ никогда не бывают свободны сами по себе. Они зависят от владельцев, от рекламодателей, от аудитории в данный момент и так далее. Журналисты отбирают тщательным образом события, отбирают оценки, которые они дают тем или иным событиям, и показывают их не в полном виде, а каким-то образом выборочно. И вот этот выборочный показ, отфильтрованный, он уже влияет на людей, и люди соответственно воспринимают все так, как им рассказывают и показывают СМИ. То есть поклонники этой теории как раз и говорят, что дайте мне одну газету или телеканал, то я сделаю вам любую страну. Хоть демократическую, хоть коммунистическую. То есть люди идут за средством массовой информации как стадо баранов.

Вот две теории. Кстати Ленин, великий вождь советского государства, был поклонником второй теории. У него есть такая статья, которую все люди советские еще учили, «О партийности литературы», где он как раз рассказывал, что, в общем, всегда заказывает музыку тот, кто платит. А платит тот, у кого средство массовой информации находится на содержании.

Эти теории не выдержали проверку ни логикой, ни временем, ни опытом историческим. На протяжении XX века были различные случаи, которые показывали, что даже при полном контроле над средством массовой информации определенным обществом все равно возникала оппозиция, что большое количество людей очень легко критически оценивает, например, те или иные сюжеты, которые проходят в средствах массовой информации. То есть далеко не все сразу на поводке идут за СМИ. Тогда начали исследовать: а как влияет, на кого влияет? Появились различные теории. Одна из самых известных теорий, это теория Лазарсфельдса, американского автора, который свою теорию назвал “two step communication”, то есть «двухшаговая коммуникация». Он говорил, что СМИ, прежде всего, влияют на лидеров общественного мнения, а они в свою очередь уже заражают остальных людей. Вообще многие эксперименты показывали, что люди ищут в средствах массовой информации подтверждение уже заранее сформированного мнения. И очень трудно их с помощью средств массовой информации переубедить. В общем, различные теории бытовали где-то до 70-х годов, пока не появилась теория, которая, пожалуй, сумела найти компромисс между наивно демократической теорией, между тоталитарной те-

орией, которая утверждает, что средства массовой информации могут все. Теория, которая была не просто компромиссом, а неким прорывом в понимании роли средства массовой информации. Два американских автора, МакКомбз и Шоу, авторы вот этой теории. Теория называется – теория повестки дня. В 70-е годы она была сформулирована как теория, а на практике прошла проверку в знаменитых американских выборах Картера и Рейгана. Картер был тогда действующим президентом в 80-м году, а Рейган был в Америке претендентом на президентское кресло, и различные опросы американских служб не могли предугадать, кто станет президентом. Было так называемое динамическое равновесие. Одни рейтинги предсказывали победу Картера, другие рейтинги предсказывали победу Рейгана. И это в общем-то неприятно для социологии, поскольку она придумала инструмент предсказания выборов. И вот получилось так, что когда прошли выборы и Рейган победил Картера на 10%, 51 на 41, то это стало скандалом для американской науки социологической. Для американцев социология это также как для бразильцев футбол. То есть, это их инструмент, это любимая национальная забава, всевозможные рейтинги. И как получилось, что они не смогли предсказать такой большой разрыв? Стали исследовать все это внимательно. И вот тут теория повестки дня, которая была сформулирована как гипотеза, она и пригодилась. Обнаружилось что за несколько дней до выборов, как раз в последние дни, средства массовой информации основное внимание уделили внешней политике. А точнее кризису с заложниками в Иране, который тогда в это время был. И параллельно когда спрашивали людей о том, почему они сделали тот или

иной выбор, как они голосовали между Картером и Рейганом, обнаружилось, что критерием выбора для американцев стала внешнеполитическая программа кандидата. Вообще это удивительно для американцев, потому что если кто-то в Америке был, или про Америку читал, то знает что Америка это такая страна, которая достаточно такая приземленная. Она привыкла думать о своем кошельке, о своих налогах, о том, что непосредственно касается каждого американца, а внешний мир американцев не очень интересует. Они считают, что Америка это центр земли, центр вселенной, и то, что происходит в непонятном Старом свете, что называется, это не интересно. Американские новости могут показывать какого-то бейсболиста 15 минут, который забил решающий мяч в каком-нибудь матче, и всего три секунды рассказать, что там русские запустили в космос ракету, или китайский лидер встретился с каким-нибудь иранским лидером, и так далее. Это все совершенно внешние вещи. И тут как бы внешняя политика, это удивительно, стала критерием выбора. Да, Рейган, претендент на кресло, он ставил внешнюю политику своим основным козырем. Он действительно выступал против Советского Союза, говорил о том, что это империя зла. А Картер повел себя так, как должен был повести себя нормальный американец. Он говорил про налоги, про сельское хозяйство, про социальные программы, и рассчитывал что это близко американца, и он поэтому победит. И вот репортажи СМИ о внешней политике сделали свое дело. Они превратили тему внешней политики в критерий выбора президента. И при этом нужно сказать, что Рейган не упоминался в СМИ чаще Картера. Наоборот, Картер, как действующий президент, упоминался больше. И таким образом теория повестки дня подтвердилась.

А формулируется она так. Средства массовой информации не в состоянии навязать обществу, публике ее реакцию «нравится – не нравится». «Да» или «нет» всегда человек говорит сам. Но вопрос, по которому он будет говорить «да» или «нет», как раз и навязывается средствами массовой информации. Средства массовой информации навязывают проблему. Не решение проблемы, не оценки, а именно проблему, которая будет считаться для данного человека, для данного общества самой важной. И вот здесь конечно открывается большой простор для манипуляций. И если мы вспомним наши выборы, такие решающие выборы 95 года, где были Ельцин и Зюганов, тоже получилось так. Американские консультанты за короткий период, они были приглашены в штаб, сумели объяснить разницу между повесткой дня, которая была сформирована на тот момент в 95 году и победной повесткой дня. Напомним, что в то время шла война в Чечне. При чем чаша весов склонилась уже в сторону России. Но это все равно было главной проблемой, которая волновала наше общество. И многие члены российского штаба, ельцинского штаба, думали, что показывая успехи войны в Чечне все больше и больше, они тем самым поднимают рейтинг Ельцина. Тем не менее, война сама по себе, и то, что Ельцин ее начал в свое время, было очень мощным негативным фактором. И если бы выборы превратились в референдум за войну в Чечне или против войны в Чечне, то победил бы Зюганов. И поэтому эту тему ни в коем случае нельзя было оставлять в повестке дня. Было предложено реставрировать старую тему, которая уже была в конце 80-х – начале 90-х, референдум советской власти «Вы за возвращение в Советский Союз или вы против»? Вы идете в некое

будущее, в котором Советского Союза нет. И тогда начались плакаты «Купи еды в последний раз», очереди советские, Сталин плохой и так далее. Все это нагнеталось всеми силами и люди постепенно на этом и сосредоточились. Зюганов воплощал собой прошлое, а Ельцин некое такое будущее. И вот при таком выборе, за будущее или за прошлое, у Ельцина появился шанс, и он его реализовал. Вот таким образом, только с помощью темы и основной проблемы можно совершить манипуляции. Я прекрасно помню то время, весной это, по-моему, было 95 года, Киселев тогда был, знаменитый ведущий, на НТВ, буквально три секунды посвятил такому событию, войны в Чечне: «Сегодня наши войска взяли Бамут». И все. Несколько месяцев назад это было бы на неделю рассказов, потому что это крупнейшая важная точка. Взятием Бамута в свое время генерал Ермолов заканчивал Кавказскую войну. И тут тема, даже успехи, были вытеснены с повестки дня. Этот момент очень важно понять, что отрицательные и положительные сюжеты одинаково разогревают ту или иную повестку дня. Вот, чтобы было еще более понятно, возьмем простой пример, все, наверное, видели, ток-шоу Соловьева «К барьеру». И вот с одной стороны, скажем, один политик, с другой – другой политик, находятся. Один политик говорит, что, я, например, за смертную казнь по наркотикам, за распространение. А другой говорит, что он вообще за легализацию наркотиков. Мы видим две совершенно крайние позиции. И человек, зритель, может выбрать между этими двумя позициями. А может еще что-то свое сформулировать, посерединке. Присоединиться к любому мнению или даже сделать что-то свое. Соловьев как автор шоу может сказать: «Ребята, по-

смотрите какой я свободный независимый журналист. Я дал и этому высказаться, и этому. Две самых противоположных крайностей. Если бы я был старый тоталитарный журналист, который из Советского Союза или еще откуда-то, то я бы привел вам кого-то одного и навязывал, и навязывал точку зрения. А я, видите, привел двоих и ничего вам не навязываю». Получается что свободные СМИ, нет никакой манипуляции. На самом деле манипуляция есть. Манипуляция состоит в том, что данная программа посвящена теме наркотиков, а, например, не демонетизации льгот или не теме алкоголизма. Никакой другой теме. А выносит в повестку дня именно этот вопрос. На этом строятся масса всяких манипуляций, и не только в России. Соловьева я привел просто в пример, которого вы просто все видели. А точно также на Западе средства массовой информации выдают себя за свободные СМИ. Я бы всем порекомендовал, найдите, кто интересуется, книгу Миронова, называется «Раздувай и властвуй». Миронов это не тот, который у нас возглавляет «Справедливую Россию», а бывший спичрайтер Ельцина и Путина. Он написал эту книгу. Книгу он написал на примере французских средств массовой информации и на примере американских средств массовой информации, где очень четко показал, как ведущие американские и французские газеты в президентских выборах очень четко поддерживают определенного претендента. У них есть четкая позиция, что они поддерживают данного претендента, и работают против другого. Нет там никакой независимости, или каких-то колебаний. Ведь коллектив прекрасно знает, на кого он работает. Но при этом все делается настолько тонко, при этом в газетах появляется и один кандидат,

и другой кандидат, и третий, и все имеет видимость полной свободы прессы. Как это осуществляется? Да вот именно с помощью использования теории повестки дня. С помощью того, что под кого-то формируются выгодные ему темы, или не выгодные ему темы. Будоражится та или иная проблема, либо она не будоражится, а наоборот засоряется и замуровывается. Вот простой пример. У нас часто на выборах несчастных бедных журналистов заставляют наши партийные или чиновничьи деятели, или кандидаты, публиковать свои программы, и считают, что это у них работает. В книге есть такой потрясающий пример, определенная газета опубликовала программу кандидата. Что скажет наш любой человек? Раз она опубликовала его программу, значит, скорее всего, она его и поддерживает. А на самом деле, она его как раз не поддерживает, она работает против него. Казалось бы, почему? Давайте просто подумаем. Вот кто-нибудь из нас хоть раз в жизни читал вообще программу огромную, целый кирпич, напечатанную в какой-то газете? Никогда мы это не прочитаем. Вот также эта газета, она специально создала видимость, что она опубликовала чью-то программу и на этом, так сказать, отметилась. Что вот видите, к нам вопросов нет, мы кандидата данного заметили. А вот по отношению к кандидату, которого она поддерживает, она уже ведет себя совершенно по-другому. Заранее, за несколько месяцев до выборов, специально разогреваются те или иные темы, которые будут центральными в программе данного кандидата. Темы разогреваются, становятся важными для публики, а потом кандидат приходит и отвечает на те вопросы, которые уже людей волнуют. И получается, что один получает формальный кирпич,

бюрократический, а другой отвечает на вопросы, волнующие избирателей. За кого, спрашивается, газета? И вот таких приемов и приемчиков в книге Миронова достаточно много, и можно их почитать. Очень много примеров того как в выборах или в различных информационных кампаниях, люди, не понимая теорию повестки дня, изначально находясь в выигрышном положении, проигрывают. И наоборот, люди, которые понимают теорию повестки дня, находясь в проигрышном положении, может быть, или неблагоприятном, потом выигрывали.

Главное, что нужно понять, это, что для оппонента губительнее всего молчание по поводу его тем. Не критика, а именно молчание. Простой пример связанный с выборами, которые были в Украине, выборы президентские, когда Ющенко с Януковичем боролись. Все средства массовой информации были на стороне Януковича. Один только Пятый канал был у Ющенко, один против нескольких главных телеканалов. Как умудрился Янукович, владея всеми СМИ, проиграть выборы? А очень просто. Каждую инициативу, которую подавал Ющенко, эти средства массовой информации, януковичевские, критиковали. Выступает Ющенко что нужно поднять пенсии. А януковичевские СМИ кричат: «Ха-ха-ха, Ющенко популист, пенсии обещает поднять. А где он денег возьмет?» И так далее. Как воспринимает все это бабушка? Она слово популист не знает, а что он пенсии собрался поднять, она услышала. Кроме того, все время Ющенко назывался оппозицией. А поскольку власть была не очень любима в Украине, то все понимали, кто является главной оппозицией. Не множество разных каких-то оппозиционеров, а вот

главный лидер оппозиции Ющенко. Сами из него делали некую центральную фигуру. И на выборах такие вещи, такие ошибки происходят сплошь и рядом. Что нужно было делать, если владеешь теорией повестки дня? Вообще не показывать данного персонажа, ни с критической, ни с позитивной стороны, так чтобы он не присутствовал в повестке дня. Или показывать много других персонажей. Потому что одним из важных таких моментов в теории повестки дня, что событие уничтожается не его отрицанием, а событие уничтожается его удвоением, утроением, удесятирением, то есть, когда оно теряет свою некую эксклюзивность. Когда событие какое-либо затеняется другим событием, которое находится рядом, более ярким. То есть, неким информационным мусором, условно говоря. Вот этот информационный мусор, если бы он сбивал каждый раз тему нашего соперника, он бы не вывел его тему в повестку дня. Критический сюжет наоборот добавлял ему популярность.

Можно вообще победить, или получить эффект известности только на одних отрицательных примерах. Приведу случай, который со мной был. Когда я переехал в 1999 году жить в Москву, и шел по Пушкинской площади, на меня налетел старый дед, который сунул мне брошюру и сказал, что он работает каким-то доктором, профессором архивоведения, и он специально написал брошюру против лжеученых лжеисториков Носовского и Фоменко. Я говорю: «Кто такие эти Носовский и Фоменко? Я даже их не знаю, не слышал». То есть, впервые я услышал о Носовском и Фоменко исключительно с критической точки зрения, и мне даже дали про них брошюры. Я посмотрел, прочитал, смотрю вроде, что-то аргументировано критикует. После

этого я еще тысячу раз слышал про этих людей. Видел какие-то фильмы, которые про них были. Видел публикации. Практически все они были отрицательными. Все говорили, что это лжеисторики, лжеученые и не нужно их читать. Но, в итоге, в году уже в 2005, мне нужно было ехать в командировку во Владимир, на автовокзале случайно я увидел книгу Носовского и Фоменко, а у меня в это время нечего было читать. Я подумал, о, куплю, посмотрю, что это за клоуны, что за фрукты такие. И все равно ее купил! Почему это происходит? Потому что чем больше происходит публикаций за какой-то феномен, против какого-то феномена, даже если не будет «за», а только «против», возникает некая такая аура вокруг какого-то феномена, то человек начинает думать «я сам решу, я сам хочу принять решение, я сам хочу на это посмотреть и оценить. И уже сказать, что я так-то и так-то считаю». Вот этот эффект «сам решу» в итоге и возникает. Да, люди покупают в итоге книжку, читают ее, плюются, говорят, что да, тут все неправильно. Иисус Христос и Чингисхан это один и тот же человек, это ерунда какая-то. Потом это пишут в том же интернете, в блогах, говорят кому-то. Люди думают: «Интересно, что это за такие фрукты?», и потом идут и покупают эту книгу. То есть, только на одной отрицательной рекламе можно продавать свой товар. А когда есть столкновение мнений, то тем более, тут народ просто валом идет. Выходит фильм, например, «Код Да Винчи». Выступает церковная сторона, которая говорит, что очень много богословских ошибок в фильме, что это кощунственный фильм и так далее. Тут же выступает другая сторона, которые говорят что классный фильм, что церковники ничего не понимают, что они вечно дог-

матики. И начинается страшная полемика. И вот сидим мы, и нам хочется поучаствовать в этой бурной дискуссии, а мы фильма не видели. И вот, если ты хочешь быть в теме – пойди и посмотри фильм. Придется идти фильм смотреть или книжку читать и уже на равных участвовать в дискуссии, потому что никому не хочется быть за бортом, каждый думает «я сам решу». И вот именно такое столкновение, оно выводит вещь в повестку дня. Поэтому очень часто в средствах массовой информации, в какой-то рекламе, или в информационных войнах, сюжеты, или публикации, или какие-то вещи строятся так, чтобы намеренно спровоцировать на критику. Специально допускаются какие-то ошибки, специально закладываются какие-то мины, которые можно будет потом какому-то читателю обнаружить и сказать: «Ааа! Я вот прочитал! У них там то-то правильно или не правильно. За ними что-то стоит, или какой-то секрет есть». Вот эти специальные намеренные подставы, которые очень часто используются. Приведу пример из выборной кампании. Когда мы для одной партии в регионе, для региональной партии, придумали такую штуку. У них была программа, чтобы возвратилась смертная казнь. В регионе была большая преступность. И вот, за смертную казнь против преступности. У нас же мораторий действует. И в качестве акции была придумана, так называемая, «машина смерти». То есть, ездил грузовая машина, на ней стояла клетка, там сидел артист переодетый в преступника. Такое шоу. Он ездил по различным городам и районам. А из машины был такой динамик, который рассказывал статистику преступлений, сколько маньяков у нас казни дожидается, сколько они народу убили, и сколько на их содержание денег

уходит из бюджета. И что нужно вернуть смертную казнь, что преступность растет в результате отмены смертной казни. Была такая статистика, а машина должна была привлечь внимание. Машина ездила, все хорошо работало. А как средства массовой информации это показали? Они знают, что это акция определенной партии. Они говорят: «А ну-ка, деньги нам платите, и тогда мы вас покажем». Денег им платить никто не собирался, и поэтому эту машину никто и не показывал. И тогда придумали тему, что машина попала в аварию. Где-то там ехала, с ней кто-то там столкнулся, и что-то там с ней случилось. И тут же выдали это в информационное агентство. Это было воспринято как курьез. Рекламная кампания такой-то партии захлебнулась из-за того, что там авария. И пришлось, собственно, журналистам, для того чтобы посмеяться над акцией, рассказать и про партию, и про акцию и про все остальное. А люди уже соответственно услышали, машина была показана, и многие просто посмотрели, смешки пропустили мимо ушей, а про то, что есть некая партия, которая требует возвращения смертной казни, они услышали и сказали, что, да, так и нужно. И потом уже шли голосовать. Точно так же как те люди, которые нашли 200 богословских ошибок в «Коде Да Винчи», написали 200 статей на эту тему, они по сути дела спровоцировали только поднятие этой темы в повестку дня.

Как выглядит в средствах массовой информации такая пищевая цепочка, как информация вообще гуляет? Начинается все с информационного агентства и интернета, потому что это наиболее быстрое средство массовой информации, попадает все в него и первые новости появляются там. Далее по мобильности идет радио, которое может

быстро снять новости с ленты информационного агентства, снять информацию и протранслировать в эфир. Вечером новостные телеканалы идут, на следующий день уже газеты рассказывают о событии, и уже через неделю, через месяц журналы идут. Наиболее подробные, наиболее громоздкие. То есть вот так выглядит цепочка.

Отсюда понятно, что информационное агентство может очень серьезно влиять, и вообще интернет, на повестку дня. Вот говорят, интернет, пользуется им всего лишь треть или четверть, или даже пятая часть жителей России. Поэтому это не очень важное СМИ. Вот телевизор то ли дело! На самом деле, в интернете сидят именно те, кто потом будет транслировать новости и по телевизору, и по радио и по газетам. То есть, в интернете сидят все журналисты. И если в интернете сложилась картина искаженная, искажающая реальность, то они эту искаженную картину будут транслировать и дальше. Поэтому очень важно захватить интернет-пространство. Кстати, в той же Украине, еще при первом майдане, Ющенко это четко понимал, и интернет-пространство было полностью за него. Поэтому искаженная картина формировалась и у януковичевских журналистов. И они не понимали, что нужно показывать, что не нужно показывать, на какие аргументы надо отвечать, на какие не надо. И также у членов штабов и других людей. Так вот, информационное агентство уже имеет возможность тасовать так или иначе повестку дня. Например, для того, чтобы тему повестки дня расширить, ее, во-первых, ставят на первое место. Во-вторых, ей уделяют больше времени по сюжету. Если это в новостях идет, то не одну минуту, а пять минут. В-третьих, к ней пристегивают известных лично-

стей и людей. Например, там какой-то известный политик, президент или премьер-министр, депутат, министр, прокомментировал что-то связанное с этим событием. Это уже повышает ценность события. Можно какие-то еще досъемки, синхроны поднять к этому всему, добавить. То есть, событие как бы пролонгировать. Если хочешь, чтобы событие пробыло дольше, убери все другие события, которые в этот день произошли, и оставь это центральным. Если хочешь, чтобы событие играло дольше, на следующий день посвяти ему еще очередной сюжет. Третий день, четвертый день. То есть делай такую длинную историю, чтобы она играла без конца. Но в новых красках и новых подробностях. И наоборот, если ты хочешь, чтобы событие было забыто, то удели ему мало времени, сделай на фоне него другие события, информационный мусор какой-то подключи. Не делай продолжение на следующий день. Все, было и прошло. Или замусориваем какими-то следующими событиями. Если ты хочешь продлевать события, то здесь, я уже говорил, важное понятие, спин, то есть поворот темы. Ты не можешь показывать каждый день одно и то же, нужно каждый раз придавать теме поворот. Новых каких-то людей подключать в эту тему, новые последствия этого события. Или наоборот закулисную историю этого события показать. И так далее, и так далее. То есть каждый раз в костер внимания должно добавляться новое полено.

Что еще важно в повестке, чтобы мы понимали. Не всегда информационные агентства являются теми, кто формирует повестку дня. Очень часто для малых средств массовой информации повестку дня формируют главные и крупные средства массовой информации. Ну, например, если «Аргументы и факты», «Ведомости» или «Коммерсант»

или РИА «Новости», и так далее, наши первые величины в газетном мире, или в интернет-мире, или Первый канал, канал «Россия», показывают какое-то событие, то оно автоматически будет в повестке дня, потому что его увидели или услышали миллионы людей. Для маленького средства массовой информации это сигнал, что если ты хочешь быть интересным, продавать в своем маленьком районе, в своем маленьком городке свою газету, то ты должен писать о том, что волнует всех. Представляете, все говорят, например, о терроризме, а ты берешь и рассказываешь про то, как нужно огурцы сажать. И получается, что ты немножко не в теме, не попадаешь. Ты вынужден, может тебе это даже не интересно, тоже говорить о терроризме, чтобы поддерживать эту общую штуку. Тем самым, работая на себя, опять же поддерживаешь общую повестку дня. То есть, здесь получается рефлексивный замкнутый круг. Если кто-то ведет Живой Журнал, то тоже может заметить... Вот с точки зрения интересности материала я могу размещать что-то, и оно вызывает какой-то отклик, сколько-то комментариев, десять, двадцать, пятьдесят, сто. При этом иногда материал может быть совершенно неинтересным, но если он является актуальным, в данный момент люди обсуждают примерно то же самое, то он вызывает бурю комментариев. Если материал интересный, но он расходится с повесткой дня, все обсуждают чемпионат мира по футболу, а я сейчас написал что-то про историю, что-то про инновации и так далее, то это вызовет ноль эмоций. Но когда все будут обсуждать Сколково или еще что-то такое, если я напишу про чемпионат мира по футболу, то же будет ноль эмоций. Когда ты пишешь о чем-то актуальном, что в данный день обсуждается,

оно рикошетом придает актуальности тому, что ты пишешь. Получается, что журналисты следят друг за другом, следят за китами, следят за информационными агентствами и вот таким образом формируется повестка дня.

Возникает вопрос, а откуда эти информационные агентства и киты берут повестку дня? Откуда они решают, что должно стать новостью, а что не должно стать новостью? Есть такая байка, миф такой, о том, что сидит всемогущая Администрация Президента, или Кремль, или лично Путин, и диктуют журналистам как нужно им писать и что им нужно делать. На самом деле это полная ерунда, потому что, чтобы следить за всеми журналистами, нужен точно такой же огромный аппарат, над каждым ставить чиновника, чтобы следить за его работой. А над каждым чиновником еще чиновников, чтобы их контролировали, а над теми еще, и так до бесконечности. На самом деле журналисты, что называется, контролируют сами себя, у них есть просто в голове определенный профессиональный стандарт отбора новостей. Что должно стать новостью, что должно войти в повестку дня, а что не должно войти в повестку дня. Вот это есть у каждого журналиста в голове, проинсталлировано туда, как Windows в компьютер проинсталлирован, так и здесь профессиональный стандарт. В этом собственно и заключается журналистский профессионализм, понимать, что является новостью, что интересно публике, что неинтересно, и уметь это интересно подать. Стандарты профессиональные могут очень сильно различаться. Скажем в СССР, в советской журналистике были определенные четкие стандарты, которые говорили о том, что первой новостью всегда должно идти какое-то крупное

всемирно-историческое событие, связанное с СССР на международной арене. Вот запустили мы космический корабль, или встретился Леонид Ильич Брежнев с китайским руководителем, или с монгольским товарищем Цеденбалом или еще с кем-то. И вот это есть главная вещь. Потом идут какие-то внутривластные дела, потом показывают передовиков производства, какая-то важная проблема, уборочная страда какая-то, или новая тонна металла, или пущен какой-то завод или цех где-то. И уже на закусочку в конце идут какие-то проблемы, которые у нас есть. Вот в таком то городе снег не убирают, нерадивые начальники и так далее. При этом проблема не обязательно могла быть возникшей только вчера. Проблема могла быть застарелая, сюжет могли снять еще, что называется, прошлой зимой. Он провалился и его показывают. Собственно, новостями были первые две новости, не больше. Всевозможные техногенные катастрофы не показывали. Какой смысл показывать, что у нас что-то может взорваться или самолет может у нас упасть. Не показывали природные бедствия. Хотя с природными бедствиями особый такой пример, когда к ним были готовы, вся страна начинала что-то восстанавливать, после землетрясения, например, в Армении. Вот все показывали. Какой массовый энтузиазм, как разные республики приходят на помощь друг другу. То есть, имеет такое воспитательное значение, это землетрясение. Вот был определенный стандарт. И был свой профессионализм у журналистов. Нужно было журналистам иногда показывать и рассказывать о таких вещах, которые, в общем-то, были обычными, злободневными. Вот хлеб убирают, вот металл какой-то коуют, вот учительница какая-то детей учит. А вот сделать

это интересным для публики – собственно в этом и было журналистское мастерство. Приходит письмом в редакцию к какому-нибудь журналисту, и там написано что, например, учительница получает маленькую зарплату. И вот он едет туда к ней, это называется командировка по тревожному письму. Приезжает, общается с этой учительницей, смотрит там, как она живет, какие у нее дети, какие у нее куры, какие коровы и так далее. Смотрит и думает, как же можно из этого всего сделать хоть какую-то фитюльку, чтоб какую-то интригу и так далее. И вот там выясняется, что папа у нее погиб на войне, она была беспризорницей или еще что то такое. А вот там какие-то злые люди ей оказывается не объяснили, что можно повесить себе какой-нибудь преподавательский класс и тогда бы она больше получала, или еще что-то. И вот он уже создает какую-то интригу, какую-то статью, приезжает и делает какой-то исторический очерк или проблемный материал, из казалось бы совершенно обычного эпизода. И в этом считалось мастерство.

Поэтому старые советские журналисты на нынешних журналистов смотрят с нескрываемым презрением и говорят: «Что это за люди такие, которые облегчают себе работу. Вот где-то что-то взорвалось, кровяца кругом, трупы, головы оторванные и они это показывают. Извините, это любой дурак может показать. А вы вот бабушку покажите, чтобы все смотрели, и было это приколом. Почему вы, собственно, свою работу не делаете, пренебрегаете? Просто ищете, что и так торчит, что и так является таким ярким».

И наоборот, нынешний журналист смотрит на советских с презрением, и говорит: «Вы новостями не занимаетесь. Где-то еще не успело голову ото-

рвать, а мы уже на месте. Мы даже раньше, чем успело голову оторвать. И мы умеем делать быстро, мобильно, перекачивать все это в интернет, тут же все это выдавать, комментировать. А вы сидели по два-три месяца корпели над каким-то очерком про учительницу. По два, по три месяца сидели, еще с водочкой. Один несчастный какой-нибудь очерк в неделю в газету. Совсем не профессионалы». Вот такой конфликт у поколений журналистов существует.

Откуда взялись новые профессиональные стандарты у журналистов? Кто их научил? Вроде бы советских журналистов советские вузы учили. А вот на самом деле, в 90-е годы практически все журналисты нашей необъятной Родины прошли через семинары различных организаций. Одной из самых ярких, была организация «Интерньюз». Были еще и такие, как «Фонд свободной прессы», еще какие-то были организации, которые специально обучали журналистов стандартам их новой профессиональной деятельности. Приезжали различные звезды из Америки, из Англии, отставные, как правило, журналисты, которые как мастера рассказывали как нужно, собственно говоря, жить и работать. И вот они и внушили практически всем нашим журналистам, а я мало знаю тех, кто не прошел через эти семинары из того поколения, новый профессиональный стандарт. Именно они инсталлировали им в голову то, как нужно отбирать новости, что нужно делать. Что происходило на этих семинарах? Вот, например, один был такой известный телеведущий, вел в Екатеринбурге семинар, я помню этот эпизод, с которого он начал. Он задал загадку такую телевизионщикам. Представьте себе, что где-то в Швеции существует телеканал, кото-

рый узнал о крупных злоупотреблениях военных, министром обороны или еще кем-то, и министр обороны тоже узнал о том, что телеканал знает. И звонит главному редактору этого телеканала, и говорит, что это все связано с национальной безопасностью, что нельзя вам показывать этот сюжет. Потому что это же область военная, смотрите не делайте этого. И он задает загадку: «Ну, товарищи журналисты, скажите, покажут или не покажут они сюжет про министра обороны?» И вот журналисты начинают спорить. «Покажут, они же там свободные СМИ», – говорят одни. Другие говорят: «Наверное, не покажут. Все-таки оборона и так далее». Чувствуют, что здесь есть какая-то подковырка, и если просто сказать, что покажут, это, наверное, не совсем будет правильно. В общем, спорят все. И вот он торжествующе говорит: «Не правы ни те, ни другие». Первым сюжетом будет то, что министр обороны позвонил на телеканал и пытался воздействовать на мнение журналиста. Вот видите, какая у них свободная пресса. У них никто не смеет вот так вот звонить. А если позвонят, это будет главным событием. А вот про злоупотребления в министерстве обороны это будет только второй сюжет. Из этого мораль какая вытекает? – говорит он. Первой новостью всегда и всюду должно быть то, что кто-то где-то ущемил права журналистов. Мы банда, – говорит он, – мы четвертая власть. Мы господа в этом мире. Если нам какой-то чиновник мешает, мы должны корочку ему прямо в нос сунуть, пинком открывать, заходить, снимать все что угодно и так далее. И не дай Бог нам кто-то будет препятствовать в нашей деятельности. Мы проникаем всюду, мы везде вхожи, мы вездеходы, мы самые главные в этом мире. Мы должны гордиться,

что мы журналисты». И вот идет такого рода на-
качка, которая сразу же застолбляет, устанавливает
такую вещь, что журналист, это та самая четвертая
власть, что это неприкасаемый, что он главнее всех
политиков, чиновников, кого угодно. Дальше лю-
дям рассказывают. Ваша профессия журналистов,
тех самых которые держатся всюду друг за друга
и всех побеждают, делать новости. Мы делаем но-
вости. Основная ваша задача делать новости. Вот
здесь я бы хотел сразу обратить внимание, уже и
в первом, и во втором случае, осуществляется ма-
нипуляция, а люди этого не замечают. А почему
решили, что миссия журналиста быть господином
всего и вся, везде ходить, и мы банда? А почему, на-
пример, не начать обучение с того что у журналиста
есть миссия, что он наоборот служит обществу? Что
он не командует всеми, не везде проходит, а что он
озвучивает проблемы какие-то, что он способствует
их решению? Или он какую-то информацию до-
носит. Ну, одним словом, он слуга общества, и он
должен исходя из каких-то моральных норм или
из чего-то, вот это вот служение исходить. Совер-
шенно понятно, что другой подход, нежели тот, что
мы самые главные, мы везде пройдем, и не смейте
нас задерживать. Второе, когда человек говорит,
что мы новости делаем. Что профессия журнали-
ста это делать новости. «Новости – наша профес-
сия!». Помните, на НТВ был лозунг, который везде
висел. Был у них основным. Или на Русской служ-
бе новостей: «Мы делаем новости». Отчего взяли,
что профессия журналиста именно новости? Но-
вости это такая интересная штука, это то, чего не
было, оно случилось и дальше его может опять не
быть. То есть это нечто не повседневное. То, что из
ряда вон выходит, что называется. А повседневная

жизнь, таким образом, вся оказывается за скобками журналистики. То есть, грубо говоря, у нас есть застаревшая проблема, например, пьянство на Руси последние полвека. От пьянства у нас умирают сотни тысяч людей. Только от одного бодяжного алкоголя умирает 40-50 тысяч человек в год, просто от отравлений фальсифицированным алкоголем. Это больше чем в Чечне погибло за две войны, это больше чем в Афганистане, это больше чем в Южной Осетии в войне. Но сколько вы видели репортажей про Чечню, про Южную Осетию, про все на свете, но вы не видели, я думаю, и сотой доли тех репортажей, которые посвящены суррогатному алкоголю. Да что-то показывали, в каких-то передачах мелькал, но как проблема, он не ощущается. А между прочим, 40-50 тысяч человек это население районного города, это больше чем в Южной Осетии вообще живет. И каждый год у нас такой город исчезает. Мы вот Южную Осетию отвоевали. А вот каждый год у нас исчезает по одному такому городу только по одной этой причине. А еще по другим причинам города исчезают на территории страны. И эта проблема не будет интересовать никаких журналистов, потому что она обычная. Что толку какого-то колдыря показывать. Ну напился он там, умер... Хотя на самом деле, если вдуматься, предупредить о том, что бывает фальсифицированная водка, чтобы люди ее не пили, что это опасно для здоровья – это вполне полезная вещь для общества. И в принципе журналист может принести ощутимую пользу. А то, что показывают, скажем, разбитый самолет, ну какая тут польза? Ну, упал самолет где-то в Перми. Зачем показывать его много дней? Родственники и так все знают, от МЧС. Для всех остальных это просто обычное любопытство,

праздное, когда люди любят посмотреть на кровь и на трупы. Просто, что называется зеваки, которые смотрят на чужую трагедию. Что воспитываем аэрофобию в людях, чтобы люди боялись летать? Да нет, нам этого тоже не нужно. А вот просто из принципа показывают, потому что это любопытное некое событие, техногенная катастрофа. И вот одни вещи попадают в повестку дня, другие не попадают. А просто потому, что упавший самолет это новость. Потому что он вчера не падал, а сегодня упал, и завтра не упадет. А алкоголь это не новость. И людям, собственно, объясняют, есть такое крылатое выражение среди журналистов, почерпнутое в 90-е годы среди этих профессиональных стандартов. «Новость это не когда собака укусила человека. Новость это когда человек укусил собаку». И в целом дается установка на такую экстремальность. Ну, подумаешь, собака укусила человека, каждый день их кусает, это нас не интересует. А вот когда человек укусил собаку, это интересно, это и маньяк какой-то, это и морозы под сорок градусов, это крушения корабля, это какое-нибудь землетрясение. Вот это все новости, это как раз мы и должны показывать. Таким образом, изначально дается установка на некий своего рода информационный мусор. То есть показывать те вещи, которые по большому счету не являются настоящими проблемами общества. Давать вот такой странный срез, не углубляясь в какие-то такие вещи.

Другая важная установка. Что является новостью? Новость это то, что кто-то хотел бы скрыть. Такая тоже есть установка. Кто этот кто-то, который хотел бы скрыть? Ну, как правило, власть. То есть, они у нас обычно виноваты во всем. Таким образом, журналистов изначально нацеливают на войну с властью. Ищите у чиновников, что они

хотят спрятать. Когда у журналистов инсталлированы вот эти профессиональные стандарты и они пришли с ними работать, они именно так и отбирают новость, они ищут что-то интересное и прочее. И когда эта бедная несчастная власть начинает им время от времени звонить... постоянно она звонить не может, я это уже говорил, у власти есть свои какие-то дела... и говорить, что вы тут понимаете, покажите какую-нибудь проблемную вещь, или зачем вы показали вот эту вот ерунду, она же вроде как не очень важная, журналисты говорят: «Ага! Вот она, тоталитарная, на нас давит, она нам оказывает сопротивление! А мы свободные!» и прочее. Какие же вы свободные, ребята? Вам только что всю голову, так сказать, разобрали на части, собрали заново, и заново весь механизм вставили. У вас там просто работает он как механизм, вам не нужно, чтобы из американского Вашингтонского обкома звонили и давали указания. У вас уже само все работает так, как они под это заточили. А вот когда вам пытаются этот механизм немножко поправить, что называется, исходя из интересов той страны, в которой вы в данный момент живете, вы начинаете сопротивляться и говорить, что это не свобода и так далее. Что на нас тут влияют, нас тут пытаются сбить с толку, на нас оказывают давление тоталитарные всевозможные власти. На самом деле нужно четко отдавать себе отчет, что есть одни профессиональные стандарты, есть другие профессиональные стандарты. Были советские, стандарты 90-х годов, и можно выработать совершенно другие профессиональные стандарты, которым настоящий журналист должен соответствовать.

Еще очень важное понятие, которое я бы отметил, это понятие информационного повода. Тоже

такая журналистская хитрость. Когда есть определенный бэкграунд, то есть некое содержание, которое нужно рассказать. Но для того, чтобы рассказать о чем то, нужно как раз сделать ту самую новость, то самое событие или поступок, чтобы можно было показать, и к чему можно было привязаться. В советской журналистике по ее стандартам никто этим не заморачивался. Есть проблема, выходили и говорили: «Вот, значит, в колхозе таком-то есть такая-то проблема и мы хотим ее показать и рассказать, и обращаемся к партии, чтобы она эту проблему решила». Все! Без всяких новостей и информационных поводов. Сейчас принято, из-за этого стандарта, что должна быть новость определенная. Сначала делается какое-то событие, которое как спичка зажигает бочку с порохом и взрывается некий бэкграунд, то есть журналист рассказывает о тех или иных событиях, которые к этому информационному поводу привязаны. Поэтому информационные кампании планируются, с привязкой к реперным точкам, это определенные информационные поводы.

Поэтому нужно конечно, зная все это, тут много еще можно рассказывать, смотреть внимательно, как осуществляется манипуляция, как меняется повестка дня, как те или иные темы входят в повестку дня, хотя они зачастую не являются критичными для людей. Вот некоторое время назад все были озабочены, так называемым, ментовским беспределом. Как началось это дело майора Евсюкова, который зашел в универсам, стал там всех стрелять, так с тех пор два года несчастные милиционеры были самые худшие люди. Ну хуже них вообще в природе нет. Когда случается какое-то преступление и нас с вами лично касается, мы не бежим к жур-

налистам, которые пишут против милиционеров, мы бежим в милицию жаловаться. А, тем не менее, уже дошло до того, что уже какие-то партизанские отряды стали в Приморье появляться и стрелять милиционеров, и все им рукоплещут. Точно такие же боевики в Чечне стреляли милиционеров... А в Приморье это герои, партизаны, которые борются с ментовским беспределом. Может тогда уже про боевиков в Чечне написать, что они борются с ментовским беспределом, и тогда их тоже все сразу же будут любить, раз общество готово к таким вещам? На само деле, статистика говорит о том, что у нас в стране идет неуклонное снижение преступности. В 2006 году у нас было 3,7 миллиона преступлений, в 2007 – 3,5, в 2008 – 3,1, в 2009 – 2,5 миллиона. Итак, за три года количество совершенных преступлений уменьшилось на 1,2 миллиона. При этом какие бы приписки ни были, какие бы там отказы брать заявления или еще какие-то разные вещи, они, кстати, были и в 90-е годы, и не три года назад появились отказы милиции возбуждать уголовное по мелким всяким заявлениям. У меня самого был такой случай, когда чемоданчик совершенно маленький украли из поезда. Я пришел, а мне говорят: «Ну не надо писать заявление, мы все равно его не найдем. Зачем нам статистику портить». Это было всегда. Но когда на миллион двести тысяч количество совершенных преступлений уменьшается за три года, это все-таки работа, и правоохранительных органов, и профилактики, и многих других силовых структур. То есть, в принципе есть за что похвалить того же Рашида Нургалиева. Общая раскрываемость преступлений, только за 2009 год поднялась на 2% и составила 56%. То есть более половины преступлений у нас вообще-то раскры-

вается. Это не самая лучшая раскрываемость. В советские времена у нас была раскрываемость и по 70%, и по 80%. Иногда и 100% раскрываемость преступлений была. Но это тоже лучше, чем раскрываемость предшествующих лет. То есть, люди в принципе нормально работают. Мы не будем говорить, что на одного Евсюкова, который кого-то расстреливал в универсаме, и на каких-то оборотней, которые у нас время от времени появляются, есть огромное количество милиционеров-героев, которые каждый день просто гибнут. И от бандитских пуль, и на том же самом Кавказе постоянно расстреливают их всевозможные боевики. Кто их показывает? Их никто не показывает. То есть люди работают, люди делают свое дело, тем не менее, повестка дня формируется определенным образом, то есть это явный признак, очень четкий, заказной кампании. И сейчас даже любое независимое СМИ работает в этом направлении... Не то что независимое, а любое СМИ которое не участвует ни за какие деньги ни в чем. Вот районная обычная газета. Вот сидит главный редактор, представьте себе, и вот он думает, о чем бы ему написать в следующем номере. И он хочешь, не хочешь, понимая, что если ты хочешь быть публике интересным, когда везде говорят про милиционеров-оборотней, или еще про что-то, пиши про милицию. Иди в свой отдел, найди там какие-нибудь злоупотребления, напиши про них, и ты будешь в общей теме. И таким образом, как снежный ком, тема наворачивает сама себя. То есть, этому бедному несчастному редактору районной газеты никто не платит, никто ему не звонит и не говорит, что он участвует в кампании. Он совершенно искренне, исходя из журналистского своего долга, просто делает то, что находится в общей

повестке дня и сам вытаскивает те темы, которые нужны. Вот так это все работает. Поэтому внимательнее нужно ко всем этим вещам относиться и очень четко отличать медийную повестку, информационную повестку, которая часто используется для информационной войны, которая нагнетает определенные настроения, определенные проблемы у нас, и то, что является настоящими проблемами в обществе. Зачастую это как черное и белое, совершенно разные вещи.

Вот все что я хотел сказать на сегодня. Подробнее обо всем этом вы можете прочитать в книге «Уши машут ослом. Сумма политехнологий». Следующая лекция у нас будет посвящена организации событий и информационных кампаний.

Часть 5

Организация информационных кампаний

Здравствуйтесь. Сегодня у нас пятая лекция из серии лекций, посвященной информационным войнам. И сегодняшняя лекция посвящена такому вопросу как организация событий, организация поступков, организация тех информационных поводов, точек, вокруг которых развивается любая стратегия, вокруг которых развивается любая информационная кампания, которая является единицей информационной войны.

Почему именно событие и поступок? Корни выделения события и поступка, как главного элемента некоего действия уходят еще в глубокую древность. Был такой знаменитый философ Аристотель, который анализируя драму, анализируя трагедию, специально останавливается на этом вопросе и говорит о том, что только невежды считают, что главное в драме, художественном произведении это некая информация, это характеры героев, тогда как на самом деле главное в драме, любой стратегии, разворачивающемся действии – это само действие, сами поступки этих героев. Поэтому он говорит, что плохие драмы они очень долго описывают характер того или иного персонажа, рассказывают о том, что происходит, кто хороший, кто плохой, что он сделал, зачем он это сделал, и дает массу всякой информации. А настоящая хорошая драма всегда

состоит из, собственно, неких поступков, в которых сразу же характер героя и определяется. И мы сегодня можем увидеть, что телесериалы, например, в которых постоянно один и тот же кадр, где сидят две какие-нибудь тетки, какая-нибудь Мария Лопес, или еще какая-нибудь рабыня Изаура, и между собой о чем-то говорят, говорят. Потом меняются персонажи при той же декорации, и они опять выясняют какие-то отношения, рассказывают какие-то сплетни, что кто-то у кого-то умер, родился, кто-то что-то сделал. И если все это смотреть, не зная языка, то вообще не понимаешь, один и тот же кадр, и о чем они говорят совершенно непонятно. И есть, с другой стороны боевики, где чистый экшн, где, даже если ты не знаешь языка, тебе совершенно все понятно становится. Вот работа именно на этот видео-нарратив. То есть идеальные фильмы, великие самые фильмы, это были фильмы немного кино. Когда собственно, не было никаких слов, поэтому сюжет был совершенно понятен. Музыка играла, и все было понятно. Вот экшн, драма, поступки, действия, это как раз и есть тот ресурс, который как используется и в организации стратегии информационных войн, хотя они называются информационными. Казалось бы, здесь главное информация, но на самом деле, в том числе это различие между рекламой и пиаром, тоже в этом же состоит. Реклама это некая подача информации. Листовку я написал, дал, или в газете что-то там написал, или ролик по телевизору, или аудиоролик, где-то его разместил. Вот это реклама. А когда организовано какое-то событие, про которое сами напишут уже другие люди, это собственно занятие связями с общественностью, это уже инструмент из арсенала пиара. И вот, поэтому, прежде всего поступки и со-

бытия, и именно эти вещи нужно учиться делать, организовывать. И вот именно об этом мы сегодня поговорим.

Конечно, безусловно, есть поступки, которые связаны со словами. Есть так называемые перформативные выражения в языке, которые сами по себе являются поступками. Скажем, есть лист бумаги, и есть слово «бумага». Это две разные вещи. Слово это одно, а лист бумаги это другое. А есть такие слова, которые сами обозначают то, что они и делают, они неотделимы друг от друга. Когда я, например, говорю «я дарю вам этот предмет», то слово «дарю» само в себе и заключает то действие, которое им и производится. Не существует подарка отдельно, а слово «дарю» отдельно. Именно когда я говорю «дарю» происходит акт дарения. Точно также, когда я говорю «приказываю», слово автоматически придает вес тем словам, которыми приказываю. Когда я обещаю, что-то в момент моего обещания происходит действие «обещание». Оно неотделимо от чего-то другого, не существует какого-то отдельно психологического акта обещания. И таких слов достаточно много. Присяги разные, учреждение какого-нибудь события, памятника. Так вот, естественно, когда слова такого рода нашими политиками, деятелями произносятся, или вокруг перформативов строится какое-то событие, то, несмотря на то, что это слова, перформативы тоже являются словами, они являются событиями и поступками. Вот эти события и поступки надо режиссировать. Но когда у нас наши организаторы с опытом начинают организовывать какие-то события, поступки, то они делают все максимально заорганизовано. Они все делают, что называется, на пятерочку. А когда делаешь на пятерочку,

то события становятся слишком хорошим для того, чтобы о нем кто-то что-то говорил и что-то писал. Вот пример, который я привожу и в своих книгах, и который, наверное, многие знают, читали в интернете, знаменитый лужковский «Конгресс соотечественников». Мероприятие, которое должно было быть организовано очень хорошо. Собрали в лучшем концертном зале Москвы, пригласили соотечественников, там бюрократы суетились, и они сделали событие похожее на вручение Оскаров, то есть всем деятелям в России и за рубежом вручали там разные статуэтки. Так вот если бы не ряд случайностей, когда там потеряли конверты, когда сломалась аппаратура, которая показывала фильмы, когда рояль провалился прямо на сцене, то про это событие никто бы никогда не написал и не узнал. Но вот эти провалившиеся рояли, потерявшиеся конверты, сбившиеся камеры какие-то, то, что Лужков вышел на сцену, и ему пришлось петь песню, чтобы заполнить паузу, вот эти все вещи дали огромный толчок для дискуссий. Весь интернет наполнился отзывами. Потом блогер Антон Носик получил письмо от своего немецкого друга, который рассказал об этих всех приключениях. Письмо было скопировано миллионными тиражами, разошлось по интернету. А потом даже газета «Комсомольская правда» посвятила целый огромный разворот и перепечатала эту статью, ну естественно совершенно бесплатно. Так вот, сколько бы понадобилось публикаций, сколько бы денег нужно было затратить на какие-то платные публикации, рассказывающие о скучном мероприятии, и сколько было получено совершенно бесплатных публикаций, информационных поводов об этом конгрессе? И при этом не надо думать, что слава была очень плохой. Наоборот, Лужков там выступил

пил как герой, человек который взял все на себя в итоге и исправил ситуацию. Никто не мог бы его упрекнуть в том, что он плохо сделал, организовал. При этом конечно не надо злоупотреблять чистым эпатажем. Есть много способов привлечь к себе внимание, к событию, но все равно определенная информация должна быть. Нет ничего проще, чем завтра выйти на Красную площадь, облить себя бензином или снять штаны, и все журналисты мира будут возле тебя. Они будут совать тебе микрофоны, говорить там что-то, «не поджигай себя или надень штаны». В общем, ты привлечешь к себе внимание. Но ты должен после этого что-то сказать или что-то сделать, привлечь внимание к чему-то другому. Ты всего лишь знак какого-то другого события. Если у тебя нечего сказать, если у тебя нет такой вещи, которая бы отвлекла внимание людей от того, что ты штаны снял, а привлекал внимание к тому, что ты говоришь или что ты показываешь, или что ты демонстрируешь, к какому-то более великому феномену, то тогда кончится все тем, что ты просто станешь клоуном, который привлек внимание, но ничего больше не сделал, не воспользовался. А у тебя есть, как говорил Энди Уорхол, всего «одна минута славы» в этой жизни. Ты эту минуту, считай, просто пропустил. Конечно, может быть, наши медиа, мир, пощедрее. Кому-то он дает и две минуты, и три. Но может получиться так, как в сказке известной Толстого: «Волки, волки!». Ты десять раз зовешь людей, потому что волки прибежали, а когда ты одиннадцатый раз позовешь их, когда волки придут действительно, к тебе никто не придет. И нужно всегда иметь в виду, что не надо злоупотреблять привлечением к себе внимания. Только действительно в тех случаях, когда это будет необходимо.

При этом опять-таки, возвращаясь к тому, что всегда нужно режиссировать какое-то событие, придумывать какой-то поступок, иметь ввиду, что он все-таки должен быть резким. Он должен быть, как я говорю, шершавым. То есть он должен цепляться и цеплять других. Известный анекдот есть у пиарщиков: «У Миронова, председателя Совета Федерации, пиарщики думают, что же с ними сделать. Как же сделать ему такой хороший имидж? И вот кто-то предлагает: «А почему бы Миронову не пройтись голым по Тверской и нести плакат за сексуальную свободу. Придумали, отнесли помощнику. Помощник говорит: «Ну, вы знаете, идея хорошая, действительно привлечет внимание, но зачем голым ему идти? Пускай он будет просто в трусах. В конце концов ничего страшного». Пиарщики согласились. Действительно. Пришли к следующему помощнику: «Ну что, в общем, идея неплохая, только почему за сексуальную свободу выступать? Может быть, там вообще за свободу или за любовь, или еще за что-то такое?». В общем, конец анекдота такой: Миронов на очередном заседании Совета Федерации выступил с репликой по поводу проблем молодежи. Все».

То есть, вот так убивается идея бюрократией. Какую бы ты интересную вещь не принес, которая будет распространяться, бюрократия ее так причешет, так выковыряет весь изюм из булок, что эту булку потом будет есть невозможно. Еще раз повторяю, в одной из лекций я это говорил, что на мозговом штурме, где придумываются различные события, нужно принимать те идеи, которые вызывают наибольшее оживление, а не те с которыми все согласилось. Если все согласилось, это значит, что идея мертва, это значит, что изюм из булки вы-

ковырян. Поэтому и в организации событий то же самое, нужно исходить не из принципа, чтобы все было тип-топ, чтобы комар носа не подточил, чтобы было все заорганизовано, а исходить из принципа тят-ляп. То есть, пусть будут где-то недоработки, пусть будет где-то что-то недоделано. Можно где-то там специально подставиться, можно специально организовать какую-то неловкую паузу, какой-то кризис, какую-то вещь, которая вызовет некое напряжение, приключение для всех участников событий. А потом самим же и запланировать, как это победить, что называется, как из этой ситуации выйти. Пример еще, отрицательный, но зато из жизни. Пару лет назад группа женщин-энтузиасток, очень хороших, решила провести второй в истории России съезд женщин. Первый был сто лет назад, а второй хотели провести сейчас, через сто лет. Уже само по себе событие должно быть освящено всеми. Они договорились с Колонным залом Дома Союзов, то есть центральная, что называется, площадка для всяких съездов наших. Они начали организацию, они провели огромную работу по всем женским организациям. Связались с регионами, чтобы они посылали делегатов. Много-много всего сделали. И вот обсуждали вопрос о том, что там на этом съезде нужно говорить. Я посоветовал им, говорю: «Перестаньте говорить эту традиционную феминистскую тематику, что вот мы женщины, у нас есть свои проблемы, свои права и так далее. Во-первых, это уже не модно, не интересно. Во-вторых, не конструктивно. У автомобилистов свои проблемы, у женщин свои проблемы, у пенсионеров свои проблемы, еще у кого-то. То есть вы растаскиваете, как бы страну, и каждый тянет на себя. Вы лучше дайте женский взгляд на общие проблемы страны.

Вот есть некие проблемы в стране, общие для всех. Мужчины видят так, а женщины видят эти проблемы по-другому и у них рейтинг проблем другой. И тогда, во-первых, вы будете конструктивно подходить, а во-вторых, появляются интересные идеи». Например, кто кроме женщин, больше страдает от пьянства мужиков, это проблема для всей страны. Власть боится ее трогать, потому что есть некрасивый опыт Горбачева. Хотя сама реформа была вполне нормальной, и многие люди, миллионы человек, обязаны Горбачеву тем, что они выжили, а не умерли, не стали алкоголиками, не умерли от алкоголя. Тем не менее, в чем реформа имеет негативный шлейф? Плохой пиар у нее был. Так вот, власть боится этого, она ждет помощи от общества снизу, и есть только две организации, которые могут это сделать. Это женщины, и это Церковь. Вот если они начнут... А потом власть уже берет отмечает и прислушивается. Поэтому сделайте выступление за сухой закон. Как только вы об этом объявите, про ваш Съезд растрезвонят везде, что женщины России потребовали сухого закона. Потом, только что прошла война в Осетии. Сделайте, как женщины, письмо женщинам мира. Напишите, например, Анжеле Меркель, Кондолизе Райс, о том, что мы как женщины, к вам женщинам, обращаемся. «Что же вы делаете? Вы же женщины должны быть за мир, а не за войну». И вот от женщин России такое обращение. Тоже его везде перепечатывают, растиражируют, где угодно. Это мощный информационный повод».

Нет! Побоялись. Это слишком резко, это слишком круто, а вдруг нам не разрешат, вдруг не согласуют. В итоге прошел Съезд. Я думаю, что большинство людей, не знает об этом. И не мудрено.

После Съезда я специально отследил, кто про это написал. Одна заметка была в KM.RU. Но это были люди знакомые и с ними договорились, чтобы об этом написали. И вторая заметка была, как ни странно, на «Радио Свобода». Всё! Больше ни одна газета, телевидение, ни один интернет-источник, про целый второй в истории женский Съезд России собравшегося в целом Колонном зале Дома Союзов не написали. Потому что все было тихо, спокойно, благородно, без шума. Так сказать, сели поболтали чисто по-женски. Но никакого креатива, никаких идей, за которые бы можно было зацепиться.

Поэтому, еще раз говорю, вот эти мозговые штурмы, организация событий, они должны быть. Не просто так быть, они должны в деталях представлять себе картинку, которую будут показывать, событие, о котором можно рассказать, нужно чтобы была какая-то перипетия. Перипетия это как бы перелом, перемена участи. Вот было все хорошо, а стало все плохо. И наоборот. Было все плохо, стало хорошо. Вот эти вещи должны предусматриваться. Должен быть какой-то вызов, должен быть какой-то конфликт определенный. Пиар – это работа с конкретным конфликтом, реклама это работа с абстрактным согласием. Простой пример. Зарегистрировался кандидат в депутаты, например в мэры города. Он выходит на крыльцо. Можно не думать ни о чем, а просто сделать обычно, скучно, как это бывает. Получил удостоверение, ему вручили какие-то бабушки цветы и вот он дает там какой-то брифинг. Журналисты к нему подходят и он говорит: «Да, я зарегистрировался, в мэры города собираюсь идти, вот такая-то у меня программа». И начинает говорить какие-то скучные тезисы о том, какая у него программа. Совершенно другое дело,

когда он оператору, который там стоит и бросил бычок на улице, он ему говорит: «Ну-ка, ты, слышь, ты, молодой сопляк, подними сигарету. Ты зачем... вот мусорка стоит рядом. Ну-ка встал и поднял». И этот оператор или журналист поднимает, и все это снимают, все это показывают, все это рассказывают, и он говорит такой слоган: «При мне улицы города будут чистыми». И все. И это запоминается. Это как раз тот самый конфликт, который очень четко и его характеризует как человека поступка, и в то же время программу его показывает. Вот эти вот лозунги сажает на некую конкретную событийную, какую-то поступковую основу. Потому что все видели, что он как мужик за это переживает, что он даже в конфликт вступил по этой теме, а не просто ему написали какие-то программы, тезисы и он стоит и по бумажке шпарит. А он от души за чистые улицы переживает.

То же самое когда можно делать в каком-то памятном сквере, в каком-то памятном месте, например, то или иное событие. Не надо делать пресс-конференций вечных за этими вот огромными дубовыми столами в каких-то пресс-центрах. Есть живая природа, есть какие-то специальные места, куда можно людей созывать и это само по себе дает интересную обстановку, дает картинку ту самую, которую нужно. У Церкви иногда можно поучиться, иногда бывают такие удачи... Кстати говоря, алкогольную тему, которую тогда не взяли женщины, про которых я только что рассказывал, которые побоялись выступать за сухой закон, против алкоголизации, буквально через некоторое время взяла Церковь. Отец Тихон (Шевкунов) первый выступил. А потом это подхватил Президент, Путин подхватил и тема пошла. И сейчас приняты

программы, которые будут снижать потребление спиртного. А они могли бы быть первыми, они сами упустили эту возможность. Так вот, возвращаясь к Церкви... Мне рассказали ребята один такой случай забавный. Случилась у них кризисная ситуация, по-моему, в Нижегородской области была провокация сделана. Какие-то голубые договорились с каким-то там батюшкой, который то ли пьяница, то ли сильно сребролюбив, что он голубых в церкви «повенчает». И соответственно, он их повенчал. И устроили вокруг этого пиар. Дескать, вот, православная Церковь «венчает» голубых, значит все замечательно, и в Москве в каких-то интернет-ресурсах это стало появляться. Этим сразу же заинтересовались всевозможные ушлые журналисты, и уже чуть было не собрались ехать. А как раз только появилась информация, собрались церковные люди, в той же Нижегородской епархии, или в Москве, и один из владык предложил простой такой выход. Он говорит: «А давайте эту часовню снесем и, соответственно, этого батюшку, который «повенчал», его тоже куда-то отправим». И вот представляете ситуацию, приезжает, по-моему, чуть ли не с НТВ, операторская группа в это самое место. Находят этих голубых «повенчанных», которые дают интервью «да, да, да». Приводят их к этой самой часовне, а часовни нет. И они начинают объяснять, что ничего страшного, вот здесь была часовня, ее специально снесли, вот здесь вот нас «венчали». Операторы эти, бригада НТВ, сели, посмотрели, захехлили обратно все сумки и сказали: «Вот мы что будем показывать? Это мы сейчас в телевизоры придем, поставим камеры и будем в кадре объяснять, что уважаемые телезрители, вот здесь у нас чистое поле. Но, вообще то, здесь была

часовня, и вообще здесь «венчали» когда-то голубых и так далее». Ну, полный бред. Собрали свои вещи и уехали обратно. Это я говорил все к тому, что нужно думать о картинке. Потому что работа тележурналиста, это работа с картинкой. И нужно знать, что они показывают, нужно чтобы была интересная речь, какой-то интересный кадр. Точно также как рассказчик на радио, или рассказчик в газете, он должен о чем-то рассказывать. Рассказ это всегда перипетия. Рассказ это всегда конфликт. Рассказ это что-то интересное. Или резкая фраза. Например, «Мочить в сортире», как сказал Путин, ее обязательно покажут и заценят. Поэтому примерно так.

Какие события выбирать, как их планировать, откуда их брать. Ну, есть два способа. Во-первых, если совсем креатива не хватает, есть календарь. Можно зайти в интернет, праздничные даты, и вы обнаружите, что фактически каждый день в России, как минимум десять праздников, по разным календарям. Календарь Юнеско, календарь наших официальных праздников, церковный календарь, и соответственно исламский календарь, иудейский календарь и так далее. И, в общем-то, каждый день обязательно установлен какой-то праздник, или день памяти или еще что-то такое. Их причем несколько. «День взятия Бастилии» какой-нибудь обязательно окажется. Все эти вещи можно, так или иначе, отмечать и к ним привязываться. Есть сегодня какой-то День матери, поехал в роддом, подарил цветы женщинам. Сегодня какой-нибудь День десантника или еще кого-то, значит с десантниками бутылку выпил. И так далее. Можно к этому привязываться. Есть еще даже специальная энциклопедия. Я, например, видел такую энциклопе-

дии, мне даже дарил автор. Называется, по-моему, или Русская энциклопедия, или энциклопедия русских памятных дат, где на каждый день расписывается какое-то событие из русской истории. И тоже соответственно их по несколько штук в день. Где когда-то что-то изобрели, подписали какой-то договор или еще что-то. Это все можно напоминать и к этому всему привязываться, все это рассказывать. В конце концов, можно выдумать самим какие-то события, какие-то конференции, какие-то действия, какие-то акции, праздники какие-то. Это дело мозгового штурма. На два часа собрали людей, люди пьют чай и по ходу в разговоре придумывают много всего интересного. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы придумывать события. Есть еще одна такая, если говорить сугубо о политической области, знаменитая книжка Джима Шарпа «От диктатуры к демократии». Книжка хороша тем, что в ней содержится, если не ошибаюсь, 198, как говорил Остап Бендер, сравнительно честных способов отъема денег, так и здесь, сравнительно честных и безобидных способов ненасильственного протеста и убеждения, как он их назвал. Эта книжка была использована при подготовке всех цветных революций на территории постсоветского пространства, в Восточной Европе, и в Сербии, и в Грузии, и в Киргизии, на Украине, в Молдавии, все начинали с этой маленькой книги. Написал ее Джим Шарп, директор института имени Эйнштейна. Такое название специально. Для каких лохов это придумано непонятно, но знают просто, что слово Эйнштейн, оно ассоциируется с чем-то умным и, в общем, нормально в народе где-то проканиает, что видимо это целый институт имени Эйнштейна. Наверное, люди занимаются какими-

то вселенскими проблемами. В этом институте в одной комнате сидит Джим Шарп и пишет книги, на самом деле. И вот эта книга, рассказывает о том, как нужно захватывать власть в государствах. Причем она рассказывает о том, что в тоталитарном режиме как раз ничего сделать нельзя. Вас просто поймают, обезвредят и все что угодно с вами сделают. А вот режим авторитарный, который на словах как бы за демократию, за какие-то права человека, вот на этом можно власть и ловить. Эти примеры, кстати говоря, даже были продемонстрированы. Фильм знаменитый о цветных революциях, снятый французскими кинематографистами. Мы про него еще поговорим. Так вот, в этом фильме есть такой кадр: сенатор Маккейн звонит министру иностранных дел Киргизии, еще во времена Оскара Акаева. А киргизы взяли и выключили свет, чтобы не печатать оппозиционные газеты, в типографиях выключили свет. И вот звонит целый сенатор американский, прямо на мобильный телефон министру, во время какой-то конференции, и говорит: «Вы вообще за демократию? За демократию. Вы же за ценности эти, так сказать, гласности, свободы и так далее. А почему свет в оппозиционных газетах выключается и так далее?» И что скажет министр иностранных дел в такой ситуации, он же действительно за демократию, там, за все. Он встает и говорит: «Да, господин американский сенатор, мы сейчас разберемся, мы сейчас все сделаем». И разрешают эту газету, которая поливала грязью этого Оскара Акаева, и буквально через десять дней случается эта оранжевая революция, и Оскара Акаева выкидывают из его президентского кресла.

Вот такие вот слабости власти, которые позволяют как раз хвататься за ее риторику, позволяют орга-

низовывать, хоть какие-то, но телодвижения против нее, в итоге приводит к тому, что, собственно говоря, власть не в состоянии потом сопротивляться.

Какие методы и какие вещи еще есть? Думаю, что какие-то грузины или украинцы, они брали этот список Шарпа и просто галочки ставили напротив каждого, когда организовывали какие-то протесты. Ну, там, пункт первый: публичное выступление, официальное заявление. Сделали? Сделали! Письма протеста организовывали? Организовывали! Что мы еще не сделали? Листовки распространяли? Распространяли. А вот делали мы какую-то совместную молитву, например? Нет, не делали. А давайте сделаем. Придумали – сделали. Или, например, а делали ли мы установку новых уличных знаков и названий? Во, интересно, не делали. Давайте сделаем. А граффити мы делали на стенах? Давайте сделаем. И целая куча таких вещей, юмористические пьесы, марши какие-то, парады, автоколонны, поклонение в местах захоронений, тайные маевки, сборища. Отказы от почестей, например, демонстративный отказ от наград, прекращение службы в армии, и даже отказ от исполнения супружеских обязанностей и так далее. И вот представляете, их тут огромное количество и ничего уже не надо выдумывать. Все уже выдуманно. Берут вот это сербы, грузины, украинцы и так далее, и по списку начинают делать, и другое, и третье. И ты никогда не знаешь, что они новенькое сделают. А каждая из этих акций протеста вызывает и собирает все больше и больше людей, привлекает все больше и больше внимания, и бестолковая власть ничего не сможет с этим сделать.

Здесь мы приходим к самому главному, к механизму организации вот этих вот цветных революций, и, в общем-то, к механизму организации

этих самых информационных войн, к новому механизму организации. Потому что раньше информационные войны велись спецслужбами. Раньше с нашей стороны это было КГБ, с другой стороны это было ЦРУ. Они вербовали агентов. Что значит вербовать агентов? Приходит какой-то кэгебэшник, или цереушник, например, в Америку, находит какого-то высокопоставленного деятеля. Либо платит ему деньги, либо ловит его на каком-то компромате, что он там, например, изменил жене, оказался каким-то голубым или еще кем-то, что он не хотел бы разглашать. Либо на идейной почве. Кстати говоря, чем славилось именно КГБ, что они людей вербовали на идейной почве. Люди были искренними коммунистами, работали в американских органах власти, они подсаживались на коммунистическую идею, и потом за коммунизм. И чтобы помочь главной в мире коммунистической стране, отдавали секреты атомной бомбы, или какие-то другие секреты. Вот таким образом вербуются люди. Эти люди через неких резидентов, соответственно, передают какую-то информацию, или наоборот искажают какую-то информацию, запускают какие-то слухи. Или в случае чего, действуют определенным образом, как в фильме про Штирлица. Штирлиц сидит здесь и мешает немецкому ядерному проекту, группа Рунге помните, была, в фильме «Семнадцать мгновений весны». Или там обезвреживает какого-то опасного провокатора агента, застрелил он Клауса, по-моему. То есть совершают некие действия, мешая борьбе, или помогая борьбе своей стороны.

Так вот эти все методы они ушли в прошлое, потому что они не масштабны. Они не позволяют действительно всерьез менять власть целого государства. Потому что это очень долгий процесс, за-

вербовать какого-то человека, потом его растить к высшим государственным каким-то постам. Это процесс очень трудный и почти невозможный. К тому же это является явным вмешательством в дела других стран. И совершенно другое дело, когда некоммерческие и негосударственные организации занимаются своей, якобы, уставной деятельностью, благотворительной деятельностью, и ведут собственно эту самую информационную войну. Все эти организации известны. Это USAID, так называемые, UNISEF, это Freedom House, это «Фонд Открытое общество» Сороса, и многие-многие другие. Их можно десятки, сотни, перечислить, которые возглавляются тем же самым сенатором Маккейном, или той же госпожой Клинтон, или другими известными деятелями, бывшими политиками, которые зная какие-то установки, ведут вот эту гуманитарную деятельность. Этих институтов и институтиков очень много. И действуют они по такому принципу: они объявляют о том, что они дают гранты на те или иные действия, на те или иные проекты, и люди которые узнали об этом, начинают подавать заявки на эти гранты. Подают заявки. Им эти заявки правят в соответствии с нужными какими-то критериями, потом финансируют. Финансирование бывает, как правило, микрофинансированием. То есть 5 тысяч долларов, 10 тысяч долларов. Я не видел даже от фонда Сороса или от кого-то другого, финансирования больше 500 тысяч долларов. Как правило, это 30 тысяч долларов, 50 тысяч долларов. Самые большие, это 300 тысяч долларов, или 500 тысяч долларов на самый большой грант. То есть никогда все яйца не вкладываются в одну корзину. Когда бы какой-то институт американский взял бы и кому-то одному выдал бы сразу 100 мил-

лионов и сказал: «Вот там иди, действуй, свергай кого-то». Потому что они не знают, а вдруг этот человек окажется предателем, мошенником. А вдруг он окажется просто некомпетентным. Он так вроде хороший, он за нас, но он дурак, например. И что с ним делать? Он взял эти деньги и не так как-то потратил. Когда они дают гранты сотням и тысячам мелких организаций, на какую-то мелкую вещь. Вот я перечислял, беру наугад просто, например, бойкот производителей, одна из акций, экономический бойкот. Вот тебе дается грант, организуйте бойкот производителей такой-то фирмы, потому что она, например, спонсирует власть, какого-то кандидата или какого-то человека. То есть, для этого требуются листовки, информация, какие-то пикеты или еще что-то такое. Посчитали, сделали смету, организовали, отдали. Они провели этот бойкот, с ними рассчитались, потом от них заявку на новый грант и дальше запускают. Если они окажутся мошенниками, максимум что сделаем, это потеряем десять тысяч долларов, которые мы им выдали. Мы их заносим в черный список и больше с ними никакого сотрудничества не будет. Риск не велик. Даже если 30% окажутся такого рода мошенниками, то этот риск он закладывается изначально в стратегию. Мы просто изначально знаем, что 30% денег мы потеряем. Зато остальные, 70%, или 50% будут донесены, и будет сделано так как надо, что собственно и требуется.

Еще можно сказать о том, что некоторые работают, что называется не за страх, а за совесть. То есть те мерзавцы, которые украли 10 тысяч долларов с лихвой компенсируются теми энтузиастами, которые на 10 тысяч долларов делают гораздо больше. Например, дали американцы каким-нибудь бело-

русам какой-нибудь грант на 10 тысяч долларов, там, выпуска какой-нибудь нелегальной газеты или какого-нибудь сайта против Лукашенко, как они действовали. Те начали этот сайт делать, чтобы выступать. Ну, отдали им 10 тысяч долларов, ничего страшного. Но их, например, белорусское КГБ задержало, где-то посадило куда-то, и они начинают в тюрьме вести какую-то активность, их родители начинают бушевать, «чтобы моего сына выпустили» и так далее. Проводить какие-то митинги, пикеты, давать интервью народным каналам и еще что-то такое. Вот эта активность уже совершенно бесплатная и стоит она гораздо дороже. Попробуй, организуй для западных каналов каких-то матерей, у которых дети, за то, что они какой-то сайт сделали, сидят где-то сейчас в тюрьме и их где-то кто-то обижает. А если ему, не дай Бог, почки отбили. Его потом, инвалида, приведут, будут на телеканалах показывать и так далее. И все это на какие-то несчастные 10 тысяч долларов, которые изначально были потрачены. Многие там зимуют в палатках, сидят целыми днями, может, у них денег особо нет. Но это по американским меркам, никакой американец не будет сидеть там, на какой-то голодовке жить три недели, в какой-то палатке, на каком-то майдане. Он попросит себе зарплату в 10 тысяч долларов. А там за 200 долларов человек сидит и думает, что, конечно, этих денег мало, но когда мы свергнем этот чудовищный режим и тогда мы придем к власти, я стану каким-нибудь начальником департамента или зам. министра или еще кем-то, также как было в России в 90-е годы, когда свалили коммунистический режим, и мы все пришли к власти и стали депутатами. То есть, люди, рассчитывая на будущую морковку какую-то, идут и делают го-

раздо больше. Поэтому в итоге, те же самые американцы ничего не теряют, когда распыляют свои бюджеты, и главное, что их поймать совершенно нельзя. Вот это несчастное КГБ белорусское, или украинское, или киргизское, какое угодно, как оно может справиться с огромным количеством вот этих мелких группочек, организаций. Там три человека, там два человека, там десять, там какой-то студенческий коллектив. За всеми просто не уследить. Если просто даже информацию собирать и записки аналитические писать в Администрацию Президента, и то это нужно много ресурса. А вот когда пытаться их всех взять... Опять же, за что их взять? Ну, ведут люди какие-то оппозиционные разговоры, ну что-то там делают. Трудно каждый раз, опять же, если ты их возьмешь, то вызовешь международный протест, или протест того же населения внутри, тех же родителей, знакомых. В общем, получается ситуация, которую описал Юрий Крупнов, который, аналогию приводил. Вот, представим себе, говорит он, рыцаря закованного в латы, который на боевом коне выезжает в поле, с мечом огромным, и ждет когда выйдет точно такой же рыцарь, и он будет с ним сражаться. А на горизонте появляется какая-то туча, туча мошкеры, которая проникает в глазницы этому рыцарю, в горловину, во все щели, и начинает его просто изнутри кусать и съедать. И он эти мечом машет, разбрасывается, вертится на месте, в итоге бьет самого себя по голове этими железными рукавицами и в конце концов падает, потому что его там закусали и съели изнутри. И это кровавое месиво уже потом доедается этой саранчой. Вот так гибнут режимы в этих оранжевых революциях, потому что они готовятся воевать спецслужба на спецслужбу, армия

на армию, а с ними воюют какие-то микрогруппы каких-то людей, которые работают на разных проектах. Как все это делается и кто это делает? Я это не сочиняю. Пожалуйста, вы это можете найти в интернете, фильм снятый французами, не нашими ангажированными, российскими, не американцами, никем. Это французские журналисты, которые просто удивились тому, а что это у нас внезапно год за годом, в каждой стране, какая-то цветная революция проходит? А давайте посмотрим, как это все делается? Поехали, и ничего от них никто не скрывал. Они зашли во все эти американские институты, в НДИ, они познакомились со всеми деятелями этих революций, бойцами, с украинцами, с сербами. Лично со всеми познакомились. Они им откровенно, под камеру, французы же, рассказали, сколько они денег получают, как они все это делают, как они проводят семинары, как все замечательно проходит. Фильм называется «Революция. СОМ», 50 минут всего, вся подноготная насчет вот этих вот революций, вот этого проектного метода полностью показана. Посмотрите и увидите, как нужно организовывать. Что интересно, «проектный метод», метод проектов, он родился именно в России, еще до революции. Потом применялся, довольно интенсивно при Сталине, потом был как-то забыт и вот мы погрузились в неправильный метод, неправильную информационную структуру, который называется функциональная пирамида. Вот она как раз является тем фактором, который помог всем бывшим президентам, в странах, где были оранжевые революции, проиграть. Имея финансовый, организационный, информационный ресурс, все имея за самого себя, они умудрялись проигрывать, эти рыцари, закованные в латы, этой саранче и вот этой мошкаре.

Как строится, неправильный, еще раз подчеркиваю, пирамидальный функциональный метод организации событий? У меня есть даже такая статья, которая называется «Почему американцы побеждают?», и я как раз показываю, как это все дело функционирует. В деталях это рассмотрим, чтобы было совсем вам понятно. Конкретный пример. Вот выпуск газеты, обычное такое дело в информационной войне, когда газеты выпускают. Выпуск газеты включает в себя несколько этапов. Например, получение задания. Какой-нибудь райтер или райтеры-журналисты пишут это все. Потом это редактор редактирует, потом корректор все это смотрит. Потом все это юристы могут посмотреть. Верстальщик это верстает, потом экспедиторы это отвозят в типографию. Из типографии потом это забирают. Распространители все распространяют. То есть, есть целая такая вот цепочка.

Если мы возьмем любое другое действие, кроме выпуска газет, например, организации концертов, то нужно то же самое. Вот какая-то концепция концерта. Потом организаторы обзванивают, договариваются, где место будет. Потом каких-то музыкантов нанимают. Потом юристы заключают договора, потом финансисты все это финансируют. Потом какие-то транспортники все это доставляют. И так далее. Потом есть контроль, мониторинг, точно так же как у газет. И вот так, какое ни возьми дело, выпуск телероликов каких-нибудь, организация митингов, организация каких-нибудь встреч, то все оно распадается на такого рода действия. И вот функциональный подход, он состоит в том, что ради экономии, мифической, создаются в штабе некие отделы, то есть отделы, которые занимаются некими сходными функциями во всех

проектах. Вот есть некий штаб, и в штабе создается отдельно юридический отдел. Это отдел, в котором будут визироваться все газеты, заключение договоров на все концерты, заключение договоров на встречи с избирателями, визирование листовок и так далее, и так далее. Потом финансовый отдел, который будет финансировать и газеты, и листовки, и встречи, и музыкантов, и размещение роликов и так далее. Орготдел, в котором все организаторы, которые будут бегать по всем этим самым проектам. Потом там, транспортный цех, который будет развозить и газеты и листовки, и музыкантов на концерты, и все на свете. И так далее. Потом там цех контроля, цех еще чего-нибудь. То есть, в итоге создается сложная структура, в которой конкретно каждый отдел ни за что не отвечает. Вот как в анекдоте: «К пуговицам претензии есть? Нет. Пуговицы нормальные». А то, что весь костюм не сидит, это никого не интересует. Поэтому ответственности нет никакой. Более того, каждый отдел заинтересован в случае любого сбоя, свалить вину на других, на смежников. «А почему вовремя газета не вышла? А потому что юристы что-то там не утвердили». А вот юристы не утвердили, потому что журналисты вовремя не сдали. А еще кто-то вовремя не сделал. И вот идет эта вечная постоянная склока между всеми, потому что нет общего дела, а есть единственный интерес перед начальником, перед главным, перед кем они отвечают, кто им деньги платит или еще кто-то, показать, что я работаю лучше всех, а все остальные козлы. И соответственно наоборот, все остальные плохо работают... Война как бы на два фронта, себя показать и других принизить. И так делают все. Что интересно, в этой структуре все зависят от всех. Потому что я делаю

вроде бы газету, я редактор, вот вроде я все напечатал, но я должен позвонить в какой-то транспортный цех, чтобы мне ее отвезли. И как только я туда звоню, а транспортники куда-то уехали, то я не могу сделать свое дело. И все также замкнуты на этот отдел. То есть стоит выкинуть одно звено слабое, например, по каким-то причинам сгорели компьютеры какие-то в единой сети, или те самые транспортники, забухал начальник транспортно-го цеха, пожалуйста, все остались без транспорта. Не работают все абсолютно, то есть не работает вся структура. Контраст опять таки с подходом проект-ным, когда все проекты могут не работать, а один все равно будет работать. То есть когда один от дру-гого не зависит. Все идут каждый по своей линии. И сравните здесь, когда все завязано всем. Одного достаточно нарушения и не работает вся абсолют-но структура. Прямая абсолютная противополож-ность в организации. Поэтому их пирамидальные бюрократические структуры, у них всегда все теря-ется, всегда все будет плохо, а в проектных струк-турах все хорошо: они всегда будут находить, про-сачиваться и всегда будут зарабатывать.

Это все имеет математическое объяснение. Лю-бая структура она характеризуется таким поняти-ем как комплексность или сложность. Чем больше элементов в структуре и чем больше взаимодей-ствие между этими элементами, тем сложнее эта самая структура. Вот я специально посчитал ком-плексность, так называемую, структуры из десяти элементов. То есть один элемент взаимодействует с другими девятью, 1 умножить на 9. Плюс один с восемью, потому что один уже был посчитан пред-варительно. Добавляем 1 умножить на 8. Плюс 1 умножить на 7, плюс 1 умножить на 6 и так далее.

Получилось 225, комплексность, цифра такая. Так вот пирамида из десяти всего отделов, а некоторые штабы имеют и по 20, и по 30. Так вот, способность человека, даже неординарного, по обработке и удерживанию информации, это 7 плюс-минус 2. То есть самый гений может 9 элементов информации удерживать. А тут 225. То есть, любой начальник штаба, любой, кто бы ни пытался здесь что-то контролировать, ничего не будет понимать, что просто происходит. Это хаос, управленческий хаос. Так извините, тогда в этом хаосе, в этой мутной воде, как раз цветут эти интриги, подставы, взаимные попытки показать, как я больше всех работаю, и, наоборот, на других взвалить больше работы, а самому ничего не делать. И тот, кто умеет в этом хаосе себя показать, сидеть на ушах, что называется, руководителя, тот и прав. А тот, кто не умеет заниматься интригами, тот оказывается самым последним, оказывается самым большим козлом отпущения. Вот, кроме вот этой имитации работы, все эти пирамиды не способны ничем заниматься.

Что мы имеем в этой ситуации? А мы имеем вот что. Что когда человек хочет все-таки контролировать это все, он вынужден, грубо говоря, нанять новых десять менеджеров, каждый из которых контролировал бы этот хаос. Чтобы к своим 7 ± 2 добавить еще сколько-то. Но между ними возникает своя комплексность, своя сложность. Это же новые элементы системы, его помощники, и соответственно система только усложняется. И чем больше ты вводишь новых контролеров, что называется, людей, которые должны прояснять информацию, новых отделов, которые что-то анализируют, тем она больше сложнее становится. Это объясняют так называемые законы Паркинсо-

на. Он открыл такой странный закон: «Вне зависимости от количества работы, штат бюрократии всегда вырастает». Понятно, почему он вырастает. Чем больше хаоса ты хочешь объяснить и понять, тем тебе нужно все больше и больше помощников. И это растёт и растёт, а хаос только увеличивается. Или есть у него такая интересная вещь, закон Паркинсона о том, что «малое дело требует большого количество работы, а большое дело требует меньшего времени работы». Казалось бы, почему? А вот действительно мы можем это видеть. Вот, например, чтобы принять «Стратегию 2020» нужно полгода. Работают министерства, ведомства, какие-то умные люди, потом проголосовали, в Госдуме обсудили, в Правительстве. Все. «Стратегия 2020» на 12 лет вперед принята. А, например, какому-нибудь ветерану квартиру иногда с 76 года дать не могут. Сравнить, «Стратегия 2020» или ветеран какой-нибудь несчастный. Казалось бы, это дело проще. Но почему двадцать лет не могут дать квартиру, а план принимают быстро? Все понятно почему. Потому что стратегия, это как проект. За него перед начальником отвечает какое-то количество людей. А ветеран, он, где то внизу, он не может пробиться через вот эту толщу всяких элементов. Потому что нужны согласования с одним, и с другим, третьим. Да и в принципе структура большая, она заточена под то, чтобы решать большие проекты и большие проблемы, а не заниматься вот этой мелочевкой.

Почему она не может поймать вот эту мелкую сеть, когда против них работают проектными методами? Вот, например, работали на Украине штаб Януковича и штаб Ющенко. У Ющенко работают американцы сетевыми методами. Грубо говоря, какая-то маленькая группа, работает по какому-

нибудь Крыму и бросает там какую-то свою специфическую листовку, про татар или еще про кого-то. Сигнал идет на какого-нибудь районного куратора Януковича, и он говорит, что у нас в Крыму вышла такая-то листовка. Он ее отправляет областному куратору какому-нибудь. А тот смотрит, что из Крыма сигнал пришел, а из других областей, соседних, не пришел. И он думает: «Ну, какая-то там листовка в каком-то Крыму в каком-то поселке. Наплевать. Что я буду докладывать целому Януковичу? Вот если бы по всей стране была листовка или газета, тогда да. А так где-то там в каком-то месте». Все. И уже не доложил, уже этот сигнал не прошел. Следовательно, не получена санкция на какой-то ответ или еще какие-нибудь вещи. А таких укулов по разным местам, много совершенно разных. Там листовка, там газета, там еще что-то, и они совершенно локальны. И каждый раз это такая мелочь, на которую не нужно обращать внимание. И каждый раз не надо тревожить великие умы великих руководителей. В итоге общая ситуация проседает и портится, и они не могут понять, а что, собственно, случилось.

А что значит проектный метод? Это когда за один конкретный проект, вот выпуск листовки, например, или газеты, я отвечаю за него целиком и полностью сам. Я главный редактор, я нанимаю себе журналистов, я нанимаю себе верстальщика, юриста, экспедитора, типографию и так далее. Я получил финансирование, я сам за все это отвечаю. И эти люди отвечают передо мной, чтобы газеты была доставлена до самого последнего потребителя. Я не звоню никаким юристам в какой-то штаб и не прошу их приехать и согласовать, я не ищу какой-нибудь транспортный цех и пьяно-

го бригадира, которого прошу привезти, чтобы он мне привез эту газету, а он мне будет отвечать, что он не может, потому что он на другом более важном мероприятии. Я за все полностью отвечаю сам. И если мы считаем комплексность для такого мероприятия, для любого такого вот проекта, то вот я, например, посчитал для выпуска газеты комплексность 28. То есть один человек и два помощника, пара заместителей, спокойно справляются с таким довольно сложным проектом, состоящим из такой цепочки. Поэтому таких проектов каждый куратор может запускать, например, десять штук и курировать. А если у тебя, например, в твоём НГО, НКО, работает 10-20 человек, менеджеров. Каждый из них курирует по десять проектов. Вот умножаем, уже двести проектов мелких и средних идет по всей стране. Вот серьезное преимущество проектного метода. И все лучшие информационные кампании, в которых я работал, они строились именно по проектному методу. А худшие всегда строились максимально бюрократично, максимально функционально. На картинке все красиво. Штабы, стрелочки, какие-то, значит, отделы, управления, департаменты, которые якобы взаимодействуют. На самом деле, в управлении всегда будет хаос и ничего хорошего из этого никогда не выходит.

Тем не менее, часто очень боятся проектного метода, потому что есть такая некая бесконтрольность. Кому-то там дал деньги, и потом они куда-то ушли. На само деле, я сам вначале все это объяснял, что люди заботятся о своей репутации. Не все схватят деньги и убегут, потому что больше уже будет не прийти. Во-вторых, плохое поведение одних компенсируется энтузиазмом других. И в целом, если посмотреть, те же самые американцы потра-

тили на оранжевую революцию в Украине в три-четыре раза меньше денег, чем Янукович на свою кампанию, проигравший те выборы. Почему так получилось? Да потому что транзакционные издержки бюрократической структуры гораздо больше, чем издержки в проектной методике. Поэтому когда планируется что называется какая-то информационная война, информационная кампания, то ее нужно разбивать на проекты, назначать ответственных и запускать, и не строить никаких вот этих штабов и функциональных структур.

Что еще очень важно? Проектный метод позволяет разбудить энтузиазм масс. Когда я приезжал на выборы в какой-то регион, моя задача дать максимальному количеству людей работу. Чтобы на меня максимум людей работало, потому что у каждого есть жены, дети, родственники и прочее.

Они пришли ко мне, такой коллектив:

– А можно мы по деревням поедим с балалайками, гармошками, и будем там песни петь, и заодно частушки про нашего кандидата?

– Сколько это стоит?

– Немного.

– Вот вам такая-то сумма, езжайте и работайте.

Пришли следующие:

– А вот мы придумали выпускать газету с кроссвордами.

– Сколько это стоит?

– Вот столько.

– Нет, ребята, это дорого. Давайте в два раза меньше.

Раз, и отправил. И люди работают. Во-первых, ты как бы людей этих покупаешь, во-вторых, они сами придумали ту вещь, которую они делают. Они душой за нее болеют, и они ее и осуществляют.

А если в функциональном методе? Сидит какой-нибудь штаб, который за всех все придумал, который все сделал. И потом заставляет людей: «Вы тут так думаете, а мы вот тут умные придумали вот такую историю. Вот вы так делайте, а так вы не будете делать, и мы вам за это деньги платим». Люди не будут работать с таким энтузиазмом, с которым они бы работали, если бы они придумали что-то сами. Когда людей заставляют делать, пусть даже за деньги, они работают гораздо хуже. И когда люди приходят в штаб и предлагают свою помощь, а от них отворачиваются, и говорят: «Ребята, вы нам не нужны. Вы в наших планах не учтены. У нас все расписано, у нас есть штаб, у нас есть стратегия, у нас есть тактика. А вы со своими проектами, со своими балалайками, со своими газетами, идите отсюда. Вы не попадаете». Эти люди обижаются, идут и потом работают против тебя. Вот так, опять-таки, было в кампаниях, которые проигрывают. Бюрократическая структура настраивала всех против себя, потому что она отталкивала энтузиастов. А структура проектного метода, она наоборот энтузиастов привлекает. Приходит энтузиаст и получает грант и двигается дальше, занимается своим любимым делом.

Вот что я хотел сказать по организации событий. Подробнее об этом можно прочитать в книге «Уши машут ослом. Сумма политтехнологий». Следующая наша лекция будет посвящена умению вести дискуссию, и в том числе публичную. До свидания.

Часть 6

Публичные дискуссии

Здравствуйте! У нас сегодня заключительная, шестая лекция. Она будет посвящена вопросам полемики, спора, технологий, которыми человек может убеждать других людей в своей правоте и отстаивать свои какие-то взгляды.

Я бы, прежде чем говорить о технологиях, сначала сделал такое короткое философское вступление, связанное с тем, что часто целью спора выдвигается некая научная или разумная истина. Это даже кажется таким совершенно тривиальным утверждением, что в споре рождается истина, или вообще люди спорят, для того, чтобы... не для того чтобы именно победить в споре, а именно для того чтобы прийти к истине и что-то там выяснить и, может, прийти к какому-то согласию. Я бы не стал столь категорично утверждать, что это так, потому что история показывает нам, что часто, практически всегда, народные массы или какие-то политические деятели, цари, короли, президенты, движения в своих действиях, а соответственно, вместе с ними целые государства, целые народы, какими-то заблуждениями. Я, например, целую работу написал о том, что научные факты свидетельствуют, что троянцы победили греков, или, во всяком случае, греки не выиграли Троянскую войну. Тем не менее, поэт Гомер, там даже был своего рода проект по фальсификации истории, написали «Илиаду»

и «Одиссею», и для всех, на многие тысячелетия вперед, победителями в войне стали греки. Ввели небольшие искажения в мифы, в легенды, сделали каноническое произведение, заставили его учить в школах, поскольку оно было красивое, поэтическое. Так, в общем-то, многие греки и уверились. А как было на самом деле, все забыли. И это не просто такой вот выигранный на бумаге, вплоть до поэзии, факт. Люди потом шли в войну с персами и у них на устах были эти имена греческих героев, победителей. «Илиада» и «Одиссея» стали каноническими произведениями, которые потом определяли надолго, и стиль стихосложения в Греции, и вообще греческий язык и его развитие. И много других было фактов, которые «Илиада» и «Одиссея» повернули в развитии истории.

Или скажем, с точки зрения науки. Например, очень часто, особенно в науке ранней, науки эпохи Просвещения, считалось, что религия это некий миф, некая выдумка. И тогда получается, что вся предшествующая история, она тоже движима людьми, которые двигались заблуждениями какими-то. Вот в эпоху Просвещения Свифт высмеивал в своем «Путешествии Гулливера» войну тупоконечников с остроконечниками. Что два короля, два царства спорили с какого конца лучше разбить яйцо. С тупого конца лучше разбить яйцо или с острого? И вот из-за этого шли целые войны, лилась кровь. И Свифт говорил, что, мол, так и в истории человечества. Люди дерутся из-за какой-то ерунды! Какая разница, скажем, есть в Символе Веры, слова, что Святой Дух исходит от Сына, или он только от Отца исходит, а от Сына не исходит? Это такие слова, это такая ерунда. А вот целое разделение, католиков и православных. Да, и вообще, и те, и другие дураки,

потому что они бились из-за какой-то ерунды, потому что вся эта религия тоже ерунда».

И вот этот внедренный в эпоху Просвещения критерий, что нужно исходить из науки, а все вокруг было движимо некими заблуждениями, он до сих пор господствует и над нашим пониманием сути спора.

Я бы здесь стал придерживаться другой точки зрения. Если с точки зрения науки, заблуждения движут историей, то как мы смеем называть заблуждение чем-то низшим, мифы вот эти чем-то низшим, по сравнению с этими научными фактами, которые никем и ничем не движут? Ну и что, что где-то когда-то троянцы выиграли войну у греков. Кто об этом знает, кто об этом помнит, как это отразилось на всей истории? Если потом исходили из другого! По-другому история пошла, именно потому, что все опирались в этом вопросе на Гомера.

Или вот, например, такая штука. Какой-нибудь студент первого курса какого-нибудь экономического факультета, читая «Капитал» Маркса может легко найти у него какое-то количество ошибок. Логических, фактических, или ошибки, в его неких пророчествах. Вот Маркс говорил, что везде будет коммунистическая революция, какая-то диктатура пролетариата, или еще какие-то вещи, и вот студент первого курса, прочитав это все, может сказать, что вот здесь Маркс был не прав, вот тут не прав, здесь ошибся, а вот здесь он противоречие допустил. Так что же мы скажем после этого, что студент первого курса экономического факультета любого вуза нашей страны, он более велик, чем Маркс? Ведь он же у него ошибки видит, находит, легко может над ним посмеяться, написать какую-нибудь статью, где-нибудь опубликовать. Нет, это не так,

потому что Маркс своим «Капиталом», несмотря на все его ошибки, или еще что-то, создал целый Интернационал, международное товарищество рабочих, распространил свои статьи и работы на всю западную интеллигенцию. В связи с этим возникли революции в разных странах, в том числе, и революция в нашей стране. История всей нашей страны пошла по-другому. Получается, что Маркс со всеми его ошибками двигал историю, и история шла по-другому, а студент Вася первого курса экономического факультета сколько бы ошибок у Маркса не находил, он никакую историю никуда не двигает. Так вот, можно ли вот эту рассудочную истину, истину фактов, ставить мериллом для таких важных вещей, как изменение истории? Можно ли говорить, что истина это всегда истина фактов, а вот то заблуждение, которыми движима глупая толпа, или отдельные короли, полководцы – это чушь? Почему мы так вот берем и называем это истиной, а то заблуждением? А может быть наоборот, то, что движет историей, является истиной? Истиной, настоящей истиной, является именно то, что движет историей, а вот эти курьезные факты, которые были, что называется, «на самом деле», это как раз, скорее, некие заблуждения, или истины второго порядка, которые ничем не движут?

Я склонен придерживаться той точки зрения, что именно эти великие заблуждения, которые теперь нельзя называть заблуждениями, движущие историю, и являются главной вещью! А в связи с этим возникает вопрос о цели спора. Наша цель какого-либо спора, какой-то дискуссии, это все-таки не выяснять какие-то факты, цель дискуссии это как раз убедить соперника, и многих соперников, убедить людей, убедить публику, с тем, чтобы

они убежденные, делали какое-то дело, двигались в каком-то направлении и тем самым, так или иначе, в малом масштабе или в большом, двигали историю! И коль это так, если ты умеешь эту историю двигать с помощью убеждения, с помощью приемов ораторских и прочих, то именно эти приемы являются по сути дела самыми важными, самыми серьезными технологиями, состоящими на службе истины. Именно той истины, которая двигает историю. Еще раз хочу подчеркнуть, что есть вот эти истины фактов, истины прошлых фактов, случившегося, а есть такая истина, которая соответствует не просто фактам прошлого и настоящего, а соответствует фактам будущего!

Так вот, технологии, о которых я сегодня буду говорить, технологии полемики, технологии убеждения, это как раз те технологии, которые стоят на службе у этой Истины с большой буквы.

Один момент, который с этим же связан. Все знают что, греческая философия, греческая наука, из которой пошла вообще вся западная наука, то есть вышла современная цивилизация, она началась с софистики. Софистика была в основе всего. Были люди, софисты так называемые, которые ходили по площадям и занимались оттачиванием риторического искусства, искусства аргументации. Греки, они имели рабов, как известно, у них было много свободного времени, и вот они в своих городах занимались важными всякими вещами. Занимались искусством, религиозными практиками, и занимались философией. Спорили друг с другом на площадях с утра до вечера. И вот в этом бульоне зарождалась потом великая западная цивилизация, которой покорилась вся культура. Потому что Китай это никоим образом не Восток, это – Запад.

Или, как говорится в советском анекдоте: «Разве Прибалтика это Запад? Вот Япония – это Запад!». Так и здесь, Страна восходящего солнца стала Западом. Действительно Запад своей техникой, технологиями покорил все. Западный мир родился, как ни странно, из софистики. И Сократ, и Платон, которые стоят в основе западной философии, науки, они сами вышли из софистов. И можно доказать, что огромное количество софистических приемов используется в «Диалогах» Платон. Да, собственно говоря, во многом его жизнь, была таким придумыванием мифов о самом себе, о Сократе, его учителе, об Атлантиде, о других каких-то мифических существах и мифических историях. Он не стеснялся использовать воображение, хотя Платон был первым, кто указал на два источника познания. Человек может познавать двумя способами: с помощью чувств, глаз, ушей, осязанием, вкусом, и с помощью разума, когда мы отвлекаемся от чувств и логически до чего-то доходим. Логически что-то признаем, созерцаем какие-то идеи, какие-то сущности. Обобщаем, например, предметы. Вот есть этот стол, есть другие столы, у нас есть общее понятие стола, мы это все видим.

Так вот на долгие годы платонизм определил вот эти два важных источника познания, чувственное познание и рассудочное познание, и даже противопоставил друг другу. У Платона был мир идей и мир чувственного. Одно, чувственное, – неправильное, оно дает нам искаженное приблизительное знание. Вот в мире идей, в мире разума, мы познаем все более-менее истинно, логично и так далее. И вот только в XVIII веке Эммануил Кант в своем первом издании «Критики чистого разума», размышляя над всеми этими вещами, над чувственно-

стью, над разумом, об их источниках, задумался и сказал, что, вообще-то говоря, истоком и чувственностью, и разума является воображение. Сказал это и испугался сам, и во втором издании «Критики чистого разума» он уже написал, что воображение это всего лишь действие рассудка над чувственностью, то есть это не корень, не исток. Потому что Кант побоялся быть в противоречии со всей западной традицией. Тогда как, на самом деле, конечно, если мы посмотрим историю, мы поймем что воображение, вот эти поэтические приемы, прежде всего направленные на овладение слушателем или зрителем, они оказываются более важными, более истинными, и изначальными, по сравнению с рассудком и истиной фактов, и по сравнению с чувственными аргументами.

Это специальное, специально говорю, философское отступление, которое призвано подчеркнуть одну вещь. Очень важно в споре, в дискуссии, быть поэтичным, а не просто научным и точным. Когда различные книги по искусству спора выдвигают в качестве идеала спора некий научный спор, то эти книги вас могут легко ввести в заблуждение. Я советую вам всем, с одной стороны, прочитать одну такую книгу, известный был такой российский философ, дореволюционный еще, Поварнин, и книга у него называлась «Искусство спора», рассказывающая о всевозможных уловках, софизмах, о том, как люди спорят, о том, как нужно правильно спорить. Там очень много всего полезного, советую прочитать, но советую не пленяться тем идеалом спора, который он выставляет. Некий джентльменский спор, когда садятся между собой два ученых, каждый говорит: «Ну, давайте коллега, определимся в понятиях. Я под таким-то и таким-то понимаю то-

то и то-то. А вы что понимаете? Ага, вот это!». И начинают потом выдвигать тезисы: «Я утверждаю, что в данном месте, в такое-то время, вот это истина, а вот это не истина». Второй говорит: «Нет, коллега, извините. Я вот со всем этим согласен, но не согласен вот с этой маленькой формулировкой. Давайте ее уточним». И вот так вот они, якобы, спорят, приводят какие-то аргументы, доказательства, следят за логикой. Никогда в природе, в реальной жизни, с той, с которой вам всем придется столкнуться, таких споров не бывает. Споры, которые вы видите в интернете совершенно другие. Люди друг друга обзывают, хамят, используют самые что ни на есть приемы противоречивые. То же самое происходит на всевозможных презентациях, советах директоров, на каких-то обсуждениях, переговорах очень важных, в Государственной Думе, по телевидению на теледебатах, например, в программе какого-нибудь Соловьева «Поединок» или у Гордона какого-нибудь. Всегда споры совершенно другие. А раз они другие, раз этот джентльменский спор является исключением, он, этот джентльменский спор, никогда и никуда не приведет. Ну, представьте такого мудрого сухаря, который придет на телевидение и который начнет: «Коллега, давайте определимся в понятиях», – и так далее. Любой Жириновский сделает его за пять минут, тут же его разбомбит. Получается что этот эксперт, владевший каким-то количеством знаний, какими-то важными вещами, он оказывается со своими истинами где-то за бортом, что называется, мировой истории, цивилизации, он ни на кого не повлияет, ничего не сделает. А Жириновский, который умеет владеть риторическими приемами, он продвинет свои идеи, он завладеет вниманием аудитории,

он какому-то количеству людей, так сказать, заком-постирует мозг, и эти люди, например, пойдут и за него проголосуют, и из-за этого история страны пойдет чуточку иначе и по-другому. В этом смысле он сделал все правильно, а тот который пришел с неким научным идеалом спора, он остался, еще раз говорю, за бортом истории и никому не интересен.

Поэтому ориентируйтесь на то, чтобы только побеждать в споре, убеждать и быть убедительными для тех людей, кто является вашей аудиторией. Естественно, что споры бывают разными. Что одно дело в интернете спорить, когда вы всегда можете отвлечься на минут, посмотреть что-то в Википедии, прочитать еще что-то, позаимствовать какие-то аргументы, помощь зала попросить, и потом что-то ответить. Другое дело, когда вы сидите непосредственно перед телекамерой, в прямом эфире, и у вас нет ни времени, ничего. Поэтому разная специфика, разные вещи. Но я буду говорить о приемах, которые так или иначе, в лучшем или худшем случае, могут вам помочь во всех видах споров.

Первое правило, которое нужно соблюдать для любой дискуссии, это подготовка к любому своему выступлению, и к любой какой-то дискуссии, презентации, особенно если там будут какие-то вопросы, переговоры, тем более, если будут соперники. Я, например, помню, как попал в неприятную ситуацию, когда был приглашен на одно ток-шоу в телеэфир, и я владел своим предметом, я прекрасно знал то, о чем будут говорить, и, совершенно самоуверенно, пришел на дискуссию. А вот человек, который был, журналист, он совершенно не владел ситуацией, он не знал того предмета настолько глубоко, настолько я. Но для него эфир, это шоу, это то, где он должен победить соперника, поставить

его в неудобное положение, задать ему острый вопрос так, чтобы он ступешался, чтобы поймать его на каких-то противоречиях, поймать его на какой-то, возможно, лжи. И он подготовился. Он заготовил себе, на мой взгляд, совершенно нелепых вещей, но, тем не менее, он их сделал. И чем они были нелепей, тем больше они меня сбивали столку, я ничего не мог сказать, я сидел тыкал и мыкал. Я сам себя не узнал, потом, когда посмотрел этот эфир. А публика вокруг сказала: «Ну, Олег, сделали тебя! Надо же вот так!». Это было давно уже, пятнадцать лет назад, но меня это сильно потрясло. После этого я дал себе такой зарок, что, так или иначе, много у меня будет времени или мало, но я должен готовиться к эфиру. Должен готовиться к любым выступлениям, тем более к таким вещам, где будут дискуссии. Никогда не нужно ждать что будет вежливость, какая-то джентльменская вещь, если она будет, то слава Богу, но если ее не будет, то всегда готовьтесь к этому. Для того чтобы подготовиться, в процессе подготовки нужно несколько вещей. Есть вещи просто такие бронебойные, это то, что можно назвать джокером, тузом таким, своего рода, которым ты можешь прихлопнуть соперника и сам быть на коне. Классический случай описан в рассказе нашего великого писателя, нашего кинорежиссера великого, Василия Шукшина, рассказ называется «Срезал». Сюжет такой. В одной деревне алтайской есть такой дядька, который славится тем, что он все знает. Зовут его Глеб Капустин. И как только в деревню к ним заезжают более-менее какие-нибудь знаменитости, все мужики сразу собираются: «Глеб, пойдем в гости к ним». Приходят. И Глеб, так сказать, задает каверзные вопросы, и соответственно, после того, как люди

не могут ответить: «Ну вот еще, столичные штучки, тут приехали народ уму-разуму учить». И вот первый же случай, который там описан, что какой-то полковник там приехал, целый полковник в деревню. И естественно мужики пришли, и Глеб Капустин задает вопрос. Сначала общая дискуссия про войны, про какие-то разные факты. Дошли аж до войны 1812 года. И Глеб задает вопрос: «Так кто отдал приказ поджечь Москву?». И этот полковник не мог вспомнить, почесал затылок, потом говорит: «Распутин». Какой-то Распутин, граф или еще кто-то. И соответственно Глеб над ним посмеялся, сказал: «Вот видите, вы ничего не знаете». Послали за какой-то библиотекаршей. Она пришла и сказала, что это граф Растопчин был. Не Распутин, а Растопчин. И не дай Бог, если бы этот полковник начал бы сопротивляться, что, мол какая разница, ничего страшного. Я представляю там, какая могла быть тирада на тему того, что как же вы военный, который точен должен быть, так сказать, говорите какая разница. Вы, мол, также будете из пушек стрелять, вместо одного места в другое. Вам прикажет, генерал, прийти в одно место, а вы придете в другое. Ловушка была заготовлена заранее. И таких ловушек можно сколько угодно всегда запасти.

Один из примеров, по-моему, тоже из одного эфира, я видел, просто подавляющий, уничтожающий прием. Когда депутат, по-моему, Государственной Думы, миллионер, богатый человек, состоятельный, общающийся с губернаторами и всеми, сидит в эфире и рассказывает о том, какие он там программы принимает, социальные, про пенсионеров, про матерей-одиночек, про все на свете, про продукты питания. И ведущий ему задает простой вопрос: «А сколько стоит булка хлеба в магазине?»

И все! Просто конец! Конец этому депутату! Потому что депутат реально не ходит в эти магазины, он не знает, он не поинтересовался, сколько стоит эта булка хлеба. И он начал говорить, что у него за хлебом ходит жена, что он давно не видел. Ну, все! Бой проигран полностью. Потому что человек может что угодно говорить, но он живет не одной жизнью с народом, он не знает самого элементарного, что должен знать депутат. Какой он защитник, к чертям собачьим, после этого, народный? И какой он представитель этого народа? Хорошо, он бы ответил про булку хлеба, но у вас может быть другой козырь запасен. А каков государственный бюджет России? Вот размер государственного бюджета. Вы ведь там сидите, бюджет принимаете. Вот сколько у нас? Если он и на это ответил, хорошо. Сколько тогда в нем тратится на образование? А сколько тратится в нем на оборону? И все! Человек всегда в какой-то момент поплывет. Поэтому, с одной стороны, вы должны готовить такие вопросы, с другой стороны, если вы идете на такого рода выступление, вот такого рода вопросы вы должны знать и быть к ним готовы.

Лучшая защита это нападение. Лучше всегда заготовить самому несколько таких вопросов, и своего оппонента, если это особенно какая-то дискуссия, на этом поймать. И сразу же с самого начала, какой-нибудь козырь выкинуть. Потому что если ваша провокация удастся, если вам удалось сразу человека поймать, то человек уже психологически растоптан. Он начинает нервничать, он начинает не туда идти, он начинает говорить заплетаящимся языком, у него полностью рушится план его выступления, и собственно говоря, остается его добивать, и добивать. Не ждите, когда он вас пой-

мает на чем-то таком подобном, а с самого начала такие вещи себе запасать.

Что еще нужно обязательно иметь в виду, для подготовки к дискуссии? Нужно всегда понимать, что время дискуссии ограничено. Даже если вы дискутируете в интернете, люди, которые за дискуссией следят, читают какой-то блог или форум, они не будут его читать годами или месяцами. Они посмотрят на первые несколько реплик, потом их привлечет что-то другое, послезавтра они вообще все забудут, и время прошло. А если это эфир или какая-то открытая дискуссия, открытая площадка, то здесь тем более. Есть очень четкое время, пятнадцать минут на выступление, какой-то ответ, и на этом собственно все. Так вот, мы должны четко понимать, что вот это время, которое дано, оно должно сработать полностью на вас. Вы должны определить повестку дня этого выступления. Я в предыдущих лекциях говорил, что такое повестка дня. Повестку дня вот этих пятнадцати минут, что должно стать главной темой. И вы должны навязать доминирующую главную тему, чтобы основное время дискуссии, прошло именно вокруг той темы, которая вам нужна, а не вокруг той темы, которая нужна сопернику. Это принципиально важно. Поэтому, когда соперник вам задает вопросы по своей повестке дня, вы должны отвечать на них коротко и максимально не посвящая ему большое количество времени. И наоборот, переводить стрелки на ту повестку дня, на тот вопрос, на тот пункт, на тот тезис, который является принципиальным именно для вас.

Кстати говоря, о тезисе. Вот повестка дня и этот вот основной тезис. Вы его естественно должны сформулировать очень четко, ярко, красиво.

Так, чтобы он легко запоминался. Просто приходиться на дискуссию, чтобы говорить обо всем на свете невозможно. Вы должны четко знать этот тезис, и с него вы начинаете любую дискуссию, он же у вас должен проскакать в середине, и он же должен заканчивать дискуссию. Как говорили в фильме про Штирлица, запоминается лучше всего последняя фраза. Но первая фраза тоже хорошо запоминается. И начинать с этого тезиса нужно, и в середине его проталкивать, и в конце, держаться всегда избранной некой темы, избранного, главного, убийственного аргумента. Причем, даже если этот аргумент не является пока для публики убийственным, после того как вы его тридцать раз повторили, он станет как раз тем, что засядет у людей в головах. Поэтому одним повторением вы его уже делаете важным и главным.

Никогда нельзя молчать в дискуссии. То есть, любая пауза, любая заминка, особенно когда вам вопрос резкий задают, или еще что-то, всегда означает потерю инициативы. Если вы замолчали, если вы ступевались, это сразу ведет к тому, что вы проиграли. Поэтому у вас должны быть некоторые слова, заранее может быть заготовленные, какие-то фразы, какие-то вещи, которые бы вам позволили, помогли протянуть вот эту вот неловкую паузу и собраться и сосредоточиться. Одна из наиболее, наиболее полезных в этом смысле вещей, это переспросить собеседника. Просто переспросить. Вот он что-то сказал, а вы говорите «извините, я не расслышал», или «извините, я недопонял», «извините, вы вправду именно это утверждение», «правильно я понял, что...» и какие-то вещи просто повторять. Хотя вообще не рекомендуется повторять два раза мысль соперника. Но здесь в процессе

повторения вы могли бы просто уточнить какую-то фразу, или какое-то отдельное слово. То есть, не повторяете весь аргумент соперника. А если он использует какую-то вещь, какое-то сложное слово, научное, или еще какое-то, можно попросить пояснить: «Извините, а что вы понимаете вот под этим?..». И человек уходит в ненужные подробности, начинает объяснять его яркие тезисы, его яркие вопросы. Переходит в какую-то научную и метаязыковую стадию, он начинает пояснять слово, как оно определяется, как он его понимает. Это явный проигрыш для него. А у вас есть время, чтобы подготовиться к чему-то.

Обязательно нужно заготовить вопросы для дискуссии, которые вы будете задавать сопернику. Вопросы тоже, естественно, должны звучать ярко и они должны быть формирующими вопросами. В свое время мы, наша команда, которая занималась политтехнологиями в течение многих лет, в середине 90-х годов придумали активную социологию. Она сейчас активно разошлась по всей стране, все ее используют. Суть в том, что у нас были такие формирующие опросы. Это опросы, в которых не важен ответ человека, а важен сам вопрос, важна информация, содержащаяся в вопросе. «Как вы считаете, то, что кандидата Иванова поддержал Президент на выборах, это ему поможет или нет?». Поможет это кандидату Иванову, не поможет? Главное, что человек услышал, что вот этого кандидата Иванова, подержал на выборах Президент. Точно так же вы можете задавать всевозможную формирующую информацию в своих вопросах. Сидит соперник, какой-нибудь депутат Госдумы, вы ему всегда можете задать: «Почему ваши депутаты постоянно прогуливают заседания Госдумы?».

Вы вроде бы спросили «почему?». На самом деле вы слушателям донесли информацию, что прогуливают. И пусть он сидит и говорит: «Да нет, не постоянно, и не всегда. Отдельные прогуливают, отдельные – нет». Уже одним тем, что он признал то, что хотя бы отдельные такие случаи есть, он уже признал этот факт и это уже, в любом случае, его не красит. Как только человек начинает оправдываться, это тоже ваша заслуга, ваша победа.

Если вы делаете формирующие вопросы, то можно делать и такие вопросы-вилки, как ход конем. Когда что бы ты ни делал, ты бьешь или одну или другую фигуру на шахматной доске. Формируются такие альтернативы, чтобы заставить человека отвечать «да» или «нет». Зачастую человек не согласен с той альтернативой, которую вы ему предлагаете. То есть, «вы там за белых или за красных?». Человек начинает, что я вроде бы не за белых, и не за красных, так вопрос ставить нельзя и так далее. Вы всегда можете его добить, всегда можете сказать: «Подожди, ответьте «да» или «нет». Не юлите! Зачем вы тут бегаєте вокруг да около. Скажите просто «да», или скажите просто «нет»». Человек начинает после этого злиться, кипятиться, ничего у него не получается. Вопросы, которые требуют ответа «да» или «нет», они тоже могут быть вами заранее заготовлены, несколько штук.

Ну и, наконец, можно заготовить метафоры и сравнения. То есть некие яркие сравнения, в которых бы четко описывалась некая ситуация, которую вы обсуждаете. Вот допустим, я был недавно на мозговом штурме, небольшой дискуссии, посвященном кризису. И вот ведущий начал с такого утверждения: «Нынешний кризис. С чем это можно сравнить? Есть, знаете, гусеница, которая стано-

вится куколкой, а потом бабочкой. Так вот, мы сейчас, наша страна, и вообще весь мир, находимся на стадии, что была гусеница, потом мы окуклились и потом мы превращаемся в бабочку. То есть, переходим на некий новый этап. Или кризис, это всего лишь, там, гусеница ползла, заболела, застряла где-то. И вот сейчас она выползет, дальше поползет, но гусеницей она останется. Вот насколько кризис является порядковым переходом или же он не является таким?». И всем сразу понятно, на примере с гусеницей, с бабочкой, о чем идет спор, насколько принципиальны изменения, которые постигли мир, нашу страну. Хорошее сравнение, аналогия, которая помогает всем во всем разобраться.

Еще один совет. В выступлениях, в дискуссиях, говорить медленней, во-первых, очень часто старшее поколение следит за дискуссиями, особенно по телевизору, это, конечно, помогает старикам схватывать смысл. Но даже если молодое поколение, которое быстро схватывает, все равно переходы от одной фразы к другой, к третьей, они затруднены зачастую. Если вам нужно сбить человека с толку, то вам можно говорить быстро. Если наоборот, вы хотите привлечь внимание к сложному аргументу, то лучше начать говорить медленней. Тем самым вы задаете темп для дискуссии.

Ну, теперь, собственно, с доводами соперника как разбираться. Что бы ни сказал соперник, первый прием, который есть для него, это то, что называется передергивание, передергивание его тезиса. То есть, вы должны внутренне его переформулировать для себя, и сделать его в такой форме, когда он будет для соперника сложно доказуемым, или будет звучать нелепо, или вам легче будет его разбить. Например, соперник говорит, что нынешнее правительство плохо справляется со своими обя-

занностями. Можно усилить этот тезис, просто немножко довести его до абсурда: «То есть вы утверждаете, что все наши министры – идиоты? Вот у нас министры учились где-то там в Лондонах, они там работали в банках, у них там карьера у всех, они всю жизнь провели в промышленности, в экономике, в социальной сфере. Сейчас, так сказать, владеют всей полнотой информации. А вы сидите здесь и утверждаете! Вот вы умный, а они все идиоты! Ну, нельзя же так, в самом деле». Вы передернули тезис и тем самым вернули его сопернику так, что он вынужден его скорректировать. «Нет, я не утверждал, что они все идиоты. Я всего лишь утверждаю, что они в конкретном, в данном, в такой-то области, плохо справляются». Защищать слабый тезис очень тяжело. Ну да, наверное, конечно, министры в какой-то области не очень хорошо работают. Ну и что? В Англии они, что ли лучше работают? В Америке они, что ли лучше работают? Да где вообще в истории можно найти идеальных министров? И поэтому сразу его тезис оппозиционности раз, и сдули. Или, там, говорят, что какие-то, например, деньги, выделенные на что-то, например, некоего сомнительного происхождения. Человек утверждает. Вы тут же тезис взяли, передернули, и вернули человеку. «То есть вы утверждаете, что это какие-то ворованные деньги?» Человек говорит: «Нет. Не ворованные. Они сомнительные. Мы не знаем, откуда они взялись». «Ах, вы не знаете откуда они взялись?! Так идите, учите матчасть. Иди и узнайте, откуда они взялись. Сходите, узнайте, почитайте, а потом приходите, и мы будем с вами спорить». Все. Передернули тезис, и заставили человека его ослабить. И тем самым человек остался со слабым тезисом, с которым очень трудно победить в дискуссии.

В свою очередь, когда вам делают какие-то возражения, очень часто, для этого тоже есть различные уловки. Одну из них я сказал. Например, когда вы задаете уточняющие вопросы, затягиваете время. Но вы также можете отводить аргументацию с помощью простой уловки, которая знакома всем, кто защищал кандидатские или докторские диссертации. Если вам задают неудобный вопрос, то просто отводите его таким аргументом, что «мы сейчас говорим не об этом». Как в известном фильме «Ирония судьбы, или С легким паром». Пьяные, когда они сидели в бане:

– Ты гений!

– Сейчас не об этом.

Вот это способ каждый раз отвести любой, в принципе, аргумент. Как диссертанты говорят: «Спасибо за ваш вопрос, но моя диссертация посвящена немножко другой проблеме. А именно...». И дальше рассказывать опять то, что ты хочешь, и занимаешь время, отведенное на защиту, чтобы не дать другим задать какие-то вопросы.

Еще один прием, который часто очень используется, это инсинуация. Инсинуация, это утверждение, что мысль, которую произносит человек, это не его мысль собственная, которую он выстрадал, пережил. Она у него потому, потому что он является сотрудником, например, какого-нибудь ведомства. Или потому, что ему платят за то, что он высказывает эту мысль. Или у него есть еще какие-то причины, какие-то детские фобии, страхи или еще что-то. Что угодно. Одним словом, мысль его не самооценна и с ней мы вообще не спорим. Кстати говоря, на меня очень часто было много нападок, в интернете, в любой дискуссии, первое что делают, это занимаются инсинуацией. Что я бы не ска-

зал: «А вы так говорите, потому что вы работаете на Кремль». Вот типичная инсинуация, которая тем самым как бы снижает доверие во всем. Или, например: «Потому что вы в партии какой-то, например, «Единая Россия», или где-то деньги получаете». Вот способ посеять недоверие к мысли. На это ответ такой. Либо вы просто разоблачаете эту инсинуацию, просто говорите, что это нечестный прием. Понимаете, я вам тоже могу заявить, что вы говорите так не потому, что вы так думаете и считаете, а из-за того что у вас плохое сегодня настроение. Было бы хорошее, вы бы со мной согласились. Или вы говорите так не потому что ..., а потому что у вас комплексы детские. Или потому что у вас еще что-то. Давайте не будем думать, почему мы говорим о чем-то, или как мы это говорим. Или можно вот так сказать: «Вот вы говорите, что я на Кремль работаю, и поэтому так говорю. Хорошо, а если вам сам Путин скажет что $2 \times 2 = 4$, вы тоже скажите что это неправильно, просто потому что это Путин сказал? Вы же против всех кто в Администрации или в Правительстве. Какая разница кто говорит, и кто где работает? Пожалуйста, спорьте с самой мыслью, с самим фактом. Докажите что 2×2 не 4. Платят тому человеку, который высказал эту мысль, деньги, или он работает математиком, или еще кто-то платит, или он от чистого сердца бесплатно утверждает что $2 \times 2 = 4$. Не важно. Спорьте с мыслью!».

Близкая к инсинуации уловка, которую Поварнин назвал «чтение в сердцах», чтение в сердце. Когда человеку, на его слова говорят:

– Ну, вы же сами не верите тому, что вы говорите;

– Сам-то понял что сказал;

– Ты же вот это утверждаешь не искренне, ты же просто, для того, чтобы что-то защитить, или что-то сделать, или кому то понравиться.

Тоже одна из уловок, которая часто сбивает человека с толку.

Или такая уловка, которую Поварнин тоже приводит, «втирание очков». То есть утверждение чего-то сомнительного как общеизвестной истины. «Всем известно что ...». И дальше идет продолжение. «Вы как человек умный, не станете отрицать что ...». И дальше произносит какой-то факт или какое-то утверждение. Точно так же бывают бездоказательные оценки противника, безапелляционное отношение к его словам. Например: «Вы ошибаетесь», «вы говорите ерунду», «не говорите ерунды» или «вы несете бред». Эти вещи сбивают с толку. Вот, Карстен Бредемайер, который написал книгу «Черная риторика». Тоже рекомендую почитать. Хотя там очень много банальных утверждений. Типа, формулируйте тезисы ясно и хорошо, говорите всегда красиво. Спасибо конечно за такие советы. Но в этом и проблема, что человеку трудно иногда ясно и четко что-то сформулировать. Тем не менее, у него есть там примеры. Он говорит что, безапелляционные утверждения, оценки, они, в том числе, выполняют функцию перехвата инициативы. Если кто-то разошелся очень хорошо, если он явно и очевидно захватывает внимание аудитории, то любой сбой, любой перерыв, любая оценка, может сбить его с толку и остановить его наступление. Это как в футболе, когда нападающий вбежал уже в штрафную площадку, и он сейчас уже забьет гол, и ему просто ставят подножку. Да, с одной стороны это некрасиво, неспортивное такое поведение. В то же самое время, ты четко уберег команду от гола.

Будет назначено пенальти или не будет, не известно. Реализовано будет это пенальти или нет, тоже не известно. Но, по крайней мере, здесь, ты некий наступательный порыв остановил. Так и здесь, не давать противнику войти в раж и двигаться, так сказать, в победном направлении.

Дальше одна из важных и интересных уловок, это противоречие между словом и делом. Человек утверждает что-то в какой-то области, а ему говорят: «Врач, исцелись сам». То есть если ты вот так вот утверждаешь, как ты говоришь, тогда почему ты сам вот это не сделал, почему сам до сих пор не такой, как ты утверждаешь? Вот говорят, например. Помню, были в детстве у нас пионерские времена, так называемы политбои. И вот мы разделялись на команды и спорили. Одни там за американцев играли, другие за советских людей. И спорили, чей образ жизни лучше и так далее. И вот я помню, как однажды проигрывающая девушка, которая защищала советский образ жизни, проигрывающая американцам, она взяла и выкрикнула: «Ну и езжай в свою Америку». То есть, раз ты считаешь, что там где-то в Америке где-то лучше, ну и все тогда, собирайся и езжай. В каком-то смысле вполне нормальный довод, потому что мы часто можем слышать такие вещи, которые неплохо было бы сразу же применить и на практике. И человеку сразу становится очевидна или абсурдность, или они будут сужаться. Например, мы часто слышим: «Вот китайский опыт. Китайцы все правильно делают, у них все замечательно, у них экономика растет, а наше правительство ничего не делает». Ну, можно тогда сказать: «Ну, давайте тогда езжайте и живите в Китай. Или, хорошо, а давайте с китайского опыта все скопируем. Вы знаете, у китайцев пен-

сий нет вообще. Не платят пенсий, нет пенсионной системы». Ага, у людей тут же возникает вопрос: раз пенсий нет, а это мы не хотим терять. Тут же возникает потребность в коррекции своего тезиса. То есть опять-таки человек начинает утверждать, что не просто все в Китае идеально и замечательно, а всего лишь некоторые реформы замечательны и идеальны. Да, с пенсионной реформой они погорячились, у них ее нет. Ну, давайте возьмем какой-нибудь другой аспект, и будем брать пример в этом аспекте. Но такой тезис защищать трудней. Он уже скучный, он уже не интересный. Одно дело просто сказать, что вот китайцы все делают правильно, давайте пойдем за ними. Другое дело защищать, что какие-то отдельные аспекты китайских реформ могли бы пригодиться в реформах наших, российских. Сами видите, насколько скучнее и не зрелищнее смотрится такой тезис.

Навешивание ярлыков, следующий прием. Когда человек за тех же китайцев выступает, то можно сказать: «Так вы у нас китаефил». Или человеку, я помню, который выступал за смертную казнь. При чем он выступал за нее в определенные моменты только. То есть не вообще, чтобы смертная казнь была, а в конкретных условиях 90-х годов. Журналист сидит перед ним и тот доказывает, что нужна смертная казнь: «Да вы какой-то маньяк. Вам кровищи мало что ли? Вам мало что где-то там при Сталине, еще где-то там погибло столько людей, вы и сейчас хотите их убивать?». И все. Он его еще два-три раза назвал маньяком, потом это кто-то в прессе подцепил, и так несчастный политик остался «маньяком». Ярлык наклеен. «Кровавый маньяк, который хочет всех убить».

Еще одна уловка, это критика доказательств, вместо критики тезиса. Когда человек утверждает

что-то одно, а аргументы приводит и доказательства другие. Один, другой, третий, несколько аргументов. И вот вместо того чтобы спорить с тезисом, спорят с одним из аргументов. Выбирают самый слабый. Особенно это удобно в интернет-дискуссиях вести. Когда человек высказывает доказательства, вы их все прочитали, выбрали самые слабые, сосредоточили на нем свою критику, опровергли его. И получается, что тем самым вы опровергли весь тезис. На самом деле, вы тезиса никакого не опровергли, но в глазах публики он опровержен. Особенно это хорошо с цифрами и с фактами. Человек что-то говорит, какие цифры и факты промелькнули. Заглянули, посмотрели, нашли в какой-нибудь энциклопедии. Человек сказал 100 миллионов, а на самом деле их 98. Вот видите, что он пишет, не 98 миллионов, а 100. Нашли какую-то мелкую деталь, и сосредотачиваете критику, утверждаете, что человек неаккуратен в фактах, что он не знает статистики, что он ошибся, и таким образом подвергается сомнению весь тезис. Разоблачается это тоже также, когда вы человеку показываете, что тезис он не опроверг. «Да, у меня было слабое доказательство. Да, я не умею спорить, может я неправильно что-то доказывал. Может, мои доказательства не годны, но сам тезис у меня тверд. То, что я отстаиваю, само утверждение, является правильным. А оно такое-то». И его еще раз взяли и повторили.

Вообще существует в эристике, науке о спорах, разные точки зрения на тему того, что лучше, нападать или обороняться. Выдвигать некий свой тезис и его защищать, или быть в позиции критикующей, то есть, которая все время докапывается к чужим доказательствам и громит, и своих тезисов не выдвигает. С одной стороны, кажется, что вторая по-

зиция предпочтительней. То есть человек просто пристаёт к чужим тезисам, всегда находит некие слабые места, оценки им какие-то даёт, сам ничего не выдвигает. С другой стороны такая позиция, она и уязвима, потому что как только человек, особенно если он не готов, если он привык просто критиковать и не готов к хорошему сформулированному тезису, к какой-то основной мысли. Как только вы его выводите на чистую воду и говорите: «А сами вы что сделали? Вот вы сейчас критикуете правительство, губернатора или кого-то. А что вы сами сделали, вообще в жизни? Сколько налогов заплатили, какие проекты реализовали? И вообще в чем ваша позиция? Вот вы считаете себя, что вы можете сидеть всех тут унижать, критиковать, искать какие-то недостатки в моих рассуждениях. Они конечно есть. Но вы то, вообще за что выступаете?». И позиция критика разоблачена. И если человек начинает судорожно формулировать свой тезис, за что он собственно выступает, он его сформулирует коряво. И тогда вы переходите в атаку, и к этим корявостям, собственно говоря, находите какие-то ключики. Опять же, если вы изначально взяли политику критика, и развиваете натиск на соперника, и к вам применяется такой же аргумент, когда вам говорят, что вы критикуете и ничего не делаете, то вы можете воспользоваться той же уловкой, которой воспользовался Глеб Капустин, про которого я уже сегодня рассказывал, из рассказа Шукшина. Он ответил так на возражение: «А нам зарплату маленькую платят». То есть, человек говорит, утверждает, что «вы-то сами что сделали?» и критикуете правительство или кого-то. Человек говорит: «А я и не претендую быть в правительстве, они же там самые умные, так пускай, они и делают как надо»,

«у меня зарплата не та, чтобы обо всех думать, просто критикую, потому что это мне не нравится». Или известный такой аргумент: «Кому много дано, с того много и спросится. Вот я и спрашиваю много». Это вещи, которые можно высказывать, защищая позицию критика.

И я бы, наверное, еще много мог перечислять разных приемов. Там искать какие-то противоречия логические, например, пытаться ... Приемов на самом деле много, их можно вычитать в различных книгах. Но я бы сказал, что все это достаточно бесполезно, я и так уже много наговорил, по той простой причине, что действительно человек в ходе дискуссии с большим трудом в состоянии, например, вычислить логическое противоречие в словах соперника, найти какую-то выгоду в его словах, быстро схватиться за какую-то ошибку в его словах. Поэтому все-таки я рекомендую сосредотачиваться на нападении. То есть не пытаться победить на контратаках и на тезисах, не давать развернуть сопернику его аргументацию, а сразу сбивать его с толку, сразу сбивать его теми приемами, которые я уже обозначил. То есть, например, формирующими вопросами, вопросами на «да» или «нет». Вот этими козырями, когда задаешь какой-то вопрос на знание факта. Какими-нибудь нелепыми аргументами, как опять-таки, приведу пример из знаменитого рассказа Шукшина, Глеб Капустин, как он срезал двух кандидатов наук. Пришли кандидаты наук, точнее приехали в деревню кандидаты наук. Мужики говорят: «Ого!» И он, и она кандидаты, муж с женой. Пришел Глеб Капустин и задает им вопросы: «А как насчет шаманов и проблем шаманизма в районах Крайнего Севера?» Умный человек, кандидат наук, отвечает: «Нет никакой та-

кой проблемы. О чем вы вообще говорите?» А ему Глеб Капустин отвечает: «Вот люди с бубнами бегают, бубенчики звенят, что-то, так сказать, происходит, а проблемы нет. Хорошо. Живете у себя где-то в Москве и проблемы не видите». Потом он ему второй такой же аргумент, совершенно может быть нелепый: «А как насчет Луны? Вот приедут, если она искусственного происхождения, и вылезут оттуда какие-то разумные существа, о чем вы с ними будете говорить?». Ну что можно ответить на такую глупость, кандидатам наук? Тем более, по-моему, филологических наук. Не могут ответить, замешкались, а он уже, соответственно, им и ответ дает. Что вот нужно им нарисовать Солнечную систему, еще что-то сделать. И мужики сидят, слушают и думают: «О, умный какой Глеб! Он все знает!» Вот перехватывание инициативы, еще раз говорю, надавание сопернику развернуть аргументацию, гораздо более правильно, чем если вы дадите развернуть аргументацию сопернику, а потом будете у него выискивать какие-то противоречия. Во-первых, это просто, наверное, не удастся, это очень тяжело. Это нужно быть очень серьезным логиком на уровне преподавателя логики, который каждый день логикой занимается, чтобы, например, найти круг доказательств, когда вы доказываете, что на основании А будет Б, а потом из Б у вас следует А, и одно и то же. Найти тавтологии, когда разными словами человек называет одно и то же, у него, по сути дела, аргумента-то никакого нет. Найти какие-нибудь ложные обобщения, когда человек из нескольких фактов сделал что-то одно. Это практически нереально для обычного нормального человека, и поэтому когда такие советы дают преподаватели искусства спора или препода-

даватели риторики, они оказываются бесполезными. А вот советы, например, играть от противного, то есть выдвигать нелепый противоположный тезис тезису соперника вполне может быть по силам каждому нормальному человеку. То есть, когда ваш соперник, например, утверждает что-то одно, вы берете и доводите до абсурда, даже не сколько его утверждение, сколько противоположное некое мнение. Например, муж бросает жене упрек, что вот ты сегодня с таким-то таким человеком вела себя грубо, а он бедный, чувствовал себя не в своей тарелке. И в ответ слышит: «А что же мне было, на него молиться что ли? Поставить в угол как икону и молиться на него?» Естественно, что с этим человеком можно вести себя тысячами разнообразных способов. Но выбирается именно тот, который является абсурдным и явно не приемлемым. Тем не менее, он действует. Вот в политической области то же самое. Утверждают, например, что Правительство плохо работает, и тут же контраргумент, доведенный до абсурда: «Так что же, давайте вернемся в 90-е годы? Давайте, что ли, вернемся во времена Ельцина, если плохо работает нынешнее Правительство?». С одной стороны уловка, мы видим, что соперник этого не предлагал. Но вы предлагаете на фоне доказательства от противного оттеняете его мысль. И уже выигрываете, что называется, набираете себе очки перед зрителями, телезрителями или читателями и так далее.

Еще несколько моментов, я бы сказал из таких приемов, которые могут пригодиться в споре очень быстром. В котором, как в быстрых шахматах, работа идет. Это некий блеф с фактическими данными. То есть, когда вы берете и приводите некие факты, цифры, которыми возможно даже тол-

ком не владеете, но аргументируете свою позицию. Причем, желательно придавать им видимость точности. То есть 70-80% женщин утверждают, что... и на это ссылаясь что-то говорить. Вряд ли ваш соперник владеет точной цифрой, тем более что эту цифру вы только что выдумали из головы, и он не сможет действительно вас опровергнуть. Если эта вещь действительно подкрепляет ваше такое мнение, то оно может сработать. Это вроде как выглядит как такой нечестный аргумент, но на самом деле везде в этой самой риторике эти вещи используются, везде в аргументации они используются, и разоблачать их, зачастую, чрезвычайно трудно, потому что нужно специально покопаться, поискать чистую настоящую статистику, и только потом выводить на чистую воду. А время уже ушло, ушло далеко, и уже куча людей заражено некоей неверной информацией. Вот, например, оппозиционеры выпустили доклад «Итоги правления Путина», где он начинается чуть ли не с коррупции. Что в России растет коррупция по данным Transparency International, рейтинга, столько-то сколько-то падение у нас составило, мы на каком-то условно 145-м условном месте находимся по коррупции, а в начале правления Путина мы были на каком-то 50-м. То есть, на 100 пунктов свалились за 10 лет. А если реально посмотреть на этот рейтинг, то окажется что он делается недавно. Раньше просто коррупцию не замеряли в других странах. То есть были на 50-м месте, когда стран было всего 100, а сейчас 200 стран и мы на 150-м, а само значение рейтинга осталось прежним. Ладно, это. Самое смешное в другом. Что этот рейтинг вообще не замеряет уровень коррупции, он просто узнает, озабочены ли граждане этой страны этой проблемой. То есть, то,

что мы стоим по коррупции на 145-м месте говорит только о том, что в нашей стране большинство людей считают, что это проблема. А вот, скажем, в Казахстане, где вообще все за бакшиш делается, или в арабских странах, люди это проблемой просто не считают. Им там, например воды не хватает в пустынях, у них там туристическая какая-то тема или еще что-то. А коррупция у них просто норма жизни, все друг другу всё дают. И они могут стоять на первом месте, или в десятке быть по теме коррупции по этому рейтингу. Потому что они ее не ставят как проблему, и когда их эксперты спрашивают «что является у вас проблемой?» они ее просто не называют. Тем не менее, еще раз говорю, такие вещи используются и все это делается.

Или, совершенно научные исследования я видел, просто чудовищная фальсификация. Скажем, я видел рейтинг, не рейтинг, а таблицу такую. По одной оси отложены года, 40-е, 50-е, 60-е, 70-е, 80-е, 90-е, по другой идет население, и идет такой рост населения. Вот здесь вот столько на земном шаре, потом больше, больше, больше, и потом там большой столб, что население растет. А ниже отложены столбики, обеспеченность продовольствием на душу населения, где столбики растут, но значительно меньше, по чуть-чуть. Тут вот такой резкий взлет населения, а здесь обеспеченность продовольствием буквально на один пункт, на два, повышается. Всякий человек, который глянет на этот график, он скажет: «Ох, елки-палки! Население как у нас растет быстро, а обеспеченность почти не растет». И, следовательно, вывод, что у нас перенаселение планеты, что продовольствия всем не хватит, что нужно ограничивать рождаемость и так далее, и так далее. Тогда как, если вдуматься,

график говорит прямо противоположное и вообще это чистая манипуляция. Рост населения это одно, а обеспеченность на душу населения товарами и продовольствием это отдельный показатель и по графику он, собственно говоря, тоже растет, просто растет медленно. Смысл этой фразы состоит в следующем. Что в течение всех лет обеспеченность продовольствием на душу населения, несмотря на то, что население растет, выше чем, допустим, в 40-50-е годы. Для людей, несмотря на то, что их становится на планете все больше и больше, продовольствия на каждую их душу становится тоже больше и больше. То есть прямо противоположный смысл, чем тот, который пытаются в нас заложить манипуляторы. То есть эти вещи сплошь и рядом, еще раз повторяю, используются. И главное, что они не просто используются, они публикуются в солидных газетах, изданиях, книгах. Миллионы людей входя в эти «зеленые движения», собирают подписи, собирают деньги. Работают целые клиники, так сказать, по планированию семьи. Или пропаганда абортот. Или еще по стерилизации какой-нибудь. Или по эвтаназии. И так далее, и так далее. То есть это огромное движение истории мировой, это факт политики мировой. А строится на такого рода «фактах». Но это как раз то, с чего я начинал, и то чем я хотел бы закончить, по правилам риторики. Что нужно всегда начинать с определенного тезиса и этим тезисом заканчивать. Что истиной является не истина прошлого, не истина факта, не истина того как якобы на самом деле. А истина, это истина будущего факта, истина это то, что способно двигать историю, что способно двигать человечеством, что способно направлять человечество. Поэтому вот эти вот графики фальшивые, фальшивые циф-

ры, блеф, и всевозможные вот эти поддельные вещи, это всего лишь инструмент в этой самой риторике, в этой исторической борьбе. И если ты в ней воюешь, то ты будь добр эти вещи применять и будь добр их знать. Ты ведешь войну, и у тебя есть танки, лучники, конница, еще что-то и так далее. И эти все вещи способствуют победе или непобеде. Причем эта победа будет не какая-то виртуальная, а иногда само существование государства стоит на кону, сумеешь ли ты победить в чем-то или не сумеешь победить. Сумеешь в холодной войне победить, или потом в результате холодной войны у нас на 50% ВВП упадет, как в 90-е годы с нами случилось. Так вот, если мы будем щепетильны и будем говорить, что мы не можем взять и исказить «научную истину» и сами себя кастрируем, сами себе запретим некие действия из каких-то соображений абстрактной просвещенческой научности, то мы можем исчезнуть с лица Земли. Еще раз говорю, что наука не является мерой воображения, потому что низшее не может быть мерой высшего. Воображение выше гораздо науки. Так вот мы не можем поэзию мерить наукой, не можем, соответственно, риторику мерить вот этими фактами, вот этими аргументами. И не можем запрещать себе такие приемы, в том числе и блеф, и какие-то вещи.

Мы их можем применять и можем знать, естественно, что если мы их применяем, то нас могут разоблачить. Мы можем разоблачать такие вещи, когда их делает соперник. Но мы должны помнить, что и нас могут разоблачить. Мы просто не применяем их часто потому, что мы можем попасться. Не применяем слишком грубый прием, который нас подставляет под удар. Поэтому вот эта эффективность сама накладывает определенные ограниче-

ния, а не то, что они не соответствуют некоей науке, действительности, некоей научной корректности, которая, еще раз говорю, сама по себе является модой уже трехсотлетней давности. Наша страна, тем более сейчас, не может позволить себе такую щепетильность, как говорить каким-то сухим языком научных цифр, фактов и так далее. Тогда уж точно нас никто не будет слушать. Мы должны говорить вдохновенно, увлекать людей за собой, любыми способами «влюбить» в себя весь мир, как я это говорю. Без поэзии, без возвышенного обмана, это сделать нам не удастся. А надо чтобы удалось. Подробнее о вопросах, которые были подняты в этой лекции вы сможете прочитать в книгах «Повелительное наклонение истории» и «Практическая софистика».

Спасибо за внимание.

ЧТО ТАКОЕ «КОНСЕРВАТИЗМ»?

Декартовский «субъект» положил начало Новому Времени. В зависимости от того, кто или что ассоциируется с этим субъектом, возникают три больших идеологии. Там, где субъект – это отдельная человеческая личность, индивидуум, мы имеем дело с так называемыми «индивидуализмом», «либерализмом», «анархизмом». Сразу оговоримся, что названия условные, так как различные идеологии выпячивают в своих памфлетах и работах ту или иную черту идеологии. «Любимыми» темами этой идеологии являются:

- *признание свобод и прав и борьба за них;*
- *права меньшинств вплоть до индивидуальности;*
- *потребительство (потребности, счастье и удовольствие индивида есть крайняя цель);*
- *право на аборты;*
- *эвтаназию;*
- *выбор пола;*
- *выбор сексуального удовольствия;*
- *ненависть к государству;*
- *ненависть к армии;*

- ненависть к церкви, религии любого рода;
- история видится как прогресс свободы, эмансипации, удовольствия и удовлетворения потребностей;
- отстаивание права на частную жизнь;
- право на коммерческую тайну;
- право на самооборону и проч.;
- в экономике максимально свободный рынок;
- в политике это либо крайний элитизм и презрение к демократии, крайний антиэтатизм или представительная и максимально прямая демократия с ограничением прав большинства и широкой представленности всех возможных меньшинств. Антитрадиционность, провокационность, постоянная готовность к протесту против любых норм, вмешательств и навязываний;
- борьба с «перенаселением» планеты, тема, «нехватки» ресурсов;
- любая этика держится не на долге, а на счастье, свободе и удовольствии индивидуума;
- эстетика держится на удовольствии индивидуума, на «эффекте переживания» и на проявлении индивидуальной оригинальности и конфликте с любыми традициями, канонами и нормами.

Там, где субъект, это, прежде всего, общество, расширенное до человечества, мы имеем дело с социализмом, коммунизмом. Еще раз повторю, что названия условные. «Любимые» темы этой идеологии это:

- борьба с эксплуатацией человека человеком, любыми формами неравенства;
- социальные гарантии (медицина, образование, пенсии);
- борьба с бедностью;

- культ науки и техники, технический прогресс, как средство решение проблемы «нехватки ресурсов» и «перенаселения»;
- интересы общества и будущих поколений есть основание этики. Основное слово этики – долг, основная награда – прижизненная или посмертная слава, общественное признание вклада в дело эмансипации человечества;
- искусство несет общественную функцию, часто идеологическую и воспитательную;
- повышенное внимание к средствам информации и коммуникации. Прозрачность, открытость и общественный контроль абсолютно во всех сферах жизни;
- негативное отношение к частной собственности и в том числе к интеллектуальной собственности, авторскому праву и проч.;
- борьба с индивидуализмом, эгоизмом;
- борьба с нарушениями социальных норм, хулиганством, преступностью;
- борьба с «паразитарными» социальными институтами (церковь), классом рантье, аристократией, недоверие к художественной и гуманитарной интеллигенции, чей вклад в общество трудно оценить;
- в экономике – общественно-обоснованный план;
- в политике это демократия большинства, чаще плебисцитарная, демонстрация любых форм солидарности;
- высокая оценка роли государства, как органа планирования и управления, выразителя общественных интересов, но низкая оценка государства как инструмента эксплуатации.

Там, где субъект трансисторичен и трансчеловечен, как например, Бог, какой-то иной абсолют и проч., мы можем говорить о так называемом «консерватизме», хотя этот ярлык придумали либералы, чтоб себя выставить сторонниками прогресса, а своих противников «тормозами прогресса», но оставим пока это имя для лучшей понятности. Видов консерватизма гораздо больше, чем либерализма и коммунизма, потому что разнообразны трансисторические субъекты и связанные с ними религии и идеологии. Любимые темы консерваторов:

- *это традиции, ритуалы, духовные ценности, в зависимости от признаваемых религий;*
- *этика, но трансцендентного происхождения, а не человеческая, то есть заповеди, миссия человека, назначение движения истории, основной вопрос этики – спасение и выполнение предназначения, духовное развитие, реализация трансцендентного смысла;*
- *настороженное отношение к техническому прогрессу;*
- *настороженное отношение к правам человека самим по себе, вне связи с трансцендентной реальностью;*
- *сакрализация роли государства, церкви, культа;*
- *против самоубийств, эвтаназии, абортов;*
- *настороженное отношение к человеческому или общественному и государственному планированию;*
- *борьба за свободу совести, в том числе и от посягательств государства и общества;*
- *в экономике – принцип разумной достаточности, пренебрежение материальным и подчинение экономики культурному, духовному и религиозному, экономика – есть средство для создания выдающегося и великого в культуре и трансчеловеческой области;*

- *в политике это чаще всего монархия, различные виды теократии;*
- *революции признаются в духовной и личной сфере как саморазвитие, общество же вообще может быть неизменным, традиционным и статичным и обеспечивать духовную жизнь.*

Каждая из трех идеологий, как правило, видит две другие, ей противоположные, в одном цвете, не особо различая.

Так, либералы клеймят и консерватизм, и коммунизм единым словом «тоталитаризм» и всего лишь видят в них разновидности этого тоталитаризма.

Коммунисты видят в либералах и консерваторах единый феномен. Так, либо консервативная идеология видится всего лишь услугой или ширмой либерального капитала, либо либерализм произведен от крайне антиобщественных религиозных взглядов («жидомасоны» и т.п.).

И наконец, консерваторы видят в либерализме и коммунизме одну и ту же идеологию атеизма, попытку сделать богом только человека, построить царство божье на земле, отрицать трансцендентные духовные измерения и погрязать в разновидностях материализма и гедонизма.

Кроме трех означенных крайних вариантов идеологий возможны еще три микса, и несколько промежуточных вариантов между миксами, в зависимости от того, как тактически и исторически три вышеозначенные идеологии заключали между собой союзы. В истории, как правило, мы редко имеем эти обозначенные идеологии в чистом виде, а чаще в виде миксов друг с другом и промежуточных вариантов.

Первый микс это – либерало-социализм, если так можно выразиться. А также все промежуточ-

ные позиции между либерализмом и социализмом. Чистый либерал-социализм характерен негативным отношением к любому консерватизму, к религии, церкви, к государству, традициям и духовным ценностям, он берет у социалистов веру в общественный и технический прогресс, уделяет огромное внимание средствам коммуникации, любит протест и революционность. Не чужд мерам социальной защиты и правам меньшинств. Аналоги из ближайшего столетия это либеральный коммунизм Троцкого-Ленина, сегодня это еврокоммунизм, идеология политкорректности, толерантности, либеральная демократия в США и Европе, с их широкой базой социальных прав и гарантий и бюрократией. Но это микс с уклоном в либерализм, если же уклон более социальный, то есть за субъект берется не человечество в целом, а отдельный народ, нация или раса, то мы имеем дело с разновидностями национализма и фашизма (особенно в их атеистическом, материалистическом варианте, лишенном трансцендентного измерения). Тогда к любимым темам такой идеологии добавляется тема демографии, сбережения и роста народа, войны (а значит, и тема милитаризма) за жизненное пространство, внутринациональной и расовой солидарности.

Второй микс – это либерал-консерватизм. Права человека и свободы, которые чтит либерализм, понимаются как данные Богом, накопление богатства, достижение успеха в политике в обществе и прочее воспринимаются как божественное или религиозное служение или как средство спасения.

Государство призвано охранять права и свободы в первую очередь и само либо является реализацией идеи свободы, как это было в идеологии либерал-консерваторов вроде Черчилля или Рейга-

на, либо государство имеет божественную сакральную основу, а рынок и свобода личности есть просто наиболее адекватное общественное устройство в условиях конечности человеческого бытия, которое не имеет права замахиваться на строительство рая на Земле, на всеобщее планирование и вообще подменять бога человеком. Так, например, обосновывал борьбу с социалистами Франко и др.

Третий микс – это социал-консерватизм. Здесь выполнение именно социальных норм и справедливая жизнь считается священной и религиозной обязанностью. Взаимопомощь не из прагматизма и общественного долга, а из религиозного и традиционного долга или с целью спасения, распространенность коллективных действий, ритуалов. Жертвенность, общинность, массовый героизм или массовый подвиг. Государство-корпорация строится по принципу государства-монастыря, так как идеальные или идеологические и духовные стимулы к труду преобладают над материальными и прагматичными. Бытовая экономика функционирует по принципу разумной достаточности, отрицается роскошь. И в экономике, и в политике преобладают коллективные действия и проекты, носящие печать идеологии, поэтому господствует гигантомания, а не принципы прагматизма и удобства. Общественный и технический прогресс признается в отличие от чисто консервативных идеологий. Исторические аналоги: Российская империя XIX века, особенно в период правления Александра Третьего. Из недавнего прошлого: СССР Сталина. Он, собственно, и демонстрирует переход от либерально-социалистического микса троцкизма-ленинизма к коммуно-консервативному. Недаром в позднем сталинском социализме и в период войны было реабилитировано православие. Безусловно, что идео-

логия Александр Третьего это больше уклон в консерватизм, а позднесталинская идеология больше уклон в социализм, но это один и тот же микс.

Таким образом, мы выделили 6 идеологий Нового времени. Нельзя их путать с политическими режимами и способами государственного устройства. В зависимости от политических традиций и исторического момента, эти идеологии имеют разные названия. Например, американские республиканцы в этой классификации – типичные либерал-консерваторы, а демократы – либерал-социалисты. Тори в Великобритании так же либерал-консерваторы, а виги – либерал-социалисты. В Латинской Америке мы видим социал-консерватизм под маской христианского социализма, таким же поворотом к социал-консерватизму отмечена политика Путина, пришедшая на смену либеральному консерватизму 2000-х и либерал-социализму и либерализму 90-х. Из шести выделенных идеологий и миксов – три задействуют слово консерватизм и их место в общем и целом в идеологической системе Нового Времени понятно. Но наш анализ был бы не полон, если бы мы взяли только одну – рационалистическую философскую традицию Нового Времени.

Вместе с концептом декартовского «субъекта» в Новое Время, естественным образом развивается и «свое иное» – то есть традиция антисубъективизма во всех его проявлениях. Этот антисубъективизм может выглядеть как недофилософия, которая не имеет самостоятельного значения без того, что она отрицает, но поскольку массовое сознание как раз склонно к такой недофилософии, а именно оно зачастую оказывается решающим во всемирно-исторических событиях, то игнорировать популярные идеологии антисубъективизма невозможно.

Средневековое мировоззрение держалось на триаде: Бог – Царь (государь) – Отец (муж, мужчина). В Новое время эти ипостаси были перетолкованы в соответствии с рационалистической философией субъекта. То есть, Бог стал абсолютным духом и субъект-субстанцией, государь субъектом-сувереном, отец, мужчина – преимущественным носителем политических и экономических прав. Таким образом, средневековое мировоззрение было включено и снято в философии Нового времени. Но с этим как раз не согласилось мировоззрение эпохи Просвещения – поп-версия философии Нового Времени и крайняя оппозиция любым элементам средневекового мировоззрения.

Так, в философии Просвещения появляются три фронта против традиционных локализаций субъективности.

Первый – это атеизм, он же материализм, борьба с трансцендентным субъектом, с божественным и священным в любом его проявлении, особенно в проявлении именно субъекта и Бога-Отца или Бога-Вседержителя. Такой атеизм готов признавать материю, природу, стихийность атомов и энергий, но не «руководящий и направляющий» а тем более личностный трансцендентный первопринцип. Поскольку ученые все же изучают порядок материи, то наука может так же объявляться человеческим институтом и порождением разума, а в вещах-в-себе можно подозревать царство случая и неопределенности и исповедовать не атеизм, а агностицизм. Как указывалось выше, атеизм и агностицизм особенно органичен чистому либерализму и в значительной мере чистому социализму и либерало-социальным миксам.

Второй фронт это антимонархизм, демократизм, анархизм, парламентаризм в крайних его

выражениях. Суть фронта в противостоянии фигуре царя, суверена, государя, любого лица, которому в той или иной степени принадлежит верховная власть. На первых этапах речь шла о войне с монархией и десакрализации образа верховной власти. Если монарх сохранялся, то его полномочия становились символическими и перераспределялись в пользу стихийного парламента, источником верховной власти объявляется народ. Здесь, как и в случае с материей важно, чтобы верховная власть носила безличностный характер, либо вообще отрицалась как в анархизме пользу прямой демократии или революционной стихии, или в умеренном варианте в пользу общественного договора. Этот фронт наиболее ценим представителями социалистических идеологий и миксов.

Третий фронт – это фронт против фигуры Отца, против семьи и против мужчины и мужественности и мускулинности как таковых. Этот фронт рекрутирует в себя феминизм, движение поддержки ювенальной юстиции, движение сексуального просвещения, ЛГБТ-движение, чайлд-фри движение, различные виды нон-персонализма, как правило, психологического или религиозно-эзотерического толка. Просвещение начинает здесь с суфражизма, с требования равных избирательных прав мужчин и женщин, потом выступает против семьи как способа «закабаления женщины», потом требует права быстрых разводов и алиментов, а дальше переходит к атаке на традиционную семью, узакониванию гей- и лесби-браков, навязывает моду на унисекс или метросексуализм в противовес мачи-му. Заканчивается все идеологией полной деперсонализации: сколько людей – столько и полов и деперсонализацией – личности нет, есть стихии аффектов, энергий и проч.

В соответствие с тремя этими фронтами мы можем видеть и три консервативных варианта сопротивления.

Первый консервативный фронт – это религиозный консерватизм, теизм, формы религиозного сознания, разнообразные виды церкви. Причем, церковные и общинные варианты вовсе не обязательный, теизм может быть и вполне «научным» и индивидуальным. Так многие великие ученые, Ньютон, Дарвин, Эйнштейн были субъективно теистами или деистами. В конце концов, наука открывает мировые законы и порядок, а крайний атеизм и антиперсонализм предполагает полное царство случая и стихий. Такие ученые, которые не считают науку только человеческим институтом на манер Канта и постпозитивистов, а верят в то, что они изучают так называемую «объективную истину», даже часто солидаризируются с религиозными и церковными кругами, с богословами и теологами разных конфессий.

Второй консервативный фронт – это политический консерватизм. Чаще всего он подкрепляется религиозным, но острее его критики сосредоточено на демократии и ее проявлениях, на революции во всех ее видах, на парламентаризме и его издержках. Он жестко критикует все революции в пользу эволюции и легитимных процедур смен власти, критикует любые проявления прямой демократии, в том числе электронной и любые горизонтальные и сетевые стихийные организации в пользу вертикально ориентированных. Политический консерватизм – апологет монархии, крайних форм этатизма, часто – теократии. В современном мире, апологет сильной президентской власти или власти любого другого главы государства, увеличения

сроков правления, отмены ограничений на количество избраний и проч.

Наконец, третий консервативный фронт, это, если будет позволено так выразиться, бытовой консерватизм. Он связан с отстаиванием так называемых «традиционных ценностей», под которыми чаще всего подразумеваются ценности традиционной семьи, распределение половых семейных ролей и прежде всего мужчины, как отца – главы семьи, добытчика, а женщины как матери и домохозяйки. Так же традиционный консерватизм подразумевает обязательное почтительное отношение к родителям и их первенство в воспитании, а не делегирование этого вопроса школе, органам опеки и проч. Бытовой консерватизм выступает за многодетные семьи, за затруднение возможности разводов, и, конечно же, он против сексуальных девиаций и нетрадиционных видов семьи, «шведской» или ЛГБТ. Исключением является традиционное для некоторых исламских стран многоженство. Бытовой консерватизм поддерживает в принципе культ мужчины, мужчины-воина, борца, предпринимателя, творческой, ответственной сильной личности против любых феминизаций и унисексуализаций образа мужчины. Естественно, бытовой консерватизм выступает против любых форм нон-персонализма от эзотерического до современного постмодернистского.

Важно отметить историческую динамику взаимоотношения этих антисубъективистских и консервативных фронтов. Просвещение предполагало, что в триаде Бог – Царь – Отец, главным и ведущим является Бог. Дескать, традиционная политическая система держится на освященном религией пьедестале, тоже относится и к традиционной семье. И достаточно, разрушить религию, церковь,

как тут же рухнет и все остальное: если Бога нет, то все позволено. Поэтому первый удар Просвещение наносило по религии и церкви и по теизму. Несколько позже исторически началась эпоха революций и «отрубания голов» монархам. Наступление на Отца, традиционную семью и особенно на «мужественность» началось исторически совсем недавно.

Однако есть все основания предполагать, что именно эта последняя историческая атака и является наиболее опасной для консерватизма, является крайним бастионом обороны. То есть, дело обстоит не так, что все держалось на фигуре Бога, и царь, и семья, а скорее сам концепт Бога был понятен и воспринимался через призму Отца и Царя, особенно в концепте Отца, как наиболее близкого и знакомого, укорененного в бессознательном и микро-практиках. Даже в традиционных обществах религиозная жизнь и отправление культов занимает 1 день в неделю и 1-2 часа в день, политическая жизнь так же, только когда речь идет о применении законов и текущем управлении, судах, отношений собственности. Большая часть жизни протекает скорее в кругу семьи, особенно в период формирования личности. Поэтому о политических и религиозных принципах и устройстве судят по аналогии с семейным устройством и семейные микро-практики и отношения власти, пронизанные религиозным мировоззрением, остаются надолго даже в отрыве от этого мировоззрения. Часто можно заметить, что нарушения отношений на уровне семьи (например, безотцовщина, как крайний вариант) ведет к нарушению отношений с обществом и властью (криминальные и революционные элементы часто из семей без отцов) и отношений с Богом и церковью и традиционной сферой мыслятся как несущее-

ствующие или придуманные или карающие, но не живые – человеческие, пронизанные уважением и благодарностью к прародителю. В свое время первые атеисты настаивали на том, что нравственным человеком можно быть и без Бога, они показывали на безусловно порядочных людей, которые провозглашали свой атеизм, как на образец такой нерелигиозной нравственности и светской этики. Аналогично, позже Просвещение демонстрировало, что можно быть гражданином государства и слугой народа без всякой трансцендентной этики и без этики «служения государю», без всяких «законов чести» и прочих консервативных мотиваций. Указывалось на гражданский героизм советских людей в период Отечественной войны, большая часть из героев была сознательными коммунистами и атеистами. Однако во всех этих случаях мы забываем, что люди еще поколениями воспитывались в традиционной семье с ее традиционными консервативными микро-практиками и, по сути, еще религиозной этикой и правилами, религиозное происхождение которых было скрыто от самих носителей. Человек может быть поверхностным атеистом и демократом, потому что так учат в школе и потому что так говорят средства массовой информации, но благодаря традиционному семейному воспитанию он по своим паттернам поведения ничем не отличается от человека воспитанного в религиозной и монархической среде. Для них обоих будут важны слова «честь» и «честность», понятно слово «долг», благодарность, уважение, почитание иерархии и так далее, потому что это было тождественно в их семьях. В современном же мире, где предпринята атака на традиционную семью, когда растет количество разводов, детей без родителей, детей с нетрадиционными родителями и так далее,

автоматически растет количество преступников, коррупционеров, лже-предпринимателей, в государстве отмирают гражданские добродетели, растет пацифизм и аполитизм, начинают процветать нон-персоналистские, синкретические, эзотерические и сатанистские нью-эйджевские культы и религиозные мировоззрения. Оказалось, что «смерть Кащея», то есть, в данном случае, консерватизма находится вовсе не в концепте Бога, а в концепте Отца и Мужчины, в концепте Личности.

Именно атака на семью, отца, мужчину позволяет разрушить все традиционное общественное здание вместе с его организационными государственными институтами, законами и проч. и их идеологическим обоснованием, в конечном счете, всегда религиозном. Разрушение идет в пользу анархических горизонтальных экономических и политических связей, медийных стихий и сетей, атомарных и случайных отношений.

Поскольку именно в этой семейной сфере находится центр и нерв общественного устройства, там выбор между моделями развития и устройства общества, там основной фронт борьбы добра и зла. Пока богословы прекрасно находят общий язык с учеными, а политические консерваторы ведут дискуссии с демократами в парламентах и на ток-шоу, настоящие войны разгораются по поводу ювенальной юстиции и отношению к ЛГБТ-сообществу, настоящие войны идут в семьях по поводу воспитания детей, по поводу семейных обязанностей и т. п. И, с одной стороны, есть сила традиционного бытового консерватизма и унаследованные паттерны и влияние консервативных идеологий, а с другой – влияние глянцевого журнала, масс-медиа и разлагающихся элементов традиции, свободных

радикалов, ибо один пострадавший в этой войне на личностном уровне стремится заразить других.

Как ни странно, именно недооцениваемый интеллектуалами-консерваторами «бытовой консерватизм» является самым главным оплотом консерватизма, что как раз отлично понимают враги консерватизма и бьют именно в традиционные семейные ценности. Современный консерватизм, во всех его видах, если он хочет выжить и спасти себя, должен всю свою энергию направить именно на этот фронт. Политический консерватизм должен озаботиться принятием законов, связанных с укреплением традиционной семьи, церковь должна сказать свое веское и строгое слово, а не потворствовать «современным веяниям» переводя на церковный язык идеологию постмодернизма (вместо «все люди разные и надо вести себя политкорректно с уважением к их различиям» говорят «все люди грешные и кто мы такие, чтоб судить другого за его грехи»).

Правильно выбрать точку приложения усилия и прорыва это значит правильно направить энергию борьбы миллиардов людей в мире. В свое время, Рональд Рейган сумел выиграть борьбу либерализма с коммунизмом, перетянув к себе в союзники консерватизм и начав рассуждать в терминах мирового добра и зла. Сегодня Владимир Путин мгновенно получил поддержку сотен миллионов людей во всем мире, консервативного бытового большинства, выступив в защиту традиционных ценностей против пропаганды ЛГБТ. Это значит, что нащупан правильный нерв, надо расширить и увеличить усилия в этом и смежном направлении.

КТО ТАКАЯ «ЭЛИТА»?

Я буду говорить про элиты, про это понятие, как его понимали в различных культурах и что общего в понимании элиты у этих культур, что является центральным и самым важным и что делает человека принадлежащим к тем самым элитам.

Начну я с нескольких сюжетов из истории, из истории философии, из истории культуры, по ним будут понятны некоторые вещи. Вот тут у вас в зале висит цитата из Мишеля Фуко, известного французского философа, книги которого активно переводятся в России. Он жил во Франции и работал в конце 60-70-80 гг. и был очень буйным человеком, революционером, анархистом. Если где-то возникла какая-то баррикада или просто демонстрация он обязательно там присутствовал, давал какие-то интервью, махал флагом – в общем, человеком был с активной жизненной позицией. При этом он был неплохим теоретиком, который старался работать с первоисточником и кроме того читал лекции студентам. Один из курсов его лекций был посвящен греческому понятию «паресия», Фуко считал его основным из понятий государственного управления, демократии, республики, и поэтому старался

специально исследовать, как греки его понимали. Он прочитал античного историка и географа Страбона, а точнее – его перечисление элементов греческой демократии, то есть, что некие права, например, права человека, свобода слова должна быть там, демократические различные институты.... И паресия перечислялась там через запятую тоже как обязательный элемент. И он решил, если это понятие входит в обязательный набор правильного идеального государственного устройства, то, что это, хотелось бы это посмотреть и узнать. На русский язык это понятие, согласно словарю греческого языка Вейсмана, самого авторитетного, переводится как правдивость, то есть правдивость, как некий элемент государственного устройства и демократии. Что это за правдивость? Надо понять, что это такое, наряду с законами, со свободой слова, со всеми такими элементами еще какая-то правдивость должна быть. Не странно ли, мы вроде бы никакую правдивость не называем, когда перечисляем элементы государства. И Фуко у Плутарха находит пример этой правдивости, случай, который произошел со всем известным философом Платоном. В Сиракузах на Сицилии был правитель Дионисий, у него был племянник Дион, который попросил молодого Платона приехать к нему в гости и заодно понаставлять Дионисия, как правителя всей Сицилии, поучить, посоветовать, как правильно управлять. На самом деле эта история мифологическая, которая дошла до Плутарха от учеников Платона. На самом деле Платон был вынужден приехать на Сицилию, потому что в Афинах приняли законы, по которым всех «полукровок» лишают гражданства и обращают в рабство, поэтому Платон оттуда сбежал на Сицилию, но ничто ему

не помогло, его и там арестовали и сделали рабом и отправили обратно, на родную для него Эгину. Но, тем не менее, ученики хотели романтический смысл придать этой истории, и рассказывали ее так, как это передается у Плутарха. Дескать, действительно, племянник Дионисия привел Платона к царю, а Платон до этого имел возможность пообщаться с народом и посмотреть на все порядки. И Платон выступил, не боясь ничего, он заявил, что Дионисий неправильно управляет своей Сицилией, своими Сиракузами, что при его предшественнике все процветало, было все замечательно, а он многое делает неправильно, даже почти все – неправильно. На это Дионисий якобы обиделся и потом именно за это продал Платона в рабство. Не важно, была ли эта история на самом деле, сам миф в данном случае занимает Мишеля Фуко. Он обращает внимание, что именно это называет Плутарх паресией и именно это он называет правдивостью. Это специфическая очень речь, речь человека, который не боится верховной власти, не боится царя, который может обратить тебя в рабство, убить, сделать с тобой все, что угодно, а ты можешь ему правду-матку всегда в лицо сказать. Вот эта правда, правдивость и есть тот самый конститутивный элемент правильного государственного устройства, который обязательно всегда должен быть. Если все будут молчать, если не будет того, кто способен говорить так открыто царям все, что захочет, то и не будет правильного общественного устройства. Фуко, в данном Платоне и в данной истории, скорее, видит самого себя, как такого же человека, который точно так же дает интервью, скачет по всем баррикадам, участвует во всех революциях, больших и маленьких, во Франции, и считает, что это

очень важная функция интеллигенции, именно как элиты общества, говорить царям и всем остальным эту самую правду-матку. Спроси Фуко, кто такая элита, то он бы и ответил, что элита – эта интеллигенция, которая является совестью нации и говорит всем всегда правду. Это очень бы понравилось всяческим нашим правозащитникам, которые живут на американские гранты и критикуют власть. Фуко развивает и противопоставляет эту паресию, правдивость другим видам речи. Есть, например, в теории языковых актов такое понятие, как перформатив и перформативная речь, это такая речь, которая сливается с делом – действием. Например, когда мы говорим слово «телефон» и есть телефон, мы все понимаем прекрасно, что телефон на деле – отдельно, а слово «телефон» – отдельно. А когда я говорю: «Дарю тебе этот телефон», то слово «дарю» и акт подарка это одно и то же, именно в момент произнесения слова «дарю» происходит и дарение, то есть слово и дело не отделены друг от друга. Так вот власть, как правило, говорит перформативами. В частности, власть может что-то учреждать: «учреждаем университет», «открываем больницу», «данное собрание или совещание считаю открытым» говорит председательствующий, в момент произнесения этих слов оно и открылось, сказал «закрыто» – в этот момент оно и закрылось. И, конечно, главная функция власти – это приказы всевозможные: власть издает указы, указы президента, распоряжения правительства, законы парламента... Именно в момент издания, подписания, голосования происходит этот перформативный акт. Присяга это тоже перформатив, а присягает армия, полиция, судьи, свидетели, президенты и власть всегда держится вокруг такого рода перфор-

мативов. И вот этим перформативам Фуко противопоставляет эту правдивость, и говорит, что это совершенно разные акты. В перформативах не важна субъективность человека, потому что в перформативах играет роль само общественное целое. Нельзя отдавать приказы там, где их не слушают. Если есть институт армии, например, или какой-нибудь чиновничий аппарат, и ты там отдаешь приказ, то все устроено так, что этот приказ исполняется, и тогда он не бессмысленный, он работает. А если ты пришел отдавать указ, как царь Ксеркс, который приказывал морю не шуметь, потом приказал высечь море за то, что оно его не послушало, то эти приказы неправильны и невозможны. Поэтому для работы перформативов необходимо сохранение определенных правил игры и человек должен играть роль именно такую, которую его обязывают играть обстоятельства. Если ты царь, то забудь про свою субъективность, ты должен, хочешь или не хочешь, открывать и участвовать в церемониях, открывать эти самые заседания, и может тебе спать хочется очень сильно, а ты должен идти и говорить: «Заседание открыто», «Повелеваю всем идти на войну» и т.д. То есть ты должен произносить массу всяких ритуальных вещей этих самых перформативных, которые требуют от тебя все эти обстоятельства, хотя сам ты субъективно, может быть, к этому ко всему не склонен. А речь «правдивая», так называемая, невозможна без того, чтобы субъект сам не был в ней убежден, и он всем своим существом в ней участвует, причем настолько, что даже рискует своей жизнью в случае чего, то есть, он говорит такие вещи, за которые его могут и в тюрьму посадить в случае чего, и казнить, и все, что угодно сделать. И вот на этом Фуко созда-

ет это противопоставление, и на этом бы хорошо ему закончить свои лекции и книгу, в которой он показал и доказал это некое понятие. Но тогда Фуко был бы нечестным ученым, человеком, который просто под свои интеллигентские революционные убеждения подверстал бы древних греков и при случае бы ссылался на них. Дескать, не я это придумал, а вот, древние еще сказали... И Фуко бы давно все забыли, как забыли тысячи бузотеров на разных баррикадах. Но Фуко действительно настоящий исследователь, а путь исследователя, исследовательское мышление таково, что заставляет все проработать, на все посмотреть, на всем имеющемся материале. Он начинает смотреть как греки в разных других ситуациях понимали понятие паресия, или правдивость, как оно у них там работало, функционировало, и начинает в это закапываться, и эта его стройная, замечательная концепция начинает расплзаться по швам. И давайте посмотрим, в какую сторону она начинает расплзаться. В частности, он находит такую трагедию Еврипида «Ион». Написана эта трагедия была в связи с тем, что Греция в эпоху колонизации, и Афины, в частности, очень активно боролись за Ионию, за Малую Азию – это ионическое побережье, где сейчас находится Эфес, Милет, там строили греческие колонии, в них жили люди, торговля велась и так далее. Афины стремились утвердить первенство над этими греческими городами, поэтому постоянно велась борьба. В результате возникает некий социальный заказ необходимости как-то доказать, что колонии эти все происходят из Греции, из Афин, и Афины имеют над ними некое старшинство. На самом деле надо сказать, в науке доказано, что наоборот, культура вся пришла в Грецию из Малой Азии,

но две с половиной тысячи лет считалось, что это Греция была высокой цивилизацией, которая учила Малую Азию. Почему грекам удалось внедрить эту иллюзию? Греки были тонкими пропагандистами, и именно «Илиада» с «Одиссеей» были написаны для того, чтобы поднять греческий дух и исказить историческую правду, то есть сказать, что именно греки выиграли войну с троянцами, хотя, на самом деле, они ее проиграли. Так и здесь Еврипид выполняет четкий социальный заказ и при этом создает прекрасную греческую трагедию под названием «Ион». Задача этой трагедии – подвести всех сидящих там зрителей к мысли, что, действительно, вся Иония, все греческие колонии происходят из Афин и, следовательно, Афинам должны подчиняться. Но к этому зрители должны прийти сами, самостоятельно, дойти своим умом, это не должно быть написано везде прямо, что «мы пришли и начнем вас строить», а в результате получения эстетического удовольствия и наслаждения от прослушивания и просмотра комедии у людей сама собой должна возникнуть такая мысль о превосходстве Афин. Искусство вообще тем лучше, чем более завуалировано оно говорит то, что хочет сказать, в отличие от пропаганды. Сюжет строится вокруг того, что жила одна греческая царевна, которая гуляла по Акрополю, и явился ей Аполлон, она ему очень понравилась, он ее соблазнил, она забеременела, а Аполлон трусливо смотался куда-то, исчез как свойственно некоторым мужчинам, и осталась она одна. Родственники на нее ополчились, в результате чего она этого ребенка отдала в храм Аполлона же, где Дельфийский оракул знаменитый, где ребенок и воспитывался, не зная, кто его отец и кто его мать. Позже царь Афин женился

на этой женщине. Живут они, а детей-то все нет, а царство надо кому-то оставлять. И вот этот царь идет к Дельфийскому оракулу и Аполлон ему является в виде пифии и говорит: «Вот нет у тебя сына, а я тебе его даю, и да будет это первый, кого ты встретишь, когда выйдешь». А сын в это время при храме подметает сад. Царь вышел и встретил этого сына и говорит: «Бог мне тебя дал, и я забираю тебя в Афины, будешь там править». На что сын отвечает: «А как я буду править? Кем я вообще там буду? У меня не будет паресии, свободы высказывания и управления собраниями. Я – «никто и из ничьих», откуда-то пришедший, все понимают, что я не твой сын. Мне нужен хотя бы родственник, подтверждающий знатное происхождение, что я имею род». Дальше трагедия развивается. Опускаю детали, там участвуют всякие кормилицы, которые в этом были замешаны и он, и жена. В итоге – все разрешается благополучно. Царь и все остальные узнают, что Ион – сын этой знатной жены и, следовательно, имеет право и высказываться и как все полноправные граждане Афин сидеть в собрании и говорить, ничего не боясь, то есть, иметь паресию! Стоп! С этого места подробнее. Если паресия, это просто правдивость, то какая вообще у Иона была проблема? Что он не мог говорить правдиво, не имея благородных предков? Кто ему мешал? Если паресия, как раньше определил Фуко, это субъективная речь, которая противостоит перформативам, то что мешает Иону заседать в собраниях. Ведь собрания это как раз перформативы, а Иону надо было, как сыну царя и будущему царю их открывать и закрывать, выполнять ритуальные перформативные функции. Но Ион жалуется отцу, что он может это делать, потому что у него нет паресии! Очевидно, что тут что-

то не вяжется и концепция Фуко рушится. Фуко пытается выйти из положения, пытаясь увидеть в понятии паресии еще и родовые реликты, оставшиеся из рабовладельческого строя. Фуко ни разу не переводит слово паресия как-то иначе, везде говорит про нее, как про правдивую речь, тогда как на русский перевод наиболее адекватный вот в этой ситуации был бы: «честность». Не правдивая речь, а именно честность, с той контаминацией, которая есть у всех нас, и которую мы знаем, и которая связана со словом «честь». Честь рода, честь семьи, женская честь, рабочая честь, офицерская честь, честь сообщества, к которому ты принадлежишь, именно такое понимание у греков и возникает. То есть – я могу быть элитой общества, я могу быть в этом собрании, иметь настоящий голос, если я что-то из себя представляю, если есть что-то, что может поручиться за мои слова. То есть слово само за себя не ручается, то есть можно что угодно сказать кому угодно, то есть не бывает никакой «правдивой речи» самой по себе. Когда жулик говорит вам «правильные» слова, они ничем не отличаются от слов не-жулика. По словам, вы ничего не поймете, поэтому рушится прежняя концепция Фуко, которая противопоставляет перформативам некую неперформативную речь, которая обладает внутри себя некой правдивостью. Эта речь тоже не сама по себе правдива, а только потому, что имеет залог в виде собственных убеждений и готовности за них пожертвовать собой. Это не мало, но традиционные перформативы считают это самым малым и недостаточным минимумом, потому что за перформативные высказывания жертвуют не всего лишь одного себя, а целое государство, например, встает, как один по приказу.

Недавно в дороге я читал манифест очередной партии, в России их сейчас 70 штук, и лидер очередной партии говорит что-то о том, как мы должны жить, как нужно бороться с бюрократией, какие земельные кодексы принимать и так далее. Но я читаю, и он вроде бы говорит какие-то правильные слова, но почему-то я ему не верю. Потому что не понятно, кто это говорит? Это говорит человек, который создал какое-то дело, который доказал всем, что он не пустое место, организовал бизнес, организацию, общественное движение, вокруг себя собрал каких-то людей и они что-то сделали?.. Или, может быть, за него ручаются его предки, может он вышел из какой-то семьи, пусть, например, его отец был известным художником, допустим его дед – герой Советского Союза, а прадед служил царю и получил какой-нибудь орден или Георгиевский крест и так далее. Это некий человек, за которым ничего не стоит, который говорит правильные слова, которые неизвестно чем закончатся, может быть его изберем президентом, а он будет воровать, продавать или еще что-то делать. Вот именно это имеют в виду греки, когда говорят, что слово само за себя не ручается, должно быть что-то, что ручается за человека. Грубо говоря, честным не может быть тот, кто – никто. Бомж не может быть честным! Мы привыкли воспринимать честность как субъективное согласие с собой, а в этом греческом понимании паресии честность есть нечто объективное. То есть объективно гарантированное всеми обстоятельствами всей системы, в которую включен данный индивид, и за него говорят и его дела, и его род, и его предки, и вся совокупность каких-то отношений, в которые он включен. Потому что субъективность – вещь очень зыбкая, она может ничего

не стоять. Например, шизофреник может видеть и общаться с несуществующим инопланетянином и будет абсолютно уверен, что этот инопланетянин с ним рядом сидит, ну кажется ему, у него галлюцинации, и в этом смысле он честный, потому что честно говорит, что его видит. Или когда пьяным кажется, что море по колено, а наутро просыпаемся и сожалеем – кажется, что соображал, но столько дел наделал, и «сломал деревцо – стыдно людям смотреть в лицо». И здесь та же ситуация: сознание – такая штука, которая ставит штамп достоверности на всех наших восприятиях и на фальшивых и не на фальшивых. Сознание субъекта себя очень любит, попустительствует себе. Это как добрый сторож в колхозном саду, который пускает всех подряд и всем дает мандат на сбор яблок. Человек в чем только не может быть убежден, и божиться может всеми богами, и даже жизнь может отдать за какую-нибудь свою иллюзию. Греки этого не хотят допустить. Они говорят, что честно не может говорить человек, который «никто и из ничьих», как говорит Ион в этой трагедии. Он просто не может быть честным. Нам это непривычно слышать, ведь мы считаем, что каждый человек может быть честным, какая разница бомж он, генерал, аристократ какой-нибудь, к тому же честность мы привыкли воспринимать как качество речи, а для них это совокупность объективных человеческих отношений. Честным может быть только тот, у кого есть честь. Он имеет честь принадлежать к роду, он имеет честь принадлежать к какой-то группе, к какому-то отношению, к какому-то делу, которое за него говорит. И эта принадлежность на него накладывает огромную ответственность. Он не может обесчестить своих предков или сослуживцев и т.д.

поэтому «кодексы чести» предписывают, как ему быть, чтобы действовать по определенной методе, в любой ситуации и на все случаи жизни, а не стать случайно рабом, страсти, ошибки, случайного субъективного заблуждения. Вообще, чем меньше в тебе субъективности, и чем больше ты своим поведением воплощаешь образцового представителя данной корпорации, к которой ты имеешь честь принадлежать, тем лучше. Я часто общался с руководителями высокого уровня, про некоторых из них у меня сложилось впечатление, что они в постели с женой разговаривают о бюджете, интересах региона и проч. И это не лицемерие, это искоренение в себе всего личного и слияние со своей политической миссией. Элита – это не свободные радикалы и субъекты, элита это корпорация с ее правилами, написанными потом, кровью, слезами предков, тех, чей опыт в этих правилах отражен. Это первый сюжет. Сюжет из далекой-далекой Древней Греции.

Теперь приведем поближе к современности некие сюжеты, некие размышления, которые есть у другого философа во многом противоположного, воюющего, в том числе с Грецией, с Платоном – это Фридрих Ницше. Он тоже очень много размышлял об аристократии, господах, рабах. Его бабушка в молодости блистала при дворе немецкого князька, а потом вынуждена была всю жизнь жить в деревне, и все время бредила балами, красавицами, лакеями, юнкерами, вальсами Шуберта и хрустом французской булки... Этот старческий маразм маленький Ницше воспринимал за чистую монету и решил, что он потомок знатного аристократического рода из польских шляхтичей Ницких. При вступлении в кадетскую школу для мальчиков с во-

енным воспитанием, он всем стремился продемонстрировать различные подвиги, как аристократ со всеми разговаривал, высоко подняв голову, истязал себя различными физическими упражнениями, было много смешных случаев, когда он падал с лошади и все такое. Всю жизнь он старался пронести себя, как такого родовитого аристократического человека, и главной чертой сущего или сущностью всего сущего его философии была так называемая воля-к-власти. Он говорил, что все пронизано волей-к-власти: и камень, и животное, и растение, и тем более человек. Это сущность всего сущего, что только есть. При этом эту волю-к-власти нельзя понимать ошибочно. Что есть какая-то власть, например, в Кремле или в каком-то другом месте, к которой мы стремимся. Так понимать нельзя, потому что тогда сущностью всего сущего такая воля не будет. Если власть как цель где-то там наверху, и, если мы к ней стремимся, то тогда *она, власть, и есть сущность, она* нами управляет, *она* определяет наше поведение, как нечто внешнее, эта самая где-то там находящаяся власть. А если мы говорим, что воля-к-власти это сущность всего сущего, что она является началом и концом всего самого, то воля-к-власти, она даже через тире у Ницше пишется, как единый феномен, и она находится в нас самих, и нет никакой внешней власти, то воля-к-власти может означать только направленность на себя же саму, означает командование, приказ. Если в мире нет ничего кроме воли, то воля может приказывать только самой себе, то есть воля-к-власти означает приказ самой себе: «больше воли!», то есть, воля приказывает воле, чтобы она возрастала. Воля-к-власти означает такой саморост «Выше, дальше, сильнее!». Будь на миллиметр

выше, чем ты был вчера, на сантиметр, чем ты был позавчера и т.д. То есть, ты все время должен расти, расти, расти, расти, расти. Это и есть сущность всего сущего – оно всегда растет, оно всегда должно меняться в сторону возрастания. При этом воля не может остановиться на месте и не расти, если она остановилась, значит, она падает, она может только падать или расти. Это как велосипед, или едешь, или упал. И вот, когда Ницше разделяет людей на различные группы, он говорит, что у одних воля больше, у других меньше. Например, при столкновении двух волей одни становятся рабами, другие становятся господами, те, которые готовы пожертвовать жизнью, которые не боятся, не трусят, вот они становятся господами. И, размышляя над эволюцией воли, над тем в каких пределах она, в принципе, может расти, он задается вопросом: «А что, собственно, может помешать воле расти?». Если другая воля мешает, то она поглощается, включается внутрь себя в процессе борьбы и завоевания, но если все завоевано, допустим уже, и уже ничего другого нет, кроме самой же воли, получается, что помешать ее росту, само-росту, может сама же воля, то есть некие противоречия внутри нее самой. Размышляя, он говорит, что противоречия внутри самой воли есть отношение воли к самой себе, но только к себе самой – прошлой. То есть, во время роста воля, когда была еще маленькой, что называется «не доросла», она совершала с точки зрения большой, более совершенной воли, некие ошибки, потому что она была еще маленькая, а воля при этом определяет ведь все мировоззрение. Когда мы находимся на этом месте, мы все видим с этой точки зрения, стали повыше и видим выше и дальше, стали еще выше – и видим еще

дальше, следовательно, когда воля была меньше и не столь совершенна, как более высокая, она могла совершать ошибки с точки зрения большой воли. И в этом смысле прошлое может делать волю слабее. И большая воля хотела бы, чтобы это ее собственное прошлое изменилось. Таким образом, она борется с прошлым, борется сама с собой – прошлой. Но эта борьба ее ослабляет. Поэтому Ницше говорит, что величайшим достижением воли было бы избавление ее от «духа мести», потому что дух мести состоит в ненависти ко времени, к его «это было и ничего с этим не поделаешь» и «изменить это нельзя», «это факт» (факт по-латыни – «сделанное»). Воля по идее должна мочь изменить все. Поставила цель, и все в ее силах, все в ее власти, особенно совершенная воля, выросшая воля, но что она не может изменить, так это прошлое, и ничего не сделаешь со всеми ошибками. И это отношение к прошлому, которое тебе хочется изменить, терзание ошибками прошлого, это и есть, та самая месть, которая съедает волю изнутри и ослабляет ее. Поэтому Ницше говорит, что правильно было бы настоящее отношение, которое бы действительно волю сделало совершенной, это противоположное отношение, не месть, по отношению к прошлому, а благодарность, принятие прошлого и, более того, желание, чтобы оно повторилось. В советские времена были журналы «Огонек», «Крестьянка» и т.д. Тогда там не звезд печатали, а героев труда, героев войны, людей, которые совершили всякие подвиги, прожили замечательную жизнь. Журналисты всегда им задавали вопрос: «Вот Вы, Иван Иванович, со всеми орденами, прошли войну, у вас три ранения, вы подняли такой-то колхоз, стали героем социалистического труда, вы еще другой

колхоз подняли или возглавили что-то, вы голодали, замерзали, у вас такая трудная была жизнь, одни сплошные потери, родственников потеряли, сыновей потеряли, а если бы у вас была еще одна жизнь, вы бы как ее прожили?». Как правило, Иван Иванович отвечал: «Если бы у меня была еще одна жизнь, я б ее прожил точно так же, я счастлив, я доволен, я полностью горжусь своей жизнью». Именно этот момент Ницше захватывает: совершенная воля должна быть такой, которая стремится к повторению, к тому, чтоб каждое мгновение жизни было таким, будто даже повторяясь, бесконечное количество раз в вечности, чтобы оно было достойно этого повторения. Это очень тяжелая мысль и очень тяжелая этика. Представьте себе, что вы оцениваете свои поступки и свою жизнь по такому критерию – достойно ли это мгновение, чтобы бесконечное количество раз повторяться в вечности. Потому что Ницше говорит, поскольку все есть воля, то нет никаких целей, ценностей, к которым она стремится, следовательно, вечность – это некое такое повторение бессмысленное, бесцельное этой воли, которая крутится, вращается, и поэтому все будет бесконечное количество раз повторяться. Так вот, достойно ли это мгновение, которое ты живешь, этого вечного повторения? Если не достойно, значит живи по-другому, если достойно, чтоб его в вечность впечатать – замечательно, впечатывай и живи таким образом. Ни в коем случае не относись к прошлому так, что ты хочешь в нем что-то изменить, поменять, или тем более тратить свою жизнь на попытки изменить это прошлое каким-то образом. Сверхчеловек по Ницше это тот, кто понял сущность человека, как волю-к-власти, то есть у обычных людей тоже воля-к-власти их

сущность, а сверхчеловек не просто этой сущностью обладает, он знает о ней, а раз знает – он ее сознательно должен волиять. Сверхчеловек имеет такое определение у Ницше: «Цезарь с душою Христа». С одной стороны – Цезарь – это воля, которая ставит цели, достигает, побеждает, ставит новые цели, достигает и так далее. С другой стороны – с душою Христа – то есть прощение и благодарность и к себе, и к другим, и к прошлому, это некое благородство по отношению к ошибкам, к врагам. Если ты победил кого-то и ты благороден, то не надо его дальше добивать, ты должен постоянно смотреть вперед, ставить новые цели, и пусть мертвецы хоронят своих мертвых. Это качества сверхчеловека, господина, того самого господина, которым он мнил себя, и которого считал принадлежностью к правящим элитам, в отличии от подлого сословия, рабов и так далее, которые постоянно занимаются мстостью, которые постоянно что-то переделывают, которые все время недовольны своим прошлым, да и настоящим тоже, то тут бы они лучше сделали, то там по-другому, они все время пилят сук на котором сидят, то есть пилят свое прошлое, рабов, которые мстят своим врагам и тем самым от них зависят, которые не желают, чтобы прошлое повторилось, не ценят свое прошлое. Пожалуй, вот это такое сущностное отличие в философии Ницше, отличие элиты, господ от рабов. Кстати, он очень пессимистично смотрит на развитие современного общества. Он считает, что общество все больше утрачивает господский дух, который был у греков древних, в средневековье была аристократия, и современным обществом, которое называет обществом идеальных рабов, которые живут в рамках норм, ничем не рискуют, не ставят себе никаких ве-

ликих целей. Есть и последний человек у Ницше. У него не страсти, а страстишки, не грехи, а грешки, и выше всего он почитает здоровье, говорит, что познал счастье – это последний человек, который не может ничего родить, никаких новых целей и ценностей, не создаст никогда ничего великого. Это маленький человек и род его подобен каким-то муравьям и крысам, которых очень много, который занимает маленькую свою нишу, не знает ни своего прошлого, не гордится им, не чувствует себя принадлежащим к истории, не возвращает господский дух. «Прежде весь мир был безумным, – говорит последний человек, – то есть все до меня были дураками, а мы живем правильно, мы познали счастье, а до этого были и кровь какая-то в истории, убийства и войны какие-то и нищета и голод, и что вообще там люди делали, это же безобразие в таком мире жить. А мы создали наконец-то свой уютный мир, свое уютное счастье, в котором ничего уже не случается, никаких эксцессов». Это то самое общество рабов, к которому идет современный мир. Ницше говорил о том, что мир кончится, или если сказать словами Элиота – «Вот как кончится мир: не взрыв, но всхлип», не потому что кто-то атомную бомбу взорвет или будет какая-то война, для войны нужны страсти, нужен великий замах, великие цели, а мир кончится тем, что не найдется никого, кто способен не то чтобы кнопку нажать, а вообще, кто понимает, что эта кнопка означает, что ее построили какие-то другие люди. Даже сейчас в мире есть проблема, когда те космические корабли, которые строились у нас или у США, не хватает инженеров, которые смогли бы их просто отремонтировать, потому что не стало тех, кто их когда-то создавал – примерно об этом Ницше и говорит. Это

опять-таки отношение к прошлому. Вы поняли, о чем я? Элита, аристократия – это особое отношение к прошлому, благодарное, познающее, гордящееся и себя элита видит в связи с этим прошлым, как его продолжение.

Ну и наконец, третий сюжет, который хотелось бы обозначить, он уже из другой культуры, намеренно мной взят – это библейский сюжет, короткий, все его слышали, уж точно слышали слово «Хам». Оно у нас тоже воспринимается, как некий грубый человек, который себя грубо повел, который матерится, или говорит грубые слова. На самом деле это самое «хамство» и понятие «хам» имеет очень четкую локализацию. В Ветхом Завете был патриарх Ной, который спас всю живность и всех нас, все человечество от Великого Потопа. Он первый догадался, что будет этот потоп, стал строить ковчег, хотя над ним все смеялись, собрал туда каждой паре по паре. Был потоп, все выжили и потом от Ноя все остальные люди и произошли. У него были три сына Сим, Иафет и Хам. Ной однажды напился, что бывает со всеми, и в голом, обнаженном виде пьяный, как свинья, валялся. Увидел это Хам, и стало ему жутко весело, стал смеяться над отцом, позвал еще своих братьев посмотреть. А братья подошли и прикрыли отца одеждой, и внушение брату сделали, что нехорошо над отцом смеяться. А когда отец проснулся и обо всей этой истории узнал, он сказал, что твои потомки Хам, будут рабами у детей Иафета и Сима, поскольку и все люди от них произошли, то и у всех остальных твои потомки будут рабами. Поскольку предполагается, что от Хама произошли именно чернокожие люди, ссылаясь на эту легенду, американские и английские работорговцы объясняли, почему они негров

обращают в рабство – сами виноваты. Но оставим это на их совести....

Смотрите, какое наказание странное, в связи с тем, что говорилось о Ницше и коррелирует очень, заметьте. Не выдал патриарх своему сыну 10 плетей, не поставил его в угол, не приказал ему работать долго, не покарал его другими казнями, а речь идет именно о рабстве, то есть твои дети будут рабами. За что? За то, что ты смеялся над отцом, за то, что ты неуважительно относился к своим корням, к своему прошлому, нарушил заповедь о почитании родителей – именно это карается рабством. И это сущностная связь: именно такого наказания требует такое преступление. Непочтение к родителю говорит о том, что ты раб. Такое впечатление, что те, кто писал Ветхий Завет читали Ницше. Или он его читал... Конечно, читал, но он был атеист, а вот, смотрите, сохраняет всю этику. Именно тот, кто не ценит свои корни, кто подрубает свои корни, кто одержим грехом непочтения к прошлому, грехом профанации священного, тот имеет плохую рабскую психологию, тот не может принадлежать к аристократам, то есть к тем, которые гордятся родом, если Грецию вспоминать, которыми культивируется род. Слово «элита» взято из агрономии, когда мы говорим об элитных семенах, специально выращенных, когда мы берем лучшие семена с урожая, плохие отбрасываем, лучшие опять сажаем, плохие опять отбрасываем и так много раз и, таким образом, выращиваем элитную пшеницу, которая будет самой колосистой, самой тяжелой, зерно которой будет самым вкусным, морозоустойчивым, паразитоустойчивым и т.д. Вот это возвращение все больше и больше, культивирование, которое предполагается в роду, когда с каждым разом ста-

новится все лучше и лучше, и в нем культивирование это продолжается, и если культивирования нету, этого благородства, этой линии, каждый раз вперемешку и непонятно откуда ты взялся, непонятно какое потомство дашь, и получаешься ты «никто и из ничьих». Это то, что понимала прежняя родовая аристократия, то, что она старалась передавать по наследству своим детям, что она им внушала, говорила о родовой чести, которую ты не можешь ни в коем случае посрамить, лучшие навыки передавала, так называемые кодексы чести и микропрактики. Ты должен гордиться своими предками и сделать так, чтобы предки тобой гордились. Это то, что у нас в последние столетия было отменено в связи с торжеством другой идеологии, которая возникла в эпоху Просвещения, в эпоху иного времени, когда Декарт сказал: «Я во всем могу заблуждаться, во всем могу сомневаться кроме одного, в себе я заблуждаться не могу, поэтому то, что я есть – это абсолютная истина, все остальное – неабсолютная». Поэтому субъективность моя – это самое главное и то, на чем все стоит. Отсюда пошло очень много важных вещей: революция в политике, все люди субъекты, истина внутри меня самого, почему какой-то король нами правит, какие-то графья, князья и вообще, непонятно кто. Мы все имеем право участвовать, следовательно, голосования, демократия и так далее и не важно, граф он, из родовитого племени или еще откуда-то – он такой же, как все остальные. Экономика: почему есть какие-то цеха, монополии, какие-то мастера, подмастерья и прочее – каждый человек свободен, каждый может продавать свою силу как угодно, как у него получится – так и будет, будет хорошо работать – богатым станет, будет плохо ра-

ботать – бедным. То же самое в культуре: как кто видит мир, тот так и делает – не нужно подражать великим образцам, можно кубиками рисовать или еще чем-то, не красками, а кровью, например, фекалиями – так они видят мир. Так я вижу мир – это мое субъективное выражение. То же самое в религии: я могу сам выбирать себе богов свою веру, какую захочу, такую и буду выбирать. Умереть я сам решаю когда – эвтаназия, пожалуйста. Пол могу сменить – чего это мне природа какая-то пол дала, я сам могу пол менять на такой, какой мне нравится, какой я захочу. И спать я тоже буду с кем захочу, пожалуйста. Аборты: я решаю, кто будет жить, кто нет, это мое тело, мое право, а не мифическим богом данная жизнь. Везде и все центрируется на субъекте: я могу делать с собой все, что угодно, это вообще неотъемлемое право, татуировками могу себя всего изрисовать, органы свои продать или завещать, или чипов каких-то в себя навставлять и стать киборгом, то есть это вообще мне никто не может запретить. Соответственно, раз все центрируется на этой самой субъективности, то рушатся те прежние структуры, того прежнего общества, которое названо теперь «традиционным обществом», вместе с его традициями. Каждый субъект мнит себя, считает себя своего рода богом, если от него все происходит и к нему все возвращается, то над ним ничто не может дозволить. А раз он все создает, и все создается из него, то свою субъективность он может доказать только креативностью, неким творчеством, ведь отличительная особенность бога – творить мир. Творчество здесь это нечто небывалое, даже такие простые вещи, как никто раньше в храме не танцевал, а мы пошли и станцевали – это же небывалое? Небывалое. А значит, – это тоже

творчество. СМИ нацелены на новости, то есть когда показывается, что делается что-то, чего раньше не было, например, самолет упал – раньше не падал, теперь упал; война началась – раньше не было, сегодня началась; кто-то еще сделал такое, чего раньше не было – они показывают. Следовательно, показывают только таких субъектов, которые делают то, чего раньше не было, как будто они творческие, СМИ не показывают обыденное: «новость не когда собака укусила человека, а когда человек укусил собаку». Легче всего субъективность показывать, нарушая какие-либо границы, потому что, если традиции есть некая передача чего-то, то когда ты ее прерываешь, отрицаешь, нарушаешь, тем самым ты создаешь что-то новое, нетрадиционное. Поэтому, начиная с Декарта и той самой эпохи Просвещения, которая так себя назвала, как эпоха, которая борется с прежней традиционной мифологией, начиная с разрушения основных скреп общества, начинается борьба с этим самым прошлым. Первым падает Бог. Бьют по нему как по основе мира, поскольку на Боге все основано, и целью жизни человека является спасение души человека, Бог – источник заповедей различных и так далее, собственно, если хочешь разрушить этот мир, то нужно ударить по Богу. Дальше падают наместники Бога на земле – цари всевозможные, им рубят головы вместе со всей родовой аристократией. И, наконец, последний край – мужья и отцы, поскольку традиционная семья – это тоже ячейка воплощения еще прежнего традиционного общества. Начиная с XIX века идут огромные процессы по разрушению семей, и они довольно прогрессивные: женщин заставили работать, ввели права на алименты, потом права на аборт, увеличилось ко-

личество разводов. Разрушение семьи идет различными способами, в том числе признание гомосексуальных браков и всего на свете, через ювенальную юстицию, когда дети могут судить своих родителей, то есть, вот то самое хамство. Во время разводов конфликты родителей отражаются на детях. Как правило, дети остаются с матерями. И вот представьте, жил ребенок в семье, любил маму и папу, и тут вдруг развод. И кто-то из родителей, чаще мать, говорит, что папа плохой. Или другой родитель плохой. В любом случае, когда идет такой конфликт, ребенок скатывается на ту или иную сторону. При этом у него была любовь раньше. И вот тут возникает травма: получается, что то, что человек чувствовал, что знал, что любил, это не истина, а оказывается, истину знает кто-то другой, другой родитель или дяди с тетями, короче говоря, мои чувства не истины, Истина меня самого не у меня, то есть моя любовь, мои чувства, все это может быть обманом, а на самом деле правду знает другой человек, родитель или посторонний, который мне объяснил, что я заблуждался, любя кого-то из родителей... Человек на всю жизнь теряет уверенность в себе. Он идеальный объект для манипуляции, он раб, хам, потому что кто-то другой оказывается лучше знает, чем он, а его родовое чувство ничего не значит... И вот с разрушением семьи, возникают такие люди, их становится все больше... Наступает общество, где хамство возводится в абсолют, отрицание прошлого, борьбу с прошлым, отрицание традиций, отрицание отцов, отрицание любых авторитетов, отрицание любых святых, профанация всего, что только можно, иронизирование над всем тем, что считалось священным. Зубоскальство, комедия, цирк вот чем любит наслаж-

даться хам, это низкие жанры, тянущие вниз великое, истинный аристократ любит трагедию, козлиную песнь, «трагос» по-гречески «козел», козел отпущения, жертва. Аристократ всегда приносит себя в жертву. Если бы Ницше посмотрел на все это, он бы сказал: «Да, я предполагал, что человечество движется в общество рабов, к снижению всего высокого, вот оно туда и идет». Возникают поколения «Иванов, не помнящих родства». Атомарное общество. Общество начинает как бы делиться на «продольников» и «поперечников». Одни видят историю вдоль, как длинную череду поколений. Другие, по сути, не видят, истории, живут поперек истории, в не во времени, а в пространстве, отсюда такая мания возникает к завоеванию пространства, сначала земного шара, а потом космоса. Случайно ли что появилось на Западе? Не случайно. Всем известно, что католичество от православия отличается тем, что в символе веры католики добавляют всего одно слово. Сколько смеялись над этими религиозными фанатиками, которые видите ли из-за одного слова не могли договориться и церковь разделилась, и были религиозные войны и гибли люди. Речь идет о допущенном католиками прибавлении в восьмом (из двенадцати) членов Символа Веры догмата об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына – т.н. филиокве (лат. *Filioque*, «и от Сына»). Произвольная эта прибавка возникла в VI в. на поместном соборе Испанской церкви в Толедо. Сначала папа Лев III отверг этот догмат, но затем, когда римские первосвященники стали претендовать на всю полноту власти в христианском мире, он был принят основополагающим. Одной из причин утверждения исхождения Св. Духа «и от сына» явились и полити-

ческие события, а именно падение династии Меровингов и узурпация трона императоров Каролингами. Требовалось обосновать возможность прерывание традиции, то есть обосновать возможность получения власти не только «от отца». Уже в 867 г. на соборе в Константинополе, в котором участвовали и три епископа Западной церкви, константинопольский патриарх Фотий осудил притязания Римского Папы на верховную власть в церкви, а затем опубликовал свое знаменитое окружное послание, в котором указал на филиокве как недопустимое с точки зрения христианской догматики отступление в Западной Церкви от истинной православной веры. Окончательный раскол христианства на западную (католическую) и восточную (православную) церкви (т.н. «схизма») произошел в 1054 г. при Папе Николае II. Первой крупной жертвой противостояния христианских Востока и Запада стал в 1204 году Константинополь, захваченный и разоренный крестоносцами (Четвертый крестовый поход). Россия, которая является преемницей Византийской империи и православия, хранит этот догмат. Заметьте, мы, пожалуй, единственные остались в Европе, кто употребляет до сих пор при обращении к другим отчества. Поминаем вместе с человеком, и его отца. Обращение по отчеству считается нами уважительным, а без отчества более фамильярным. Не случайно простолюдинам раньше, холопам, хамам, отчества и не полагались, они были гришки, ваньки и петрушки, а не Мукии Парменычи и Тимофеи Матвеевичи. Отчество раньше начинали употреблять по отношению к человеку, когда он становился взрослым, ответственным и чего-то достигал в жизни. Современная журналистика западного типа постепенно искореняет отчества из обращения, насаждает хамство.

Кто-то скажет, но вот мол, в западной культуре испокон веку так: Зевс убил своего отца Крона. А Эдип убил своего отца. Про греческую мифологию – отдельный разговор, это продукт довольно поздний и продукт переноса общественных отношений на отношения богов, антропоморфизация их, которому предшествовало гипостазирование божественных сущностей, что было уже симптомом деградации, хотя в политическом плане это выглядело как расцвет. Но дальнейшее быстрое исчезновение Греции показывает нам, что духовно она была больна. С Эдипом вообще хороший пример. В трагедию всякий человек искусства, конечно, старается брать максимально острые сюжеты, которые должны поразить в самый мозг зрителя, всевозможную чернуху и мокруху, это вам любой журналист скажет и любой автор детективов. Поэтому Софокл когда пишет про Эдипа, берет максимально скандальный случай: убийство отца и сожительство с матерью. Это то, что максимально шокирует публику. И это еще говорит о том, что это способно было шокировать, а значит было в противоречии с господствующими нравами, хотя и изрядно подпорченными антропоморфической религией, которая распространилась за пару веков до этого. Идущий из древности закон почтения к родителям все больше и больше подвергался разрушению, что в итоге привело к падению Греции. И эту закономерность мы найдем везде в истории: забывание исторических корней, забвение истории, предков, триумф хамства непосредственно предшествуют порабощению или смерти общества или народа.

Есть такая легенда, очень похожая на правду. Дескать, в древние времена одно племя решило:

а зачем нам кормить и таскать с собой стариков? Женщины тоже добычи не приносят, но все-таки рожают воинов, сидят с детьми, готовят еду, занимаются собирательством, дети – будущие воины и женщины, а старики зачем, они же чистые дармоеды, лишняя нагрузка на племя. И стариков убили. Через некоторое время племя вымерло: некому было рассказывать сказки, некому было передавать опыт веков, каждая крупица которого оплачена и потом, и слезами, и кровью предшествующих поколений. Впрочем, эта легенда придумана, скорее всего, уже в эпоху капитализма, в эпоху плана и расчета, когда куцая рациональность стала претендовать на роль решающего фактора, это всевозможные либерал-фашисты рассуждали по принципу: зачем кормить лишние рты, которые ничего не производят. Такой вопрос мог возникнуть в головах какого-нибудь утописта эпохи Просвещения, рисующего очередной общественный идеал рационального устройства. В древности люди и помыслить себе такого не могли, так как прекрасно знали, кто хранит традиции, и что значат для любого племени эти традиции. Почтение к прошлому распространялось даже на умерших предков, которые были хранителями и защитниками племени и шаманы общались с их духами. Мертвых зарывали под стены пещер (обычай хоронить мертвого под порогом дома или под печью сохранялся кое-где вплоть до XIX века), всякий входящий в жилище должен был приветствовать духа предков прислоняя открытую ладонь к стене пещеры или печи (печь аналог пещеры, пещера-печера), открытая ладонь, протянутая вверх сохранилась даже в христианстве на иконе «Знамение», называемой в народе «Вратарница». Мы знаем этот жест от фашистов, которые поза-

имствовали его у ультратрадиционалистов, молодежь говорит «кинуть зигу». У нас есть однокоренное слово – сгать, то есть метнуться или метнуть что-то вверх, корень сохранился в слове «присяга». Присягать – значит соединиться с духом предков, которые выступают залогом и гарантом данного слова. Честности данного слова.

Вот такие сюжеты, которые с разных сторон охватывают различные исторические процессы и демонстрируют то, что мы можем увидеть в истории. Они по-разному это прописывают, по-разному говорят, и дают понимание, что понималось под элитой, под аристократией, под ролью ее в обществе.

Я говорил час назад о признаках и о сущности элитарности, которые элиту делают элитой. Сейчас бы я хотел поговорить, какую роль она несет в государстве и государственном устройстве, как это обычно определяется и потом тоже какие-то исторические примеры привел бы.

Различные философы размышляли всегда на тему того, кто должен в государстве управлять, либо самый сильный, либо самый умный, либо самый богатый, либо еще кто-то. В свое время Аристотель, поскольку он был энциклопедист и систематик, решил создать теорию в политике, собственно, политика с греческого и переводится как государство, – он решил систематически вопрос этот исследовать. И так логично подошел, что управлять могут либо один, либо некоторые, либо все, поэтому мы имеем три формы государственного устройства. С одной стороны, это монархии разного рода – власть одного; это аристократия, то есть власть некой группы, тех самых лучших, элиты; и некая власть народа, граждан всех, которая тоже может каким-то обра-

зом осуществляться. Трем этим формам он поставил в соответствие три испорченные формы: вместо нормальной монархии и царской власти может быть тирания, вместо аристократии – олигархия, а вместо республики – охлократия, демократия. Последнее было отрицательным словом – власть хаоса, власть толпы, Майдан своего рода, полевые командиры и так далее. Они отличались друг от друга тем, что в хороших формах есть справедливость, а в других справедливости нет. Причем справедливость Аристотелем определялась как то, что некий данный человек заслуживает в соответствии с его миссией в рамках этого целого. То есть справедливость нарушается там, где человек получает сверх того, что он заслуживает что-то другое. Например, если человек ученый, то справедливо, что у него будет много книг, доступ к материалам, к соответствующей аппаратуре. Если человек занимается бизнесом – справедливо, чтобы у него был доступ к деньгам, ресурсам. Если человек занимается политикой, то у него доступ к СМИ, свобода слова, свои права и т.д. Если же почему-то богатый вместе с богатством получает политическую власть или еще другие вещи – вот тут нарушается справедливость, и вот этого быть не должно, то есть нужно четко иметь только то, что ты заслуживаешь. За балансом этих вещей в государстве нужно правильно следить, тогда государство будет нормальным. Но, несмотря на то, что Аристотель так красиво все систематизировал, показал, как различные формы переходят друг в друга, исследовал на примере различных государств: Спарта, Афин, и как у них менялись аристократия, олигархия. Он пытался вывести из этого какие-то закономерности. В одном городе было так, в другом по-другому, бывает много исто-

рических случайностей, например, государство может развиваться и все в нем будет хорошо, а потом пришли какие-нибудь персы, его завоевали, и стало плохо, а это никаким внутренним закономерностям не подвержено. Но главное, что с Аристотеля пошли три традиции, каждая из которых тянула одеяло на себя. Мы можем наблюдать в истории до самого XX-XXI века эти три традиции. Одна упорно отстаивает, что любое государство в скрытом виде или не в скрытом все равно управляется единовластно. Называем ли мы монарха президентом, генеральным секретарем, федеральным канцлером, фараоном – все равно существует этот человек, который принимает некое последнее решение и без него, без этого краеугольного камня государства не существует, без него оно посыплется. Мы, действительно, можем это наблюдать на примере всевозможных революций, когда свергается царь, какой бы он ни был хороший или плохой, государство рушится как все здание, будто оно стояло на этом маленьком камушке. То есть носителем суверенитета является именно этот человек. И не удивительно, что так случается. Свергли Николая II, думали, что будет демократия и республика в Российской империи, подумашь, ведь всего один человек ушел, что организуют Временное правительство, есть Государственная дума, а потом – еще одна революция, и гражданская война, и 10 млн. жертв, и хаос, и непонятно что. Если брать современный пример, хотели убрать Каддафи в Ливии и заменить его хорошим человеком, а теперь оказывается, что и Ливии никакой нет, и разные государства вместо нее и они никак не управляют, полевые командиры, полное запустение и т.д. Оказывается, что монарх – это некий такой суверен, иногда даже формальный.

Пирамида государственная устроена именно таким образом, что когда что-то становится законом, оно по этой пирамиде по цепочке идет от более высшей власти на нижние этажи: указ издается президентом, передается своей администрации, администрация отписывается губернатору, губернатор еще дальше, и так оно функционирует, дает обратную связь, принимаются новые решения. Как только убирают это главное звено, без которого сразу все встает в ступор, все сыпется, государство разрушается, хотя вроде бы убрали одного человека. Так перформативно устроено государство, что без подписи, без последнего решения не может существовать. Две одинаковые по содержанию бумажки о назначении, например, губернатора отличаются только тем, стоит ли на ней подпись президента или нет, и к исполнению принимается бумажка с подписью, вроде бы закорючка маленькая, но должен быть в государстве тот, кто ее ставит, и без этого первого или последнего лица государства не существует. Так же как в шахматах нельзя играть, если королю поставили мат, даже если все остальные фигуры на доске. Поэтому монарх он как бы экстерриториален, он запускает закон, то есть тот, кто делает закон законом – он не может быть подзаконным, потому что стоит над законом, он делает закон законом и он его запускает. Он, как Пушкин говорил: «В государстве должен быть единственный человек, кто выше закона». Поэтому неотъемлемым его правом является право помилования. Например, по закону человека могут осудить, а президент имеет право его помиловать, президент имеет право вводить чрезвычайное положение, когда отменяются все законы, ибо положение того требует, и начинает непосредственно руководить.

Или, например, право президента издавать указы, когда произошла ситуация, не прописанная в законах, президент устраняет данный вакуум своим указом, до тех пор, пока Дума или кто-то еще не придумает закон, который будет это регулировать. Именно он единственный стоит выше закона, ему принадлежит суверенитет, а не народу, как это написано в конституции. Я говорю крамольные вещи, потому что ну не может весь народ стоять вне закона, потому что все это вырождается в ту самую охлократию и демократию в худшем смысле этого слова.

Несмотря на традиции, многие мыслители абсолютизируют этот момент, это консервативные мыслители, они опираются на власть первого лица, всегда стараются ее подчеркнуть, всегда стараются ее найти, историю пишут как историю царей и игнорируют другие части. И есть другие мыслители, которые абсолютизируют элиты, они говорят, что в любом случае один в поле не воин, даже будь он семи пядей во лбу, все равно он опирается на тех, кто будет помогать деньгами, на источники донесения информации, журналистов, политиков, пиарщиков, советников, на тех, кто умеет управлять большим хозяйством, большими политическими системами. Это системообразующие люди, некое образованное меньшинство, которое знает больше, чем все остальные, и которое это знание использует на поддержание этого целого, то есть – это та самая элита. Эта вторая традиция показывает, что как раз элита ставит президентов и первых лиц, манипулирует народом и решает, куда народ пойдет и что будет делать, сменил неудобного царя, устроят путч, заговор, именно ей принадлежит тайная власть. Элита не является закрытой как некое тайное пра-

вительство, которое сидит где-то тайно и собирается в тайных местах, элита – публична, это правительство, это высшие классы предприниматели, начальство всех видов, которое открыто и публично лидирует, ведет народ, руководит. Хотя есть и тайные пружины и непубличные люди в ней.

Есть третья традиция, которая говорит, что как ни крути, а власть всегда принадлежит народу, и все элиты и президенты до тех пор могут руководить, пока народ это терпит, и в результате холода, голода или других вещей, которые для народа оказываются значимыми, он свергает всех подряд и элиту, и этого самого президента, поэтому, прежде всего в народе нужно видеть этот источник власти.

Как бы эти традиции не враждовали, наверное, в каждой из них есть доля истины, но на самом деле еще Гегель заметил, по поводу Аристотеля, который разделил эти государственные устройства, что каждое из государственных устройств содержится в любом государстве, и каждое государство является и монархией, и аристократией, и республикой, то есть в нем все совмещено. В хорошем государстве воплощается справедливость и каждая из трех составляющих частей находится на своем месте: народ представлен законодательными и представительными органами власти, элита представлена открытым ответственным правительством, когда я – министр, и я отвечаю за это, а не олигарх, который за мной стоит, и открытой публичной властью первого лица, которое запускает эти все законы.

Есть испорченное государство, в котором одновременно находятся три испорченные формы. Как правило, монарх в нем является тираном, самодуром и волонтаристом, который никого не слушает, находится над всеми законами и как угодно

их изменяет. Безответственная олигархия, которая стремится только к собственному обогащению за счет всех, и которая не несет никакой публичной ответственности, то есть они не как открытое правительство, а как скрытое, стоящее где-то там за кулисами, которое чем-то манипулирует и при этом хочет избежать любых наказаний и любой плохой репутации. Третий элемент – охлократия, которая все время бунтует, выступает, требует сегодня казнить одного, завтра другого, гильотина работает. В такой ситуации государство неустойчиво, не может ни инвестиции привлекать, ни богатеть, ни быть идеалом для кого-то. При иллюстрации этой мысли Гегеля я часто привожу примером России 90-х годов и 2000-х. В первом случае, как типичное испорченное государство, в котором постоянно митинги, демонстрации, бунты, невыплаты зарплаты, какие-то люди стоят у памятника Ленину с требованием вернуть КПСС, куча каких-то банд, в то же время олигархи, которые рулят всем, Березовский, Гусинский, Ходорковский, которые стоят за всеми СМИ, владеют телеканалами, раздербанивают все богатства страны, и в то же время Ельцин, который дирижирует оркестром, устраивает министерскую чехарду, меняет всех по своей прихоти, ведет странный образ жизни, неделю пьет, то его нет, то работает с документами со слов пресс-секретарей, то угрожает всем ядерными ракетами, то подписывает невыгодные договора – то есть типичный волюнтаризм. И с другой стороны, пусть не идеальное государство, эпоха 2000-х России, когда есть нормальный парламент и структурированная система выборов, когда олигархи равноудалены от власти, и правительство оказывается более значимым, чем это было значение олигархов в 90-е годы,

и тот же самый Путин, который не является волонтеристом, авторитарный, безусловно, лидер, но не самодур. Его спросили журналисты о принципах управления, и он отметил обязательную коллегиальность, то есть каждый вопрос должен быть обсосан со всех сторон, чтобы разные мнения и разные интересы были представлены. Потому что легко принять решение, когда тебя пришли и убедили, особенно, если пришедший умеет убеждать, и ты взял и подписал, не подумав о том, что другому будет плохо, пускай оба скажут, и поспорят, и придут к компромиссу. Из-за этого все работает довольно медленно и бюрократично, но, тем не менее, эта процедура обсуждений действует. Поэтому место элиты в правильном государстве – это публичность, ее открытость и служение этому самому государству. Но здесь мы также натываемся на ряд вопросов, на которые разные философы дают разные ответы, и очень сложно из них выбрать или предпочесть.

Есть модель правильного хорошего государства и у Канта, и у Гегеля. Кант говорит, при том, что у него также присутствуют три ветви власти, что чиновничество, исполнительная власть – это не источники каких-то социальных инноваций, какого-то движения вперед и развития государства. Чиновник – это консервативная часть, это тот жираф, до которого все доходит в последнюю очередь. Есть гражданское общество, – говорит Кант, – все мы являемся гражданами этого общества, все мы как люди обладаем пониманием целого, как устроено наше государство, как устроена планета, мир. Как частные лица мы являемся определенной частью: пекарь, сапожник, журналист, но как человек я могу рассуждать обо всем, не только о своем пекар-

ском искусстве, но и о том, как войну нам вести с Францией или не вести, должны у нас быть мигранты на улицах или не должны и т.д. И дело может быть мне до многих разных вещей – и в этом качестве гражданина и человека я могу высказываться. Должна быть обязательная свобода слова – это обязательный принцип философии Канта. На открытой площадке для дискуссий рождается нечто, при этом я, как частное лицо, должен подчиняться законам, даже если они мне не нравятся. Принцип, который пишет Кант: «Говорите о чем угодно, только подчиняйтесь». То есть, можно отрицать и что угодно делать, но законы ты не имеешь права нарушать ни в коем случае. Как частное лицо, ты определен, если ты пекарь, ты можешь высказываться по общим правам человека, но как пекарь ты должен соблюдать стандарты печения булочек, принятые в законах, ценообразование, платить налоги и т.д. У другого человека другие обязанности, которые он должен выполнять, а говорить и дискутировать можно о чем угодно. И вот, когда в дискуссиях рождается некое общее мнение, которое законодательной властью превращается потом в закон, после его принятия ему опять все подчиняются. Но до тех пор, пока мнение не стало общим, не стало законом – оно только предмет для дискуссий. Чиновники в этой связи являются тупыми исполнителями законов, они не обязаны вести страну вперед, они не обязаны за нее отвечать, за нее отвечает парламент, не надо требовать с государства, с чиновников, чтобы оно что-то решало, они самые последние. Вы тут продискутировали, все обсудили, парламент законы принял, а мы берем и тупо все исполняем, и исполнять будем до тех пор, пока вы новый закон какой-нибудь не примете.

Исполнительная власть – самый консервативный инструмент, который есть, а монарх или президент за всем этим надзирает, смотрит, чтобы вся эта система не нарушалась.

Что говорит Гегель? Гегель говорит прямо противоположное, с Кантом у него масса разногласий. Он говорит, что человек в гражданском обществе преследует, прежде всего, свои частные интересы, кто-то хочет хорошо жить и бизнесом своим заниматься, кто-то посвятил себя духовному служению, наукой занимается, книжки пишет, кто-то военную карьеру себе избрал или еще что-то. Каждый человек живет по принципу «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Каждый может, преследуя свои частные интересы, стремясь к своему собственному счастью, вступать либо в коалиции и объединять вокруг себя людей, причем может жестко объединять путем договоров внутренних, создавать корпорацию, политическое общественное движение, партию, бизнес-проект, либо он может конкурировать со всеми, или с кем-то дружить, а с кем-то конкурировать. Каждый раз это определятся выгодой тех людей, которые в этом участвуют. Если им выгодно – они в союзе, если не выгодно – они не в союзе. В любом случае частная выгода человека – она главная, и все люди к этому личному счастью и стремятся. Но есть как раз категория людей, которая целью своей жизни, миссией своей жизни делают не стремление к личному благу, счастью, не достижение выгоды эгоистической, а именно служение общему, вот именно они составляют государство. Потому что чиновник не работает на своем рабочем месте, а служит, он ходит на службу, то есть его задача как раз служить некому общему интересу. Государство по Гегелю – это то,

что служит свободе всего в обществе. В прежнем государстве, восточной деспотии, служили свободе одного деспота, восточного фараона или китайского императора, государства греческие или римские служили свободе некоторых – аристократии и элите, а современные государства после Французской революции служат свободе всех. Задача государства поддерживать все граждан и следить за и правами, следить за законностью, и члены корпорации как раз имеют миссию служить общему интересу. И как раз коррупция – это отказ от общего интереса ради служения частному, то есть на своем месте, которому он принадлежит, не оно ему, а он ему, занимая место какого-нибудь чиновника, он вдруг начинает думать о себе лично, своем животе, или каком-то интересе и начинает вместо общего заботиться о себе. Именно в этот момент происходит измена общему интересу, и государство становится плохим. Полная зеркальная противоположность Канту. У того именно гражданское общество является источником инноваций и движения, а чиновник просто тупой исполнитель, который последним что-то узнает. У Гегеля – гражданское общество – это частные люди, заботящиеся о себе, а корпорация государства – это как раз те, кто служат общему и единственные, кто думают о его стратегических целях, о его задачах, выживании, борьбе с соседними государствами. Потому что частный человек не будет думать о том, как на 20 лет вперед создать авианосец, или атомную бомбу для защиты, это не лежит в горизонте его потребностей или счастья, а президент и прочие лица этой корпорации обязаны об этом думать и поддерживать весь этот организм в целостности. Две параллельные модели. И в этом смысле Маркс, он был гегелья-

нец, во время рисования своей теории общества усилил этот момент. В Советском Союзе была правящая партия КПСС, которая мутировала через какое-то время и прошла путь из кантовской модели в модель гегелевскую. В кантовской модели предполагалось, что партия – это часть, которая воплощает или преследует интересы определенного класса в обществе. Условно говоря, коммунистическая партия зародилась где-то и агитирует людей, чтобы их побольше намотать на себя, подвергнуть их своей идеологии, чтобы они голосовали, победить на выборах, получить власть и представлять интерес пролетариата, который придет к власти, а интересы пролетариата по их теории объективно совпадали с интересами всего общества. По этой модели партия приходит из гражданского общества, издает некий закон, а аппарат чиновников его будет тупо выполнять. Через некоторое время Сталин сказал, что партия – это орден меченосцев, элита нашего общества, то есть это не некая часть, которая представляет частные интересы, а это лучшие люди из всех сфер общества: из рабочих, крестьян, интеллигенции, те самые, у которых есть не только низкое стремление к собственному счастью и заботе о своих делах, но есть и высокие помышления о всей родине, о мировой революции, о справедливом устройстве жизни на земле, то есть сознательные люди, которым только и место в партии, которая становится элитой общества, в нее рекрутируются лучшие люди общества и она осуществляет руководящую роль. То есть она становится над политическим аппаратом, но она часть, ее неправильно даже партией называть в парламентском смысле кантовской модели, она становится над всем и негласно всем управляет, всем

указывает. Члены партии рекрутируются из этого общества, принимаются по принципу некоего клуба: несколько рекомендаций членов партии, проходит кандидатский стаж, потом становится членом партии, партия нагружает его какими-то обязанностями, при хорошем выполнении поднимается по службе. Это модель общества, в котором правит эта элита, и она может быть только идеологически мотивирована. Это было не только у нас при Советском Союзе, при коммунизме, как принято говорить, но можно и в древних странах найти подобные вещи, провести параллели. Например, Китай эпохи своего самого великого рассвета VII-XII век в это время менялось две династии, но они были одного типа. В конфуцианском мировоззрении была создана некая табель о рангах, некоторая система рекрутирования элит, нормальная абсолютно вертикальная мобильность. То есть человек, даже если он крестьянский сын или непонятно кто, если он головастый, его смотрели мужи, принадлежащие к корпорации: ученые, юристы-конфуцианцы, по-китайски они так и назывались «блестящий талант», «непревзойденный гений», «учитель все учителей» – цветастые названия, целая иерархия, после чего он обучался и проходил очень много экзаменов. Человек, чтобы стать даже маленьким чиновником, должен был сдавать экзамены по письму, по литературе, уметь сочинять стихи. Последним они занимались между собой, соревнуясь в искусстве импровизации: собирался салон небольшой, внутри которого все общаются между собой стихами, и в течение минуты ты должен остроумный ответ придумать стихотворный или целую поэму сочинить или еще что – это было такое воспитание. Естественно, все они знали зако-

ны юридические. Есть такая ироническая книжка Александра Секацкого «Два Ларца», на самом деле это фейк, но очень похожий на то, что там творилось, – это как бы сборник задач для студентов китайских конфуцианских школ, в котором дается задача и несколько правильных и неправильных решений, которые дают разные учителя и гуру. После прочтения становится понятно, над чем размышляли китайские студенты, как они решали задачи на справедливость, что правильно, а что нет. Они жили в этом мире, занимались каллиграфией, живописью, хорошим тоном у этих людей считалось умение медитировать, размышлять над волей неба и они презирали того, кто каким-то образом замешан на материальном. Подобно кастовой индийской системе, по которой, если человек касается рабочих инструментов, денег или еще чего-то – для них это считалось неприемлемым и такого человека они исключали из общения, это было чем-то низшим. Такие люди, проходя все эти ступени, одновременно назначались чиновниками в своем государстве. При этом им давалась вся власть – он судья, он творит непосредственную власть, ему предан отряд стражников, который будет заставлять исполнять те решения, которые он примет. Он сидит, наблюдает за жизнью, если все всех устраивает – все нормально, если же вдруг кто-то пожаловался, он должен вникнуть и в соответствии с волей неба и справедливостью это разобрать абсолютно независимо. Но, в принципе, он может злоупотребить этой властью очень легко, потому что у него эта власть полная: может из друга сделать олигарха, а непонравившегося олигарха – нищим, или заточить его куда-нибудь, только убить его не может. Поскольку со смертью связана необратимость

определенная, поэтому смертный приговор, который он может вынести, утверждается императором в Пекине. Когда приговор утвержден, и комиссия по смертным приговорам разобралась, тогда человек может быть казнен, а все остальное в его руках. Его даже никто не контролирует, нет никаких инструкторов, нет никакой бюрократии, никаких противостояний властей, разделений парламентов, общественных организаций, журналистов. Время от времени из Пекина приезжает инспектор, приезжает поговорить о философских вопросах, о даосизме, полюбоваться красотой цветка, порисовать иероглифы, и если он в состоянии поддерживать этот высокий разговор, значит, человек не испортился в соответствии с правилами неба, высшей справедливостью судит и т.д. Инспектор не разбирает работу, он смотрит за самим человеком, и если у него целый гарем девушек, появились прекрасные хоромы, каждый день жареные кабаны, и он уже плохо различает концепцию Дао у Лао-цзы и Чжуан-цзы, значит, явно уже давно человек не читает трактатов... Не дай бог, он неправильно исполнил ритуал, значит, он давно не читал Конфуция: не так руку подал, не так зонтик поставил, не вовремя свет зажег, значит, человек пренебрегает духовным, следовательно, погрузился в материальное. А если погрузился в материальное – такого человека надо снимать. Так инспектор инспектирует. Такая пирамида до самого верха идет. Ни в коем случае ни как заявляют чиновники в нашей пирамиде: «Как наверху решат, так и сделаем». За такое уволят сразу, потому что ты не имеешь права занимать высшего губернатора, а тем более императора решениями, ты должен все максимально решать на месте то, для чего тебя сюда посадили. Поэтому

максимально все решения принимаются на месте, если только они не требуют имперского подхода, армия, война, казнь, в этом случае пишутся заявления наверх. Это пример максимального идеологического мотивирования, в такой стране невозможны ни коррупция, ни злоупотребление. Тогда Китай достиг верха своего могущества, изобрел порох, фарфор, бумагу и книгопечатание за 500 лет до европейцев. Модель китайского корабля того времени, специально для сравнения рядом поставлены каравеллы Колумба, в сравнении они выглядят как стол и стакан, то есть китайцы обладали такими навыками инженерными в сравнении с европейцами, что вполне могли себе позволить открыть Индию, Африку, Европу и сделать там колонии. Некоторые пишут, что китайцы изобрели порох, но не догадались использовать его в военных целях, только для фейерверков использовали, это, конечно не так, у них были даже крылатые ракеты, которые соответствовали всем законам аэродинамики, более того – ракеты с отделяющимися ступенями, что появилось у нас только в XX веке и многое другое. Операции на сердце делали... Работала система коммуникаций, почта и сама чиновничья система. Техника и культура были на высочайшем уровне, правда, потом пришли монголы и все испортили. Хотя многое позаимствовали и потом перенесли на Русь. Та же самая, по сути, модель, когда лучшие рекрутируются и им дается эта самая власть. Я, в какой-то мере, глядя на то, что творится у нас в стране, других странах, та же самая коррупция, все больше склоняюсь именно к этой модели. Потому что в мире, в обществе господствует модель кантианская, что общество должно само что-то рождать, чиновники должны исполнять, общественность должна

придумывать некие инновации, и как вообще жить, и миру жить, и от государства нечего требовать. Но оказывается, что даже в этой модели без корпоративной этики чиновников, которые будут исполнять, а не служить кому-то из гражданского общества в частных интересах, тоже не обойтись без идеологии служения даже в кантовской модели. Поэтому в том или ином виде эта идеология должна господствовать, именно она делает элиту элитой, и она выполняет в обществе и в государстве те функции, которые она должна выполнять. Никакими законами и никакой бюрократией мы частные интересы и коррупцию не победим, можно сколько угодно контролеров поставить за каждым чиновником, но за каждым контролером нужен еще контролер, потому что контролер может злоупотреблять, над всеми остальными контролерами тоже нужен контролер, и так до бесконечности. У нас сейчас именно эта неправильная модель. Мы не воспитываем идеологию служения, а воспитываем противоположное: счастье, возьми от жизни все, живи настоящим, потребляй, а потом этим людям все равно даем власть, а поскольку мы справедливо полагаем, что эти люди воспользуются властью в своих интересах, мы начинаем их огораживать контролерами, СМИ, инструкциями, бюрократией. Предполагается изначально, что человек все сделает плохо, поэтому ему ставится масса препятствий, инструкций, в итоге он не делает вообще ничего. В лучшем случае он не делает ничего это и называется бюрократия, которая хуже всякой коррупции, в худшем случае, т.к. он единственный разбирается в хаосе законов, и в мутной воде все равно найдет, как поймать рыбу. Он все равно разрушит, потому что в нем заложено это потреби-

тельское поведение, он найдет, как украсть. Но чиновники и другие органы, у которых он украл, все равно его поймают и он пойдет в тюрьму. То есть система работает на создание чего-то плохого, обложение его инструкциями и в конце неизбежная посадка. Задача такой системы, так или иначе, всех людей посадить. Она прямо противоположна той, что была в Китае, когда изначально воспитывается человек с идеологией служения, а не личных потребностей, потом ему давалась вся полнота власти, его для того и воспитали такого замечательного «блестящего таланта», чтобы он свои таланты применял, в данной конкретной ситуации и именно для того, чтобы его не нужно было контролировать. Потому что контролеров не напасешься. Ему давали всю полноту власти, он проявлял себя, то есть сделал какой-то проект, улучшил жизнь в этом уезде, в этой провинции, и тогда ты получаешь награду от Императора лично, «золотой шнурок» или очередное звание, которое тебя производит из «блестящего таланта» в «непревзойденного учителя», что является почетным в данной корпорации. То есть совершенно другая система: воспитание – полномочия – заслуга – награда, а не отсутствие воспитания – коррупция – бюрократия – посадка. Мы, к сожалению, идем по этому неправильному пути, и свернуть на путь воспитания элиты – это единственный выход, который есть у нашего государства. С этого мы должны начинать и этим заканчивать, будущее нашего государства куется в школах, в ВУЗах, в клубах воспитывается широкий государственный взгляд и патриотическое служение своему государству. Служить можно различным способом, в этом смысле древние греки смотрели либеральнее и пошире на эти вещи. Тот же

Фуко, разбирая письма Платона, приводит известную фразу, что государством должны управлять философы. Это очень вульгарно воспринимается, что философы хотят порулить властью, но Фуко показывает, что мысль не в том, что некий философ должен усесться на трон и начать руководить из неких абстрактных философских убеждений. Фуко показывает на различных письмах, как Платон не советует царям и руководителям государства каких-то управленческих решений, это их функция, они сами могут это сделать и им лучше это знать. Философом он должен быть в том смысле, что он должен вести некий философский образ жизни: гимнастика, диета, самодисциплина, размышление над некими высокими предметами, в том числе над философией, справедливостью, красотой цветка. И когда человек будет в этом смысле философом, держать себя в руках и не поддаваться страстям всевозможным, не размазываться, тогда он будет и прекрасным государем и прекрасным бизнесменом, прекрасным ученым, прекрасным строителем, то есть в любой области он проявит себя прекрасно, если в нем будет философ, как образ жизни, а не который создает теории и концепции.

Аристотель так объяснял это в своих строках, посвященных воспитанию. Если мы хотим воспитывать господина, то есть ту самую элиту, то мы должны учить ее гуманитарным предметам, поэзии, философии, этике, риторике, психологии, потому что эти предметы постигают общее, а общее всегда командует частным, а технические дисциплины – для рабов, они учат частному определенному умению и превращают человека в такого же частного и не видящего целое субъекта и всегда поэтому общему подчиненное.

А теперь я сведу воедино сказанное и очень коротко. Элитой элиту делает отношение к прошлому, как я рассказывал в начале, отношение не мстительное и не забывающее, а памятное и благодарное. Благодарность к прошлому достигается только тогда, когда мы даже если оно кажется бессмысленным и очень неудачным и плохим, наполняем его смыслом, размышляя над ним. Недаром Хайдеггер подчеркивал, что DANKEN и DENKEN, то есть мыслить и благодарить это родственные слова. Это и правда одно слово. В русском языке есть слово «почитать», «читать», от него и слово «честь», и слово «цена» ему родственно. И они родственны санскритскому слову «читти» – мысль. Почему гений и злодейство вещи не совместные, как говорил Пушкин? Потому что любая этика и добро есть отказ от мести, есть прощение, недержание зла и любая этика держится на благодарности даже к врагу. Как тут не вспомнить Христа! Но благодарность и есть мышление. Мышление есть благодарственная молитва. Благодарность по-гречески – евхаристия. А молитва и есть мышление, а не просьба к Богу дать счастья или монотонное повторение мантр. Именно так величайший философ современности Хайдеггер ответил на вопрос «что такое мышление?», который он вынес в заголовок своей последней книги.

Напоследок я бы хотел проиллюстрировать сказанное на одном примере. Все мы догадываемся, что если за всю историю России придется отчитываться перед Богом, то она отчитается нашими великими писателями, композиторами, поэтами и т.д. Например, Достоевским. Как вы, наверное, знаете, он попал в молодости на каторгу. Участвовал в революционном кружке, а потом, после заго-

вора экстремистов в столице, его арестовали вместе со всеми. В России много кто прошел каторгу, в том числе и члены его кружка. Но описал ее, пожалуй, он один, в «Записках из мертвого дома». Также не забыл он ни одной из услышанных там историй, вообще все его романы очень автобиографичны. Назойливая реклама, глянцевого журналы и сонмы психологов убеждают большинство людей в мире: живи настоящим! А если уж прошлое тяжело и несет страдания, так тем более: начни жить с начала! Бегите прочь от таких советов, не будет так у вас никакой жизни. Ведь, что сделал Достоевский? Он как раз заикнулся на прошлом. Еще раз пережил его. Мало того, что он жил им на каторге, он еще раз его пережил, пока писал роман, а ведь мог бы цветочки нюхать и наслаждаться новым днем! А ведь он как раз и осмыслил его, он не дал стать прошлому бессмысленным, не дал целому куску своей драгоценной жизни пропасть, он, говоря языком бизнесмена, капитализировал даже убытки! Он перенес прошлое в будущее и сохранил его и для себя, и для истории, и для человечества. Говорят, Толстой переписывал «Войну и мир» 17 раз, может быть это байка, но несколько раз точно он что-то переписывал... А как же море демотиваторов, которые ходят по интернету и говорят нам, что Далай-лама и прочие духовные мудрецы утверждают, что нужно «жить сейчас». Ведь Толстой, получается, заикнулся? И 17 раз проживал одно и то же, вместо того, чтоб жить сейчас, не в прошлом, не в будущем, а настоящем и стремиться к «новому»... Как модно сейчас говорить, он «не любил себя», раз не наслаждался каждым драгоценным мгновением своей единственной жизни. А может быть, жизнь не череда бессвязных моментов «сейчас»,

а как в фильме «День сурка» – она есть ежедневное усилие по оттачиванию и совершенствованию одной и той же жизненной миссии, доведение ее до совершенства, и каждый день, каждый миг тебе дан для того, чтобы «еще раз» попробовать и стать ближе к миссии, а не еще раз напортачить? Хайдеггер говорил, что все великие философы думают всю жизнь одну и ту же мысль, так же как все политики штурмуют одну задачу, великие художники – один образ, великие бизнесмены – одно дело. А ведь мир так разнообразен, почему же эти маньяки так упрямо живут чем-то, что их зацепило когда-то, видимо, в прошлом и верны этому прошлому всю жизнь и строят на нем как на фундаменте величественное здание. Однолетняя трава мала ростом и слаба корнями, дубы имеют огромные корни и огромную крону. И площадь листьев велика, ловит свет и воздух и питает корни, и они имеют возможность расти и брать воду с самого дна и питать крону. Без корней нет кроны, без глубины нет выси и наоборот. Вот то, что делает великое великим.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЕЙ

О мировом кризисе

Вопрос: *Многие наши экономисты все время пророчат мировой кризис, но он все не наступает, может это сказки сродни тем, что говорили в СССР о «загнивающем Западе»?*

Ответ: Любое развитие идет через кризис. Не бывает, чтобы человек рос и у него не было кризисов, так же и в истории. Будет совсем другой мир, закономерно. Есть экономические предпосылки макроисторического масштаба. В мире менялись определенные деловые центры, которые можно проследить. Сейчас Америка. В XIX веке была Англия, до нее Голландия, раньше Генуя и так далее... По неумолимым законам экономики получалось так, что каждый из этих центров приходил в упадок и передавал эстафету другому. Какой центр будет после Америки, пока сложно прогнозировать. Разные есть претенденты. Что сделать, чтобы кризиса не было? Он все равно будет, нет такой силы в мире, которая бы не могла его остановить, но лучше, ког-

да мы о нем предупреждены, и разрабатывали сценарий на случай его свершения. Нет четких сроков, когда он случится. Это всегда внезапно. От крыла летящей бабочки может зависеть.

О низких пенсиях и безработице

Вопрос: *О каких высоких материях можно говорить, если треть населения России имеет нищенские пенсии, многие не имеют работы?*

Ответ: Большинство стран мира вообще не имеет никаких пенсий и пенсионных систем, а из тех, что имеют, также большинство далеко не дотягивает до российского уровня. Так что нужно понимать, что Россия входит, грубо говоря, в тридцатку стран, которые вообще думают о своих стариках и это надо ценить, не ругаться. Пенсии больше, чем у нас только в ряде западноевропейских стран, и то пока. Большинство европейских государств не в состоянии нести тот объем социальных обязательств, которые в свое время на себя взяло. В то время, когда мир не был глобальным до такой степени, государства имели возможность в своих границах устраивать отдельный рай. Но это еще цветочки, что будет в ближайшие 20 лет? А в ближайшие 20 лет все границы станут проницаемыми. Не потому что их кто-то такими сделает, хотя и это тоже. Некоторые государства будут, рассчитывая на свой туристический потенциал, упрощать визовый режим. Но даже если будут те, кто хочет замыкаться в себе, это никак не поможет, потому что никакие

стены и контроль не помогут. Огромная стена не спасает Америку от наплыва мексиканцев, а что говорить о менее богатых странах? Все будут пронизывать мигранты. Есть глобальный мир и глобальная конкуренция трудовых ресурсов. В этой конкуренции, кто привык получать большие социальные пособия, ничего не отдавая, по причине лени или неспособности, они будут проигрывать. Тенденция Нового времени (я беру глобально, с XVII века) в том, чтобы изживать такое средневековое отношение, когда один человек имеет какие-то активы и не работает. Это феодальные отношения, когда у тебя была земля, поместье и ты мог отдыхать, когда работают крестьяне, или во время капитализма появились акции, инвестор, который загорал на море на яхте, а инвестиции работают за него. Или свечной заводик, который где-то коптит, пока ты отдыхаешь. Постепенно эта тенденция будет исчезать. Современные олигархи работают по 15 часов и делают по несколько перелетов в день, хотя у них есть миллиарды. Просто все их миллиарды растворяются, если они не будут ими заниматься. Мы приходим к ситуации «кто не работает – тот не ест». Положение, о котором мечтали пенсионеры, что они поработают 40 лет и будут жить на пенсию, будет исчезать. Одно из конкурентных преимуществ Китая в том, что у них нет пенсионной системы, и дети содержат родителей. Наше правительство будет стимулировать людей выходить на пенсию как можно позже. Я думаю, в перспективе все пенсионные системы будут отменены. И или дети будут содержать родителей, или сами люди будут себя обеспечивать, потому что в современном мире есть масса работы, которая не требует физического труда. Могут работать в колл-центре, интернете. Мо-

лодых людей в офисах можно заменить стариками. И так далее.

Что касается борьбы с безработицей, то лучшее средство от нее это законодательное сокращение рабочего дня. Сокращение рабочего дня всегда было лозунгом левых движений. И когда добились 8-часового рабочего дня, это было гигантским достижением, на котором никто не собирался останавливаться. По мере увеличения производительности труда, предполагалось, что в СССР, например, рабочий день будет сокращен до 6, потом до 4 часов. Высвободить человека от машинной работы, которую можно заменить техникой, для спорта, творчества, культуры, науки. В теории Маркса основное богатство – это свободное время, а не деньги. После Хрущева произошло забвение этой концепции. Но! В случае возникновения глобального мирового кризиса, эти идеи будут востребованы. А вариант этого кризиса возможен. Возникнет большое количество безработных, и вернуться не только левые теории, но и практики. Все вспомнят Маркса. Одна из левых практик состоит в том, чтобы вовлекать людей в общественные работы и разделять работу, чтобы не получалось, что кто-то работает много, а кто-то вообще не работает. Будут по 4 часа работать. Естественно, зарплата резко сократится. Это нанесет удар по обществу потребления. Все будут работать за похлебку, и не будут думать о брендовых штанах. Общество выйдет из кризиса, но сама норма о равномерном распределении труда может остаться и стать структурным элементом посткризисного мира.

Об оппозиции

Вопрос: *Кто из наших оппозиционеров вам ближе всего?*

Ответ: Никто. Я не разделяю сам подход оппозиционности, как таковой, независимо от того, какая это оппозиция. Сравним с октябрем 1993 года. Я прекрасно понимал, что сделал Ельцин в 90-е. У нас в 2 раз сократился ВВП, и в 15 раз государственный бюджет, избыточная смертность, потеряли больше, чем в войну. Но в 93 году я стоял на стороне Ельцина, не любя его, потому что понимал, что если завтра свергнут главу государства, то рухнет и все государство. Если бы в 93 году победила оппозиция, то какой бы хорошей она не была, я понимал, что хаос, распад страны и гражданская война будут. Тут же Кавказ провозгласит выход из состава России, и Урал, и Дальний Восток. Я жил в Екатеринбурге, Россель уже печатал уральские франки – свою валюту, у меня они есть в коллекции. У оппозиции тогда не было даже единого лидера. Вот свергли бы Ельцина, тут же хасбулатовцы бы подрались с ружковцами, макашовцы с баркашовцами, и все они вместе – с ампиловцами и ачаловцами. У нас были бы 90-е годы только умноженные на сто. Был выход между худшим и еще худшим. Я уверен, твердо знаю из истории всегда, когда свергался глава государство, рушилось и государство. Так было в 17 году, в Смутное время, Французскую революцию. Это не случайно. Мы рисуем государство как пирамиду, стоящую на основании, но на самом деле оно стоит на голове. Глава государства является краеугольным камнем,

который вынимаешь – и все рушится. Любой глава – даже самый плохой. Потому что он принимает конечное решение всегда. Чем отличается закон от просто бумажки? На одной стоит закорючка – подпись главы, а на другой написано то же самое, по содержанию, но подписи главы нет. А появляется маленькая закорючка – и для миллионов становится эта бумажка законом. Формальная вещь, человек, который ее ставит, может быть полоумным, у него слюни текут, он может быть кровавым тираном, еще что-то, это не важно. Важно, что у него есть эта функция принятия решения. Я уж не говорю, что есть и другая функция у этих лиц – быть источником инициатив. Английская королева, например, редко является источником инициативы, но законы подписывает до сих пор. Человек, который возглавляет государство, каким бы он ни был, является символьным и его нельзя свергать, потому что это все равно, что голову отрезать. Дурная голова все же голова, а без головы – смерть. Ты думаешь, что выступаешь против Путина, а на самом деле выступаешь против государства как такового!!! И потом с водой выплеснешь ребенка. Потом будешь говорить: «Мы целили в Путина а попали в Россию». Будешь раскаиваться, как диссиденты, которые лили слезы: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». Или белогвардейцы раскаивались: «Мы целили в царя, а попали в Россию». Точно так же как власовцы говорили: «Мы целили в Сталина, а попали в Россию». Постоянное непонимание, личность государя от государства неотделима. Вот стоит Власов и говорит: Сталин плохой, а родину я люблю, у меня в руках флаг. А по факту он идет и убивает русских в интересах немцев и усиливает армию противника, а Сталин, каким бы он ни был, стоит

на стороне государства и государственности. Выход только один. Если ты считаешь, что власти плохие, это означает, что на тебе лежит в два раза большая ответственность, и ты должен компенсировать то, что не доделывает власть. Поэтому я в любом случае против любой оппозиции, которая не действует в рамках законов. Если в рамках законов – участвует в выборах, выходит в парламент, публикует статьи. Если ты предлагаешь правильные идеи, сама власть у тебя их перехватит, народ ими заразится, и будет воздействовать на власть. Если ты просто против власти, говоришь, что власть неправильно делает что-то, ты только нагнетаешь ситуацию и объективно работаешь на врагов государства. Если ты просто против чего-то, то это не идея, за этим не должны идти, предложи позитивный проект, будь «лучше власти», а не «против власти» и ты тогда сам станешь властью. Сейчас вообще истинных революций и не бывает. Одно дело революция 17 года, когда произошла смена общественного строя, в культуре и образовании и т.д. Другое дело – всякие «оранжевые революции», когда одна банда миллиардеров сменила другую банду миллиардеров, а по факту ничего не изменилось. Нынешние «революционеры» мечтают о революции оранжевого плана, хотят просто занять места тех, кто сейчас у власти. У них нет позитивных идей. Я не слышал от Навального ничего, о чем не говорили бы 200-300 лет назад. Но у нас может революция произойти в результате общемирового кризиса.

О «мягкой силе» и информационных войсках в армии

Вопрос: В книге «Суверенитет духа» Вы писали, что поэты и философы важнее, атомного оружия, изменили ли Вы свое мнение?

Ответ: Перевооружение армии идет в России из соображений кризиса, может быть война всех против всех, и нужно быть сильными, чтобы сохранить хотя бы территории. И в тактическом смысле это, конечно, правильно. Стратегически же Россия имеет авторитет в мире все-таки не из-за оружия, а потому что Путин двигает мирные инициативы, показывает политику двойных стандартов Америки. Это показывает Россию как оплот нравственного подхода к политике в мире. Общая идея моя остается. Тезис о том, что философы, поэты, культурные деятели важнее для государства, чем полководцы. Например. Одна из последних моих книг: «Троянский конь западной истории». Там показано, что самая раскрученная война, война греков с троянцами – это фальшивка. Все свидетельствует о том, что греки проиграли эту войну. Войны была выиграна ими с помощью переписывания истории. Выигрывают не полководцы, а поэты. И эти поэты вдохновили греков на дальнейшие подвиги. Историю пишут победители? Нет. Победителями становятся те, кто, пишет историю. Люди управляемы своим воображением. Воображение – это центр человека и именно оно диктует человеку, как мыслить. Логика остается в книжках, а люди мыслят всегда специфически, их логика часто нелогична,

потому что она искажается воображением. И воображение так же определяет чувственное восприятие. Мы думаем, что смотрим на объекты, нюхаем носом, ушами слышим. Но на самом деле это воображение заранее рисует, что мы увидим и что услышим. Человек может не видеть вещи, а потом он их начинает видеть. Грубо говоря, достаточно было Анне Карениной потанцевать с Вронским, и когда она вернулась домой, она увидела совершенно отвратительные уши ее мужа. Точнее – уши как уши были, но для нее они стали отвратительными, раньше ее глаза этих ушей не видели. Видит не глаз, то, что глаз должен видеть, ему указывает внутреннее в человеке. Воздействуя на воображение, можно двигать историю. Если некое государство представляет собой привлекательный образ, то никто не замечает остального. Пример. Древняя Греция. Мы совершенно абстрагируемся от того, какая там была экономическая система, и восхваляем науку, демократию и культуру. Три тысячи лет восхваляем и берем за образец. А там 90% людей были рабами и жестоко эксплуатировались. А теперь, возьмем Сталина. 98% было свободных, и создавали культуру, заводы и прочее. Только 4% вклада ВВП по оценкам экономистов давали заключенные. Даже если было 1,5 миллиона заключенных в худшее послевоенное время. И вот СССР проклинается как государство построенное рабами, а греками, у которых действительно все было построено рабами – мы восхищаемся. Таких парадоксов нашего восприятия миллион. Умение преподать образ своей страны – очень важно. Еще пример, Эфиопия. Там был лидер Менгисту Хайле Силастие-Рас Тафари. Эфиопия – это маргинальная страна, которая создала идеологию, философию, внешний вид

растаманов. И миллионы человек исповедают эту культуру. В мире, курят косяки, слушают реггей и заплетают волосы в косички. И это сделал один лидер в маленькой нищей стране, заставил миллионы людей во всем мире полюбить ее. А России, с ее историей, сам Бог велел создать полурелигиозный культ самой себя, который был бы привлекательным во всем мире. Ты даже бедность можешь сделать достоинством. Ты делаешь незаменимой свой страну, и в случае агрессии никто не может на тебя посягнуть, потому что это разрушит памятник культуры. Государство как памятник культуры – вот цель, а не кубометры колбасы или жвачки или новый айфон. При всех войнах ты не можешь разрушать то, что тебе дорого. Римляне или Македония покорили Грецию, и восприняли в себя греческую культуру и понесли по всему миру. Формально победили оружием, но покорились более культурной цивилизации... А что касается армии... Современные войны это войны информационные. Мы, вместо того чтобы отменять обязательную службу в армии, взяли бы тех, кто стоит на Болотной площади и отправили в информационные войска. Они не прошли определенное воспитание в школе, их надо довоспитать. Приведу аналогию: представьте, что к вам домой пришел человек, который потерял память, как в сериалах, у него амнезия. И у вас есть выбор – что ему сказать. Начать разыскивать факты, кем он был на самом деле, дать ему новую идентичность, например, сказать, что он герой и великий ученый, и он будет себя так вести и совершать подвиги или открытия. А можете, если вы человек безнравственный, сделать его своим рабом. Скажите ему, что он украл у вас много чего, но вы ему все простили и жизнь спасли и он обязан

вам по гроб жизни, что нужно быть благодарным. Аналогия, кажется далекая от жизни, но на самом деле в России и в мире рождаются сотни миллионов таких людей каждый день с амнезией – это новорожденные дети. У них нет памяти и идентичности. И мировые государства борются за то, чтоб им ее дать, в своих интересах. Школа, воспитание и привычки нации дают идентичность и объясняют, кто они на самом деле. На протяжении долгого времени у нас в стране отсутствовало воспитание. Поколение дезориентировано. Ложные цели и ценности ему поставлены. Долгое исторические учебники писали по заказу фонда Сороса и кино снимали типа фильма «Сволочи». Нужно сейчас создавать новые учебники по истории. Мы упустили модернизацию армии, сделали ее не интересной для молодых людей, и стало нормой косить от армии. Можно создавать подразделения еще в 90-х годах, воевать в социальных сетях, в интернете, вести информационные войны. Создавать свой интернет. Нужно готовиться к завтрашней войне. Еще не поздно и сейчас. Я писал об этом еще в 2004 году. Например, мы можем заблокировать все айпи-адреса Эстонии и нанести удар экономике, там живет меньше миллиона человек. Например, можно хакерские атаки делать. Но можно и идеологически влиять. Но не только количеством можно брать, в таком случае, всех победит Китай. Есть системы автоматические, например, в Израиле... Как работает? Отмониторили слово «Америка». Приходит тут же бот и разбрасывает информацию в разных вариантах в каждом блоге и форуме, где найдено это слово. Создаются группы в соцсетях автоматически, ставятся лайки и так далее. Мы бы могли мобилизовать людей в информационные войска,

где они, пройдя идеологическую и техническую подготовку, начинают служить, заниматься устройством революций в недружественных нам странах. Условно, берем Эстонию, разведчики дают информацию. Мы постепенно с помощью переводчиков начинаем контент размещать с помощью ботов и живых аккаунтов. Например, о том, кто какие дворцы в Ницце имеет из руководства этой страны, о взятках, о шубохранилищах, о пьяных оргиях. Потом замечаем местного «Навального». Начинаем его осторожно подкручивать, а через год он ведет людей на площадь. И потихоньку совершается революция. Потому что разгневанные борцы с коррупцией свергают власть. Эстония погружается в кризис. А Россия диктует ей и новым властям свои условия. Мы так можем восстановить постсоветское пространство, а потом и на мировое пространство выходить. Адреналин молодых людей будет огромный и после такой службы в армии никакой наш местный «Навальный» не будет в силах раздуть тут революцию. Потому что тот, кто отслужил в таких информационных войсках, будет понимать, что только что, он сам так же «разводил» людей. Как этот юноша пойдет на площадь, если он сам только что два года в армии занимался тем, что в какой-нибудь Венгрии натравливал народ на ее правительство с помощью борьбы с коррупцией? Как он находил в Венгрии предпринимателя, который должен был идти в тюрьму за воровство, и которому деваться было некуда и он на все готов, и раздувал вокруг него скандал – «ни за что сажают», «кровавый режим» и делал этого человека символом несправедливости власти. И когда каждый шаг власти раздували с помощью топоров и хештэгов. Ты сам это видел и делал. После этого никто не пойдет за оппозицией! Девушки в такой армии тоже могут

служить. И вот как эти девушки пойдут на площадь и будут говорить что «хватит кормить Кавказ» и «Россия для русских», если они только что два года в армии в информационных войсках сидели и занимались тем, что в какой-нибудь Румынии через твиттеры раздували конфликты между мадьярами-румынами, молдаванами и цыганами? Они понимают теперь, как это работает, и сами на эту удочку не клюнут! И главное, и парни, и девушки видели, что после устроенных ими революций в условной Венгрии и Румынии, наши Газпром и Лукойл потом пришли и аккуратно завладели всеми трубопроводами и заправками. Так же как американцы подминают под себя сейчас нефть и промышленность там, где они устроили революции. Армия, таким образом, должна быть модернизирована по настоящему. Не старые танки менять на те, у которых сиденье в кабине получше, а подготовка к новой по типу войне должна быть. Любая война – прежде всего, идеологическая война. У нас, к сожалению, нет таких подразделений в армии. Например, еще в австро-венгерском государстве это было. Нужно Австро-Венгрии, в которой жили десятки национальностей было, удерживать свою идентичность с помощью идеологии и поэтому австро-венгры первыми были в этой области, области пропаганды. Именно австро-марксисты придумали законы манипуляции которые потом взяли на вооружение и большевики, и фашисты, и американцы, и вся мировая рекламная индустрия. И психоанализ недаром родился в Вене. Империя держалась не силой оружия, а на силе церемоний. И в войне они тоже это использовали. Один пример. Одна битва, которая показывает эту работу пропаганды, битва при Капоретто с итальянцами. При помощи информационной диверсии выиграли. Австро-

венгерцы сделали полные копии итальянских газет и сообщили в них, что диссиденты в Италии устроили беспорядки, а итальянское правительство начало с ними кроваво расправляться, убивать и сажать в тюрьму. В итальянскую армию вбросили немного экземпляров, чтобы это были слухи, газеты передавались из рук в руки, солдаты обсуждали, напряжение росло. Люди говорили, у меня погиб брат, у меня в тюрьме мать. Как там моя жена? Сестра? Мы воюем здесь за правительство, которое убивает наших родных. Люди просто побросали оружие и ушли... Против России сейчас постоянно ведутся информационные атаки. А у нас нет пока понимания, что это нужно так же делать самим, и нужна политическая воля. Я 15 лет об этом говорю. Возьмите сайт «Медиаактивист», который появился в 2005 году, он мне принадлежал, я его продал, но там было больше сотни инициатив, которые сейчас стали законами. Принят закон «Димы Яковлева», убрали Петросяна с Первого канала, запретили игровые автоматы, много-много других.. Но! Всегда есть задержка на 3-5 лет, когда что-то высказано и когда станет законом, разница в 2-5 лет. Это опоздание постоянное. Сейчас надо делать информационные войска, говорю я. Но когда меня услышат? Мы уже в любом случае будем отставать, даже если сейчас сделаем. В Китае и Америке все это уже есть и совершенствуется. Когда я предлагал это 10 лет назад – такого еще не было ни в Китае, ни в Америке. А сейчас они уже делают, а мы нет. Мы будем отставать, а отставая, ошибаться, а когда ошибаешься – большой соблазн перестать делать. Но если мы этого не сделаем, мы проиграем. Это как воевать палками против людей с автоматами. Какими бы самоотверженными ни были индейцы,

они не могли победить конкистадоров. Поэтому надо нагонять срочно. Любая война информационная. В любой войне – цель не разрушение страны и не убийство людей, а сделать так, чтобы люди работали на твою страну. Информационная война не побочное сопровождение, а сущность войны вообще. Этого военные наши не понимают и власть...

О будущем

Вопрос: *Каким мы будем описывать настоящее через 20 лет? Какие опасности нас ждут?*

Ответ: Есть совершенно независимые опасности. Какие опасности? Экологические и техногенные могут в любое время произойти. Есть, например, в Америке вулкан Йеллоустоун, который если взорвется, то конец Америке и гигантская проблема всему миру. Это непредсказуемые факторы и пока человечество не может ими управлять. Хотя лучше бы и здесь сосредоточить силы и бороться вместе. Есть астероид, например, не помню его название, который приближается к Земле, изменение его орбиты может произойти в 29 году, а в 39-м, когда он вернется, может врезаться в Землю и все. Надо его, по-хорошему, раздробить. Этот проект могли бы сделать космические ядерные державы. Но этим никто не занимается, все воюют против друг друга. А что касается опасностей для России, то в России со всех сторон одни опасности поскольку Россия интегрирована в мировую экономическую и политическую систему. Будет кризис там, будет он и здесь.

Как будем описывать будущее? Всегда можно по-разному описать, все зависит от того, кем мы сами станем через 20 лет. Если мы проскочим через ловушки, не погрязнем в националистических войнах и революциях, то будем описывать, что при Путине началось восстановление России. Ему удалось после 90-х страну вывести из штопора и сейчас если он сделает то, что нужно, то тогда будет описан, как один из величайших деятелей в истории России. Если мы не справимся, и будет разгром, то историю напишут за нас. И в этой истории Путин будет критиковаться с двух сторон: либералы его будут обвинять в кровавом режиме. С другой стороны патриоты его будут называть слабым правителем, который упустил шанс все исправить, хотя все карты у него были в руках. Каким будет мир через 20 лет? Можно точно говорить, например, что Япония идет на спад. Китай все больше играет роль, но у него нет глобальной стратегии, и ему будет трудно, если начнет доминировать. Люди в мире скажут, что лучше американская гегемония, чем китайская, потому что Америка может говорить языком общечеловеческим а Китай только национальным. Сама Америка мутирует. Там будет кризис, и будут посткризисные политические изменения с левым уклоном. Левые политики всегда набирают очки на кризисах и хаосах. Европа может распасться как Евросоюз или освободиться от американского ига. Россия имеет очень подвижное будущее. Но перспективы, в которых нужно двигаться понятны. Если говорить о коалициях, наши естественные союзники – Индия и Латинская Америка, потому что у нас никогда не было противоречий, и нет общих границ. А противоречия у них и у нас с одними и теми же странами. Чтобы совместную мировую по-

литику осуществлять, надо с ними больше кооперироваться. И играть в мировой политике весомую роль с этой коалицией. Внутри России – понятно. Нужно путем образования, культурной политики, делать так, чтобы становилось больше имперски-ориентированных людей и тех которые ориентированы на сохранение российского суверенитета. С помощью молодежной политики тоже. Если не удастся, то будут доминировать популисты (националисты и борцы с коррупцией и чиновниками), которые приведут Россию к распаду.

О ВТО

Вопрос: *Многие экономисты говорят, что мы зря вступили в ВТО. Что Вы думаете по этому поводу?*

Ответ: По-настоящему мы еще туда не вступили. Обмены санкциями вообще прервали этот процесс. Да, на наши рынки могут пойти другие игроки, но и мы может пойти на другие рынки. К сожалению, наши предприниматели не понимают всех возможностей ВТО, единицы идут в глобальную экономику. Может, это должна быть государственная программа, которая расскажет предпринимателям о тех возможностях, которые дает ВТО и чтобы мы выходили на чужие рынки. Мы должны думать, с чем выйти на рынок. В свое время финны сделали «Нокию» и вышли на мировой рынок. Ну неужто мы не можем придумать, что-то подобное, какой-то девайс, нужный всем? Нам нужно не копировать, а придумать свое, уникальное. Это воз-

возможность. Например. В глобальном мире нужны переводчики. Представьте себе штуку, которая размером с телефон и в нем самая совершенная в мире программа, которая может понимать и различать индивидуальную речь и вне зависимости от произношения и будет синхронно переводить в наушник разговорную речь. Сотни миллионов можно таких штук по миру продать, и на каждой будет написано «Сделано в России». Занимаются подобными разработками уже, но нужно по-настоящему вложиться в это, купить самые лучшие кадры программистов по миру за немислимые зарплаты, но сделать это. Про «таблетку бессмертия» я уже писал в своих книгах – очень был бы востребованный продукт. И многое другое.

О свободах

Вопрос: *Даже соседние страны не любят Россию, потому, что там нет свободы как в Европе или Америке, люди готовы жить хуже, но знать, что их свободы и права не будут нарушаться...*

Ответ: Говорят, Америка страна свободы. Это не так. У них тюремная система больше, чем сталинский ГУЛАГ. На самом деле, там ничего не разрешено: нельзя даже деревья сажать на своем же участке возле дома или траву косить или козу завести. Для нас это дико. Все говорят про права меньшинств. Но в Америке тем же геям запрещено быть донорами... У нас, если бы они не провоцировали сами дискуссию вокруг себя, никто бы их не трогал.

Это элементы информационной войны как раз. Типа там свобода, а у нас нет. Просто пишут про нас небывлицы, обвиняют в фашизме и люди верят СМИ, так как проверить никто не может и в России большинство людей не были. На самом деле, Россия, наверное, самая свободная страна. Я побывал в 38 странах мира, мне есть с чем сравнивать, свободнее, чем у нас – нет нигде. Бюрократии у них не меньше, запретов не меньше, предрассудков не меньше. Почему мы думаем по-другому? Почему считаем, что там какой-то рай? Потому что это обычная информационная война, в которой нам внушают такое мнение. Если бы люди ездили чаще туда, а иностранцы чаще бы были здесь, то манипуляторам было бы трудно работать. Все бы поняли, что на самом деле все очень похоже и живут во всех странах почти одинаково и в материальном плане и в плане свобод, и Россия если чем и отличается от абсолютного большинства стран, то только в лучшую сторону. Кстати, в России именно то, что у нас еще остаются и уважаются традиционные ценности, нравится иностранцам. И в краткосрочной перспективе традиционные ценности будут прочны и они не будут изменены. Чем больше давление будут осуществлять на нас в плане отказа от них, тем больше реакция наша будет... А в долгосрочной перспективе, через какое-то время, могут возникнуть философские и идеологические концепции, которые будут на иной основе, чем ценности эпохи Просвещения. И тогда вся планета будет переориентирована, но это в посткризисном мире.

О Навальном

Вопрос: *Вы все время публикуете свои и чужие материалы против Навального. Человек борется с коррупцией, это плохо?*

Ответ: Про Навального. Последний раз. Чтоб окончательно всем было ясно. То, что я говорю это не какая-то конспирологическая гипотеза, а то, что я ЗНАЮ и чему сам был свидетелем.

Работал я в Администрации Президента и знаю, кто там кому давал приказы и как там все устроено. В 2011 году один крупнейший подрядчик АП по большому количеству проектов прямо сказал мне, что он имеет прямой приказ раскручивать 24 часа в сутки Навального. Чем он и занимался.

Так же как была поставлена по сути дела задача фальсифицировать выборы (точнее, дать результат «от 50 процентов и выше», что было в большинстве регионов невозможно без фальсификаций).

Так же как по всем ТВ-каналам была отмашка развернуть «борьбу с коррупцией». Так же как был приказ во всей красе показывать Болотную площадь и сто тысяч человек на ней.

Для чего это все? А вот для чего: народ никогда не поверил бы досужим скучным пугалкам «кремлевских политологов» об арабской весне и египетско-тунисско-ливийских вариантах, грозящих России, пока САМ народ лично не увидел 100 тыс. человек на площади в центре Москвы. Привезти такую кучу народа автобусами за деньги и заставить кричать кричалки против Путина никакой Кремль бы не смог.

А Навальный смог. Поэтому еще раз: всем «кто против Путина» – спасибо за избрание Путина! Вы поработали статистами в команде пугал и картонных дурилок. Чуть менее удачно (так как за Собянина так не мобилизовывались как за Путина) Леша Навальный поработал на выборах мэра Москвы. Как минимум, он просто легитимизировал выборы. Америкосы собрались выделять на свержение Путина 30 млрд.? Ну и пусть вкладывают их в дырявое решето в виде Навального, обвешанное уголовными делами, как новогодняя елка. Зачем его сажать и заставлять тупых янки искать новую фигуру? Они в него верят и они в него уже вложились, объяснять сейчас заново три года мировой общественности, что не Навальный самый главный интеллектуал столетия (как они всерьез писали) а кто-то другой, времени нет, сил и возможностей тоже. Навальный это ловушка, которую им поставил Путин. Бараны этого не понимают, они всерьез кричат, что Кремль их испугался и поэтому Лешу не посадил... Смешно! Много говорят о непредсказуемости Путина. На самом деле у него есть узнаваемый стиль. В 2007 г. он сам создал «Справедливую Россию», распустил слухи о сливе «Единой России», создал в стране непонятку с преемниками, создал политический кризис и потом одним махом перевернул все в свою пользу. В 2011-м то же самое. О чем я написал выше. Такая же ситуация была с Украиной и Крымом. Такая же ситуация будет в будущем. Стиль прост: игра в поддавки и попустительство, демонстрация доброты и слабости – заманивание в ловушку – молниеносная победа!

Наверное, это ему дало дзюдо. Но так же действуют и опытные армреслеры и тореадоры и многие другие мастера единоборств. Путин никогда

не выигрывает «по очкам», в результате упорной борьбы. Трактовать его действия просто глядя на то, что происходит – невозможно. Можно понимать их, только исходя из знания самой интриги и той стадии, на которой в данный момент интрига находится. В 2007 году Сурков (!!!) готов был подать в отставку из-за несогласия с Путиным по поводу «Справедливой России» и возникшего политического кризиса. В 2011-м весной, тот же Сурков (не самый неинформированный и не самый глупый человек) прямо в ужасе грозил Путину майданом и умывал руки. Он видел на два шага вперед, он был прав... Только Путин видел вперед на три шага и майдан, который Суркову осенью казался катастрофой, Путину весной уже отзывался победой... Мы слышали завывания Дугина и иже с ним о «катастрофе и самоубийстве Путина» в связи с Украиной и Новороссией... Им надо успокоиться! Ближайшие годы будут трудными – потому что это годы демонстрации благородства и слабости, годы уступок и заманиваний в ловушку, годы подготовки кинжального и резкого удара в сердце по самим США, удара, который произойдет позже. Когда? Когда надо! Все вам расскажи...

Вчера мои знакомые писали мне в личку: «На этот раз Навальный заигрался и его посадят». Я отвечал: матрос ребенка не обидит, зачем Путину унижать себя до борьбы с наемным козлом-провокатором? Наоборот, на нем лучше подчеркнуть свою силу, доброту и благородство или слабость, если кому-то так хочется это увидеть. А люди, контактирующие с Навальным от имени Кремля, давно ему дали все гарантии, а его призывы на Манежку есть просто ритуальное изображение пафоса борьбы. В которое не поверили даже сами сторон-

ники, ибо пришло их десять человек на защиту кумира. А вот это, кстати, тревожно. Если за козлом не идет стадо – он становится не нужен. Вот мне скажут. А зачем кремлевский политолог рассказывает все планы и все стратегии президента? Ведь если Навальный – кремлевский инструмент и Путин действует как действует, то лучше держать это в тайне, а то враги ведь прочитают и все узнают... Во-первых, глупость врагов такова, что они живут в своей башне из слоновой кости и ничего не читают. Читают только себя и живут в шизофренической реальности, в мирке ничего общего не имеющем с жизнью. Во-вторых, если и читают, то не понимают. В их мире нет сложных схем, а то, что тут написано это муть, конспирология и охрененная сложность для их мозга. В-третьих, если и понимают, то не верят. Ну невозможно признать им, что Путин их как щеглов обманывал, что он умный, а они дураки, это самоубийственно для их самооценки, это обесмысливает всю их нелепую жизнь и борьбу. Человек без самоуважения просто совершает самоубийство, поэтому, чтоб выжить, прочитавший это враг просто обязан будет это отторгнуть всеми фибрами души.

Это экзистенциальная причина для их поражения.

Они проиграют, даже если все планы Путина будут висеть на каждом заборе, они проиграют, потому что у них нет ни малейшего шанса победить. Так решили Бог и история и никакой мой пост с разглашением этой тайны это отменить не способен. Что касается друзей России и Путина, то это мой голос для ободрения и для усиления понимания происходящего, чтоб не сильно унывали, даже когда кажется, что все проиграно и власть ничего

не контролирует и совершает нелепые поступки. Это мой голос друзьям России, чтоб не поддавались на слова тех, кто говорит о катастрофе и поражении. Власть у нас всем властям власть! И как говорил батя Лукашенко: усе будэ чотко!

О суверенитете

Вопрос: *Власть все время говорит о каком-то суверенитете, Но разве это не устарелое понятие в нашем глобальном мире?*

Ответ: Понятие суверенитета все чаще и чаще подвергается нападкам в современном мире. Так ряд высокопоставленных европейских политиков неоднократно заявляли, что государственный суверенитет устаревшее понятие. Различные теоретики от Ж. Маритена до Ж. Аттали и А. Негри атаковали старейший юридический и философский термин в научной литературе. С одной стороны, понятие суверенитета «мешает» вмешательству международного сообщества в дела других государств, в случае если эти государства ведут неприемлемую политику с точки зрения «международного сообщества», с другой стороны, проводится мысль о несправедливости принадлежности природных ресурсов отдельным странам, а не всему человечеству. При этом подчеркивается несколько моментов: происхождение понятия суверенитета из средневековой политической мысли, феодальной по своей сути, возникновение понятия в результате отчуждения «власти» от народа в пользу суверена (как это было у Бодэна и у Гоббса), что при нынешней демокра-

тии признается неприемлемым, и «абстрактность» понятия суверенитета как «независимости», потому как в современном глобальном мире никакой независимости нет и быть не может. Даже сверхдержава не могут абстрагироваться от мира и быть независимыми в своей политике, в таком случае, зачем нам понятие, которое ничего не имеет под собой?

Однако, в философско-политической мысли есть традиция, которая остается актуальной и в которую никак не попадают ядовитые критические стрелы противников суверенитета. Скажем, Г. Гегель никогда не считал, что суверенитет возникает в результате отчуждения власти от народа в пользу суверена, он с самого начала полагал, что суверенитет принадлежит государю и только ему одному без всяких отчуждений власти со стороны народа. Так же Гегель считал, что философско-политические понятия не настолько бессмысленны и слабы, чтобы существовать только в абстракциях философов, понятие, которое не есть в действительности, по Гегелю, это вообще не понятие. Поэтому суверенитет это не просто «верховная и независимая власть», которая не может существовать, так же как не бывает «идеальный газ» или «абсолютно идеальная окружность», а реальность каждого дня жизни любого, даже самого маленького и слабого государства. Поскольку в государстве вообще издаются законы, то есть и кто-то, кто вводит их в действие, ставит последнюю подпись. Тот, кто это делает, тот, кто одной подписью превращает проект закона в закон, тот и есть носитель суверенитета.

Человек, государь, запускающий законы в действие, сам находится вне закона, подобно тому, как аксиомы логической и математической теории

не доказываются внутри этой теории, согласно «теореме о неполноте» К. Геделя. Суверен экстерриториален по отношению к закону, именно поэтому у него есть право помилования, право восполнения законов своими указами, право отмены всех законов и введения чрезвычайного положения (на чем особо настаивал К. Шмидт), право подписывания законов и тем самым введения их в силу. Естественно, что такой человек, экстерриториальный по отношению к законам, может быть в государстве только один. Народ вне закона быть не может. Попытки быть вне закона, нарушать закон, караются как преступления, тогда как суверену нарушения закона иногда вменяется даже в обязанность или, как минимум, закрепляется за ним как право. Вообще тезис о равенстве всех перед законом демагогичен: смысл любого законодательного акта состоит в том, чтобы определить, кому можно делать то, что другому нельзя, скажем, закон о полиции дает права полицейским в особых случаях, но не дает таких же прав другим гражданам. Другое позволено врачам, третье – депутатам, и так далее согласно, всем законам. Суверен, государь, носитель верховной власти, как уже было сказано, имеет самые широкие полномочия: он вводит в силу сами законы, равно как и отменяет их и восполняет их пробелы. Несмотря на провозглашение в конституциях большинства стран мира «народного суверенитета», в реальности все равно суверенитетом обладают государи, то есть, первые лица государств, как бы они не назывались.

Именно поэтому, как правило, нелегитимное устранение государя рушит всю государственную пирамиду, хотя, казалось бы, от одного человека не должно зависеть столь много в государстве.

Мы знаем из истории, какие смутные времена и гражданские войны возникали в случае дворцовых переворотов, убийств наследников престола или прихода самозванцев. Однако мы стали ошибочно полгать, что такой результат логичен для средневековых теократических монархий, где фигура государя, действительно была краеугольным камнем и была священна. В современные демократические времена такого быть не должно. Однако, не только вся история XX века, но и самая новейшая история учит нас обратному. Разрушение государственности и потеря территориальной целостности и гражданские войны в Египте, Ираке, Ливии, Украине, имевшие место после нелегитимных устраниний глав этих государств – это самые последние примеры.

Очевидно так же, что те, кто больше всего говорит об «устарелости» понятия суверенитета, а именно Запад, больше всего и пользуются реальным понятием суверенитета, то есть считаются с ним и осознают его значимость. Именно поэтому «цветные революции» инспирированные ими в странах-объектах, которые Западу было нужно десоверенизировать, опирались как раз именно на «народ» на майдан, на толпу на площади (которые в теории – носители суверенитета, а в реальности его могильщики), а основной удар сосредотачивался на главе государства (который в теории – не носитель суверенитета в отличие от народа, а на практике, как раз и есть средоточие суверенитета и последний бастион перед окончательной десоверенизацией).

Именно в свете актуальности понятия суверенитета понятны усилия НКО и НГО по финансированию оппозиционных сил самого различного толка и прямо противоположных направлений, как на-

пример, финансирование одновременно и либералов, и фашистов, религиозных фундаменталистов и ученых-атеистов, правозащитников и социалистов, радикалов и оппортунистов. Все они должны образовать единый фронт против действующего главы государства, который показывается как с одной стороны незначительный человек, «всего лишь человек», от перемещения которого ничего страшного не случится, а с другой стороны, он – сосредоточие всех зол, и, таким образом, после его смещения, требования самых противоположных сил вдруг чудесным образом окажутся удовлетворены. Те, кто это организовывает, не могут не сознавать действительной роли главы государства в государстве, роли носителя суверенитета. Следовательно, все работы теоретиков и высказывания политиков на тему «устарелости» суверенитета есть не более чем дымовая завеса для врагов и туман на экспорт, при всей видимости научности и обоснованности их тезисов и звучности и авторитетности имен в научном сообществе. Российскому научному и политическому сообществу надлежит бдительно следить за идеологической и геополитической подоплекой модных философско-политических теорий, которые контрабандой привносят в интеллектуальную среду разлагающие государство идеи и понятия.

О внутренней и внешней политике и интеллектуалах

Вопрос: *Россиянам сейчас внушают, что надо думать о заграничных событиях, об Украине или Сирии, а то, что происходит у них под но-*

сом – неважно. У нас стало как в СССР, когда вся политика стала строиться в ответ на действия Запада, а внутренняя политика стала определяться внешней и все либералы-интеллектуалы исчезли из кремлевского окружения и записаны в «пятую колонну» и во враги... Раньше хоть была концепция «суверенной демократии», а сейчас все деградировало...

Ответ: Россияне, де, много думают о зарубежных событиях, что де плохо. Скажу сразу, что думать глобально есть признак определенной зрелости. Мы справедливо смеемся и над американцами, которые не отличают Латвию от Ливии и не могут найти на карте собственную страну, и над провинциальным украинизмом с его «моя хата с краю». Любая ситуация понимается всегда исходя из целого. Подросток в переходном возрасте обвиняет родителей в том, что ему не купили джинсы, ему невдомек, что папа с мамой вовлечены в сложные трудовые отношения в стране, юноше пофиг: вынь да подай! Становясь старше, многие не уходят от этой логики далеко. Теперь они понимают, что трясти предков бесполезно, но зато теперь во всем у них виновата власть и президент. Балбесам не понять, что если ты едешь на «запорожце», ты можешь сколько угодно выбирать или свергать водителя, под предлогом того, что у него золотые часы, «Запорожец» «Мерседесом» не станет. Можно двадцать революций в Египте сделать, но в мировой экономике место Египта только станет хуже и даже с «запорожца» придется пересесть на арбу. Советского человека учили мыслить глобально, любовью слесарь у нас интересовался, «что ООН насчет Гондураса решил» и это было правильно. Страте-

гия врагов России именно в последние 20 лет была направлена на прививание нам местнического и материального мышления. Грубо говоря, мыслить глобально нам запрещали, мол, это не ваше свиное дело, на то есть великие нации. А вы смотрите в свою кормушку и глаз не поднимайте. Есть в кормушке месиво – хрюкайте от удовольствия, стало меньше месива – беситесь и верещите, требуйте у власти! Управлять такой свиньей очень удобно, с глобальной точки зрения. Например, хочешь поменять власть в какой-то стране – санкции введишь – месива становится меньше – хрюшки начнут бужить и несговорчивый хозяин данной страны пойдет на попятную. Красота! А вот если вместо хрюшек, думающих о своем корыте, есть глобально мыслящие граждане, которые видят не только месиво, но и кукол и даже кукловода, то всякие санкции не работают, а наоборот, работают в обратную сторону – это глобальным кукловодам очень неудобно. Поэтому оппозицию дико бесит, что наш народ размышляет о Европе и Америке: «Что вы мне про Америку!!! Давай про Россию говорить!!! Почему у нас хуже жить стало??? Путин виноват». Но народ у нас не инфантильные подростки и не свиньи, уткнувшиеся в свое корыто, и ПРИЧИНА такого положения в зрелости и эрудиции наших граждан, в глобальной и государственной ответственности или мессианстве. Теперь вся политика строится в ответ на действия Запада, как было в СССР? Как было в СССР, я в силу возраста, помню. Ничего подобного в массовом сознании нынешних россиян и позднесоветского человека эпохи поражения не было. А был грубый материализм (джинсы и жвачка) и преклонение перед Западом до настоящего безумия, когда студентки в Москве отда-

вались иностранцу только потому, что он иностранец, а полиэтиленовый пакет с рекламой Мальборо носили целый год как сегодня сумку Луи Витон, с гордостью. Концепция «суверенной демократии», которую с тоской решил вспомнить автор вопроса, была всего лишь полумерой в этой же серии. Она подразумевает, что мы в принципе отказываемся от глобального лидерства и соглашаемся на западный дискурс демократии, мы всего лишь претендуем на свой маленький уголок внутри этой демократии, на свой ограниченный суверенитет. Концепция пораженческая и пассивная. Но, наверное, десять лет назад такая только и была по силам. На такой пораженческий дискурс только и способны были «интеллектуалы» десятилетней давности. Кто там были интеллектуалы около Кремля? Павловский, за 30 лет работы политологом не написавший ни одной книги, ни одного внятного труда? Гельман? Устраивавший за бюджетные деньги сборища примитивных провокаторов, тролливших церковь и обычную нравственность?

«Интеллектуал – это либерал»? Не льстите себе. Многим либералам этого бы хотелось, но на самом деле либерал это типичный полуинтеллектуал, недоучка, усвоивший господствующий дискурс и мыслящий в рамках категорий эпохи Просвещения, которым уже триста лет (свобода, прогресс, демократия и прочие фетиши). Еще Гегель, говоря о либералах, цитировал и подправлял Бэкона: «Подобно тому как Бэкон справедливо заметил, что немного учености удаляют от Бога, а мудрость обратно к нему приближает, в политике немного учености удаляют от Государства, тогда как настоящая ученость опять возвращает к нему». Либерал в XIX веке – разночинец, образованец.

Великие люди нашей культуры, Достоевский, Толстой, Леонтьев, Гоголь, Федоров, Соловьев, Блок, Булгаков и прочие никогда не были либералами. А Пушкин был им в молодости, в зрелости став консерватором, буквально иллюстрируя цитату Гегеля. Сегодня либерал это «креакл», тот же разночинец, офисный планктон, чье сознание сформировано десятком западных модных книжек, типа Энн Рэнд и фейсбучными мудростями. Народ, чья нравственность и образ жизни, формирующиеся в микропрактиках и передающиеся из поколения в поколение, протестуют против недоучек, может быть не болтает много в соцсетях, но зато в состоянии уже отличить научнообразно говорящих обученных мартышек от людей, чьими устами говорит здравый смысл. Как раз 5 лет назад система была максимально простой: ни выборов губернаторов, ни малых партий, ни одномандатных округов в ГД, ни дискуссий... На экспертных площадках надували щеки павловские и гонтмахеры под девизом «ни слова в простоте» и создавали иллюзию сложности политических решений. Сегодня и благодаря обновлению пула экспертов в СМИ, и благодаря широчайшему привлечению в политику огромного количества новых лиц (это и реформа МСУ и множество новых депутатов и лидеры новых малых партий и молодая поросль раскручивающихся для ГД кандидатов и проч.), и благодаря расширению повестки дня (которая раньше была сужена искусственно до обсуждения быдло-темы «воруют – не воруют»), сегодня российская интеллектуальная атмосфера самая интересная в мире! И она обсуждает темы, касающиеся мира, на что в остальном мире наложено табу (в СМИ точно, и чуть-чуть порядок нарушают соцсети). Недаром Россия все

больше захватывает авторитет в мире, потому что здесь своего рода лаборатория, в которой реально сталкиваются дискурсы либерализма, социализма и консерватизма, их миксов и разновидностей. Западные эксперты выглядят на этом фоне зашоренными и неинтересными. Поднимающийся Третий мир с интересом слушает помудревшую после всех испытаний Россию, а к поучениям прежних гуру либерализма относится как к «разводке для лотов», чем эти поучения и являлись всегда по факту. Мир устал от «креативных» прибаваний членов к площадям и сопровождающих их речей кураторов о «приватизации ануса путем матанарративной трансгрессии», мир возвращается к простоте, присущей мудрой нравственности, к тому, что, может быть, не совсем точно назвали «консервативными ценностями».

Напомню, именно предпоздний СССР выступал в свое время в роли нынешних США: боролся с религией, говорил о прогрессе, вмешивался во внутренние дела государств по всему миру, свергал диктаторов, сеял хаосы и гражданские войны под видом национально-освободительных, обучал у себя (ну прям как сейчас в американских НКО) революционеров и демократов, прогрессивно мыслящих интеллектуалов, в сравнении с которыми их родные народы были отсталыми ватниками. И именно поэтому Рейган провозгласил борьбу с «империей зла», привлекая на сторону Америки всех консерваторов по всему миру. Потом в самой Америке пришли к власти троцкисты и сторонники мировой революции, воспитанные еще на бунтах 60-х. Говоря в терминах Хабермаса, США тогда защищали жизненный мир и коммуникативный разум против агрессивного натиска прогрессистов-

специалистов, детей эпохи Просвещения. Сегодня роли поменялись, сегодня мы защитники коммуникативного разума и жизненного мира планеты, против мафии учеников университетских болтунов и педерастов, будь они в СМИ, культуре, политике или бизнесе. По чему тоскует автор вопроса? По времени, когда вокруг власти вились всякие проходимцы и псевдоумники, которые агрессивно «просвещали» темный народ. Сегодня власть – с народом, который «темен» только с точки зрения однополых креаклов, но который на самом деле хранит основу – жизненный мир – основу для рождения в том числе и пресловутой интеллигенции. В каких-то странах «рубление сука» уже необратимо до такой степени, что мозги приходится высасывать из других стран, где жизненный мир еще существует, так как свои университеты способны породить только «псак». Видит Бог, российская власть не просилась на роль мирового спасителя. Мы спокойно могли, наверное, и дальше сидеть в «суверенном» углу единого мирового пространства «демократии». Нас вынудили заняться мировыми проблемами. Вынудили, разрушая наш мир (путьками, переворотами по периметру, перекраиванием мировой карты, двойными стандартами, мошенничеством под видом экономического партнерства, требованиями покаяний в несуществующих грехах).

Теперь внешняя политика стала нашим внутренним делом.

Олег МАТВЕЙЧЕВ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ВОЙНЫ XXI ВЕКА

«МЯГКАЯ СИЛА»
ПРОТИВ АТОМНОЙ БОМБЫ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 11.
Тираж 2000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
[www . kmbook . ru](http://www.kmbook.ru)